

Григорий Веков

**ФИЛОСОФИЯ РАЗУМА
Ф. НИЦШЕ**

DELIBRI

Москва
2020

Автор приносит извинения
за отсутствие корректуры
текста

ШКОЛА РАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

**Ф и л о с о ф и я Ф . Н и ц ш е —
Н О В Е Й Ш И Е И Д Е И С У Б Ъ Е К Т И В Н О Г О
Р А З У М А**

Массовые политические движения в мировой истории появляются и исчезают, тогда как великие философские идеи остаются. Нам известно, что идею Ницше, ставшую основным эпиграфом нашей работы, пытались поставить на службу своей идеологии фашистские вожди. Однако любой вождизм не относится к пониманию глубокой философской мысли, которую можно трактовать по-разному, в том числе и крайне примитивно. Например, известны конспекты Ленина работ Гегеля, в которых он делал пометки: «мутная водичка» в тех местах, где нужно было проявлять какие-то признаки разумной мысли, отсутствующие у вождя большевистской орды. Аналогичным образом, и мысли фашистских вождей были далеки от разумного понимания философского наследия Ницше. Глубина высказанных новых идей Ницше требует возвращаться к ним снова и снова, демонстрируя их невероятную актуальность в наше историческое время по одной причине, которую никто не замечал до нас. Эта причина выражается в том, что в этой философии, в специфической форме были разработаны новейшие позиции субъективного исторического ра-

зума. Содержание всей нашей философской мысли в этой работе будет «крутиться» вокруг глубоких идей философского наследия Ницше. С другой стороны, мы стоим на позициях объективного исторического разума, а он требует диалектически относиться к субъективной разумной мысли в философии Ницше, то есть не искать того смысла, который вкладывал он сам, а раскрывать ценность содержания его философских идей в наше историческое время. В этом смысле, содержанием этой работы должен стать ответ: куда исчезли люди, производители высших ценностей в наше историческое время, и почему ничто не связывает в наше время разумных людей, то есть они оказались в полной пустыне на фоне стремительно растущего количества массовых коммуникаций.

Субъективные идеи исторического разума, разработанные Ницше более столетия назад, демонстрируют, в первую очередь, бесконечную пропасть, фактически, ницшеанскую «бездну»: между разумным миром и миром человеческого абстрактного рассудка. Так, в пространстве метафизического мира производятся высшие ценности, определяя исторические пути развития мировой цивилизации, а там, где они отсутствуют, существуют только представления о материальной реальности, которые относятся к миру «человеческой» культуры. Причем, в сознании человека метафизическая граница существования мира в некоторые моменты мировой истории кардинально меняется. Первый такой кардинальный перелом был связан с исчезновением языческой веры и началом доминирования веры монотеистической, а второй происходит в последние два столетия, когда вера в разум кардинально изменила быт и нравы людей. Поэтому идею Ницше: «Бог умер» мы должны понимать исключительно в контексте кардинального изменения судьбы мировой цивилизации с позиции субъективного разума,

когда исчезла взаимосвязь цивилизации и уже обжитого человеком метафизического мира, что и привело в наше историческое время к феномену возникновения псевдоцивилизации и ее базы, массового общества, этого политического механизма по уничтожению разума человека. Но исчезновение метафизической границы мира, связанной с представлением о его божественном происхождении, еще не есть исчезновение самого метафизического мира. Этот мир в последний век существования мировой цивилизации открылся с неожиданной стороны, со стороны онтологической сущности времени, то есть метафизика времени становится в наше историческое время объективным материалом разумного понимания метафизического мира.

...

Неразумная массовая культура последних десятилетий очень цинично поступила с великим наследием исторического прошлого мировой цивилизации. С одной стороны, признавая великие достижения философии, созданные философами, такими как Платон, Аристотель, Кант или Гегель, писателями, такими как Гомер и Шекспир, или художниками, такими как Босх или Микеланджело, приклеило им ярлык «гениев», тем самым исключив существование подобных людей в среде современников, поскольку низшие ценности массового общества не предполагают в своей системе производство ценностей высших. Мы же, используя идею Ницше о пропасти между высшими и низшими ценностями, то есть ценностями разума и абстрактного рассудка, будем рассматривать низшие ценности с точки зрения тех немногих людей, которые в прошлом эти высшие ценности произвели. Ведь проблема состоит в том, что в наше историческое время нет даже чего-то минимально близкого к масштабу этих личностей, определявших направление развития мировой цивилизации.

Конечно, в заявленной идеи Ницше, ставшей главным эпиграфом к нашей работе по Ницше, есть грубая ошибка, которая вскрылась только в наше историческое время, которая говорит о том, что сверхчеловеческое ощущение мира в личностях, которые высшие ценности производят — это не биологическое, а скорее прямо противоположное биологической природе, что, собственно, никак не может принять массовое сознание, ориентированное на представления об эволюционном происхождении человека. Ведь метафизическое, по существу, есть всегда то, чем веет от «загробного» мира. Но, с другой стороны, мы, например, не можем приуменьшать великие идеи Платона только потому, что он дает определение человека как «существо двуногое и без перьев», а значение философского наследия Канта по той причине, что он постулировал существование бога. Тот, кто идет вперед в понимании метафизического мира, неизбежно ошибается, поскольку найти материал и средства для принципиально нового его понимания мира крайне сложно.

...

Особенностью современной «логики» психоанализа является представление, что все великие достижения высших ценностей, в отличие от современных достижений псевдоцивилизации, практически полностью связанных с научно-техническим прогрессом, обусловлены чем-то в достаточной степени психически «нездоровым» в человеческой природе, каким-то отклонением от определенной психической нормы, которая необходима для полноценного функционирования человека в современном массовом обществе. Ведь понятно, что великие достижения прошлого не могли бы появиться в этой моральной клоаке, которая называется «массовое общество». Мы же утверждаем, что, наоборот, личности, производящие высшие ценности, сами являются

критерием психической полноценности человека в ту или иную историческую эпоху, что, в принципе, тоже является идеей субъективного разума Ницше, когда он противопоставляет «полноценное» и «неполноценное» в природе человека. Мы полагаем, что в этой идеи Ницше впервые, можно сказать, за всю историю философии, граница между разумом и абстрактным рассудком получила такое резкое и, можно, агрессивное противопоставление. И если агрессия абстрактного рассудка против непосредственных человеческих чувств набирала обороты от столетия к столетию в последние века, начиная от эпохи Просвещения, то разум постоянно «отступал», сдавая свои позиции чистой абстракции мысли, пока, наконец, не исчез в разного рода суждениям, очень далеких от рациональной философии, подобных рассуждениям Рассела, где философия выступает в качестве «служанки» науки. Но в действительности, подлинная философия есть нечто принципиально иное. Это метафизический «огонь», который плавит мертвое «болото» повседневности «человеческой» реальности бесконечным риском присутствия в метафизическом мире, где нет надежды на спасение, которое гарантирует ему мифология представлений любой культуры, в том числе и научной.

В русле значимости достижений философского наследия Ницше мы должны, исторически, оценить его значение приблизительно на уровне вклада философской мысли Плотина, которая, с одной стороны, впитала в себе весь живой опыт предшествующей греческой философии, а с другой, заглядывала вперед, в будущее, с позиции новейшей сущности субъективного исторического разума. Так, именно Гегель был первым, кто перестал считать Плотина мистиком, но указал на исключительный вклад мысли Плотина в понимание разумной сущности онтологии бытия. Разве можно судить Плотина за слабость технических

возможностей его философской мысли, если он жил в тот момент, когда античная цивилизация «сыпалась», а вокруг уже всюду доминировала новая вера в единого бога? Так и Ницше был последним великим философом западно-европейской цивилизации, когда внутри нее еще существовали какие-то рациональные связи, но вокруг уже полностью кипела активность новой веры в научно-технический прогресс, оттесняя разумный мир.

Вообще, мы с позиции высших ценностей объективного исторического разума, полагаем, что в современной псевдоцивилизации победил не разумный человек, а человек, который разумом не обладает, но обладает цепким прагматичным рассудком, который везде насаждает разнообразную мифологию веры в разум, опирающуюся на миф о том, что разум и научно-технический прогресс — суть одно и то же. Именно этот неразумный человек навязывает массовому сознанию в системе ценностей современной псевдоцивилизации миф о происхождении разумного человека от обезьяны, как в аналогичное историческое время в момент перехода от языческой веры — к монотеистической, первые христианские секты практически полностью опирались на истины ветхого библейского завета, поскольку новая вера не имела практически никакого опыта. Известно, что средневековая мысль начала формироваться только в соприкосновении с греческой философией, освобождаясь от ветхозаветного библейского влияния, тем самым демонстрируя идею «вечного возвращения» расового бессознательного Homo sapiens к высшим ценностям мировой цивилизации. Параллельно происходил процесс и формирования религиозной высшей касты в институте христианской церкви в ее подражании египетскому жречеству, когда, исторически, одними из первых, в истории возникли христианские секты коптов на территории Др. Египта. Так, мы принципиально

не согласны с Ницше в том, что монотеистическая вера является чем-то враждебным высшим ценностям. Идея единого бога, то есть происхождение мира и человека из какого-то единого метафизического начала, которое существует в глубинах человеческой души, — это великая идея. Другое дело, что она себя исчерпала в метафизическом смысле, то есть сместилась на обочину истории мировой цивилизации, став лишь достоянием культуры и, как следствие, определенной мифологии представлений человека. Впрочем, и сам Ницше постоянно говорит о том же, поэтому между материалистическим утверждением — «бога нет», которое доминировало в мифологии коммунистической веры, и утверждением «бог умер» существует бесконечная и, можно сказать, агрессивная пропасть позиций: поверхностного рассудка и субъективного разума. В первом случае, мы вспоминаем крайнюю примитивность неразумного противопоставления «капиталистической» и «социалистической» системы ценностей как одной из разновидностей современной мифологии сознания, а с другой, глубочайшую боль человеческой души, оказавшейся лишенной тысячелетнего опыта спасения в представлениях традиционной культуры.

Идею существования сверхчеловека мы трактуем с объективной позиции современного исторического развития мировой цивилизации. А она требует полагать, что под «сверхчеловеком» необходимо понимать очень небольшую группу людей в мировой истории, определивших внутреннее развитие мировой цивилизации, и которых принято называть в массовой культуре «гениями» или «великими личностями». То, что до Ницше не было исторической необходимости такого жесткого противопоставления людей, которые производили высшие ценности, — человеку массы, говорит о том, что еще не было в истории такого

агрессивного противостояния: разума и абстрактного рассудка, когда последний исключает существование разумного человека из своей политической системы.

С точки зрения исторического будущего мировой цивилизации, когда начало ее возникновения ее принципиально новой политической модели характеризуется мрачным отсутствием разумных политических событий Темных Веков, в нашем понимании, миф о происхождении *Homo sapiens* от примата, исторически, подобен самым примитивным представлениям о происхождении человека по воле единого бога в начале становления западноевропейской цивилизации в истории Темных Веков, практически полностью определяемое истинами библейского Ветхого Завета. В этом смысле, можно сказать, что современный человек не знает о метафизической сущности разума практически ничего, поскольку представления о его научном обосновании формировались еще в старом мире, то есть в безусловной предпосылке его божественного происхождения как единственной идеи метафизической реальности бытия, или, что еще хуже, в полном отождествлении разума и научного-технического прогресса.

Размышляя над философией субъективного разума у Ницше, мы должны понимать, что его позиция ограничена ценностями культуры, поскольку культура, пусть даже она высшая, относится к разуму как к чему-то «внешнему», с чем необходимо считаться в силу необходимости высших функций разума по отношению к рассудку. В этом смысле, если следовать только рассудочной позиции философии «практического» разума у Ницше, мы попадаем в историческую концепцию Шпенглера, где устранено самое главное и самое ценное в философии Ницше, - возможность развивать объективно-исторический смысл его философских идей. Для сравнения здесь можно привести пример отноше-

ния философии Канта и философии Гегеля. Так, объективность рационального мышления Гегеля неизбежно «размывает» субъективизм рассудочной позиции Канта, как позиции культуры, с его постулатом о существовании бога и стремлении человека к счастью с позиции необходимости переосмысления объективной сущности исторического разума. Как известно, в объективно рациональной философии Гегеля высшей субъективной моральной позицией разума становится сознание долга, а не стремление к счастью, как у Канта. Так и мы, поскольку мы являемся частью мировой истории, частью онтологического потока исторического времени, в котором представления человека постоянно отправляются на «помойку» мировой культуры, то есть на обочину развития процессов мировой цивилизации, рассматриваем идеи Ницше с позиции обновленного смысла одной из его основных идей, идеи «воли к власти». Важнейшим, мы полагаем в этой идеи Ницше величину дистанции, оцененную между рассудком и непосредственным чувственным восприятием: «человек» — «обезьяна», а также между разумом и абстрактным рассудком: «сверхчеловек» — «человек». Правда, эти дистанции выражены языком метафор, поскольку речь, собственно, идет об острейшем переживании новизны мира, кардинально отличающегося в своем ощущении от традиционных представлений о нем, в том числе и научных. Именно острота новизны ощущения этого мира и потребовала деления ценностей на высшие и низшие, поскольку доминирующие позиции абстрактного рассудка, потерявшего взаимосвязь с разумным пониманием мира, способны производить только разного рода мифологические представления о мире. Так, поверхностный схематизм различных абстрактных представлений о мире, опирающийся на научное знание, практически «заблокировал» возможность его разумного осмысления, которое дистанцируется с представлениями

исключительно «человеческого» мира. Тот факт, что новая метафизика, выраженная в философии Ницше, мало связана с традиционным представлением о метафизике, требует принципиально новых подходов в ее понимании. Поэтому мы развиваем комплекс идей Ницше именно с позиции объективного разума. И, в достаточной степени, мы решаем задачу, которую в свое время решал Гегель по отношению к философскому наследию Платона: доказать, что философское наследие Ницше имеет отчетливую рациональную позицию субъективного разума.

Взяв за основу: анализ основных идей субъективного разума в философии Ницше, мы решаем прагматичную цель, — выяснение современных исторических позиций объективного разума, поскольку окружающее нас массовое общество мировой системы псевдоцивилизации практически полностью иррационально. Все процессы и события протекают здесь за пределами исторического разума, что дает возможность определять нашу историческую эпоху, как эпоху новейших Темных Веков. С другой стороны, для разумного человека очевидно, что рациональной философии в российской истории никогда не было. Были любители «порассуждать» на досуге на разные философские темы, а также очень неплохие аналитические работы, стремившиеся понять основные идеи западноевропейской классической рациональной философии, но самостоятельной субъективности и объективности рациональной мысли здесь не существовало. Отличие же классической рациональной мысли от разного рода произвольных представлений, которые характеризуют «философствующих» на разные темы людей, состоит в том, что субъективный и объективный разум необходимо присутствует в понимании авангардных событий мировой истории. Мы утверждаем, что разум всегда повествует о будущем мировой цивилизации.

ЧАСТЬ I.

«Сверхчеловеческое»

как мера высших ценностей

Сверхчеловек — это высший биологический тип, который относится к человеку, как тот относится к обезьяне.

Ф. Ницше

Если современный мыслящий человек попытается искать что-то разумное в окружающей его активности массового общества, то практически нигде не найдет его присутствия. Так, разумное во всем его многообразии: в образе жизни человека, в каких-то новых идеях, которые указывают на будущее мировой цивилизации, в развитии фундаментальной науки — все это куда-то испарилось, погрузив остатки присутствия цивилизации в многообразный мусор псевдоцивилизации. Мусором в массовом обществе стало все: человек, семейные ценности, технологические достижения науки и даже финансовые потоки, которые еще кое-как прокачивают эту тотальную гниль человеческой жизни, тоже стали проникнуты чем-то откровенно мусорным. И то, что эта гниль массового общества скрывается за разного рода мифами, может успокоить только человека, в ком разум находится лишь в самом зачаточном состоянии. Осколки недавно еще активной западноевропейской цивилизации буквально на глазах зарастают этим многообразным мусором того, что необходимо определять с позиции объективного разума как BLITEUM (мусор) псевдоцивилизации.

Мы утверждаем, что мировая история развивается не линейно, а в системе фрактального пространства, которое демонстрирует присутствие периодического появления и исчезновения разумного существования цивилизации. Подобный характер развития мировой истории показыва-

ет, что цивилизация развивается в качестве периодического появления и исчезновения активности политических сил, утверждающих исторический разум. Поэтому фрактальный характер развития мировой истории требует принципиально по-другому понимать и саму сущность исторического времени. Так, время во фрактальной системе исторических координат является тем метафизическим началом бытия, чья сущность имеет исключительно важное значение в рациональной философии. Ведь только понимание метафизического начала бытия в объективности философской мысли предполагает, что является ложным, а что — истинным в сущности того или иного явления.

Откуда взялся этот многообразный мусор псевдоцивилизации с ее едиными стандартами жизни человека для всех мегаполисов мира, где практически все направлено против возможности человека проявлять свою разумную индивидуальность? Мы полагаем, что этот мусор — осколки существования мировой цивилизации, в которой рациональные коммуникации рухнули практически полностью в начале XXI века. Понятно, что внутренние связи этой цивилизации сформировались как результат влияния на жизнь человека западноевропейской модели развития воли к власти, которая, как мы видим, практически исчезла как опора внутренних рациональных процессов развития мировой цивилизации в новейшее историческое время. То, что мы наблюдаем, — так это власть над массовым сознанием человека мифологии низших ценностей, простроенных на вере в тождество разума и научно-технического прогресса. Вообще, сама логическая структура мифа, как мы утверждаем, формируется в результате образования единых представлений о мире, гарантирующих определенную стабильность функционирования временных социальных институтов в истории развития мировой цивилизации.

Представление же — это основной инструмент «человеческого» абстрактного рассудка, в котором формируется миф, где логические построения строятся при условии отсутствия в них противоречивости суждений.

...

Размышляя над событиями мировой истории, где периодически гибнут и рождаются новые модели мировой цивилизации, мы должны ответить на вопрос: почему они разрушаются и каким образом формируются новые основы цивилизации? Здесь рациональным является такое понимание процессов мировой истории, в которых она рассматривается не как последовательность линейных событий, где победоносно шествует научно-технический прогресс: от примитивных — до его наивысших современных достижений, а как нечто цикличное, что, например, попытался проанализировать Шпенглер в своем понимании исторических событий. Однако сама идея цикла не может быть применена к сложности понимания исторического события, если рассматривать цикл механически, как в научной схеме, поскольку наука есть лишь производная от живого исторического процесса развития мировой цивилизации. Ведь история мировой цивилизации — это не мера развития научно-технологических возможностей человека, которые, очевидно, к духу мировой истории имеют косвенное отношение, а мера присутствия или, наоборот, отсутствия в его повседневной жизни причастности к метафизическому миру, в котором горит «огонь» воли к власти, то есть процесс производства высших ценностей.

Мы утверждаем, что разумный человек есть феномен фрактального присутствия в человеческой жизни метафизического мира. Другими словами, Homo sapiens, как расовое существо, есть существо воли к власти мира метафизического, который не сводится к низшей шкале «человече-

ских» ценностей. Именно этим мы объясняем феномен исчезновения одних цивилизаций и появление новых, когда исчезает активное производство высших ценностей в угасании исторического «огня» воли к власти. Единую же историю мировой цивилизации связывает именно эта цикличность активности *Homo sapiens* в построении рациональных коммуникаций между людьми, то есть его волю к власти, когда периодические провалы в Темные Века событий мировой истории есть следствие исчезновения влияния метафизической границы на сознание человека, по отношению к которой активна его разумная воля. Этим объясняется огромное влияние психоаналитической теории бессознательных влечений в массовом обществе, а именно, практически полным исчезновением присутствия разумной воли к власти человека в этом обществе. Ведь если воля к власти разумного человека не действует, то власть в коммуникациях между людьми захватывают влечения, которые в результате сублимирования ценностями культуры создают ту сферу представлений о реальности, в пространстве которой полностью отсутствует риск появления новых идей во всех областях знания. В силу этого, современная армия психоаналитиков в западноевропейской псевдоцивилизации и подменила собой не менее многочисленную до недавнего времени армию священников, что мир метафизический исчез в системе западноевропейских массовых социальных коммуникаций. Собственно, именно так гибнут цивилизации, когда внутри их коммуникаций почти полностью исчезает метафизический мир как воля к власти разумного человека.

Мифология представлений о мире — вот на чем держится агрессивная энергия влечений человека, сублимированная до сознания ценности «деловой» активности в массовом обществе. В первую очередь, миф создает такую систе-

му коммуникаций, в которой гарантируется достаточная стабильность определенной системы ценностей, где не подвергается сомнению их основа. Так, например, нельзя было утверждать, что не существует бога в период тотальной власти монотеистических религий, как и в наше время, утверждать, что научно-технический прогресс — это следствие тотальной власти мифологии веры в существование единственности научной истины. Вообще, понимание того, что вера проистекает из определенной мифологической системы представлений, на основе которой формируется массовая активность человека, требует кардинально различать ценности культуры и ценности цивилизации. Если ценности культуры определены как следствие действия логических операций абстрактного рассудка в той или иной системе представлений, то ценности цивилизации выражают позицию исторического разума, в которых противоречия мысли — это необходимое условие понимания целостности разумного мира.

...

Мы утверждаем, что современная биологическая наука развивает один из наиболее враждебных разуму мифов — миф о биологическом происхождении расы *Homo sapiens*. Предпосылки этого мифа очевидны. Они проистекают из абсолютной веры в единственность существования материального мира, когда вопрос о происхождении «разума» сводится к объему головного мозга человека и уровню развития технологических возможностей человеческого интеллекта. Но поверхностный взгляд на примитивный мусор человеческой жизни в массовом обществе, который производит окружающая нас псевдоцивилизация, доказывает, что в истории мировой цивилизации в наше историческое время победил не разум, а то, что ему противостоит — хаос энергии животных влечений человека, сублимированных

до самых примитивных потребностей человеческой жизни. Конечно, в сравнении с человекообразным существом, использующего первобытные орудия труда, современные технологические достижения псевдоцивилизации кажутся вершиной развития человеческого разума, однако мы не находим в этом многообразном BLITEUM производимого человеком того, что доказывает существование цивилизации в наше историческое время — присутствия личностей, которые производят высшие ценности. Тотальная власть низших ценностей в современном образе жизни массового человека доказывает, что в событиях новейшей мировой истории победил не разум, а его имитация, скрываемая за мифологией победившего в мировой истории стереотипа поведения Quasi Homo.

Размышляя над концепцией мировой истории Шпенглера, легко заметить, что цикличность исторических событий в них имеет очень специфический характер. Ее особенность состоит в том, что эти события образуют характер подобия, которое производится в определенном временном ряде как целостная художественная картина фрактальных элементов этих событий. Отдельные детали художественного целого этих событий образуют здесь более сложные фрактальные структуры, в которых цикл отображает не механическое повторение событий, а архитектонику целого, где каждый элемент указывает одновременно и на прошедшие исторические события, и на будущие события. В определенном смысле, можно полагать, что мировая история существует здесь как картина великого художника, чья «кисть» вырывается из метафизического потока времени. Как известно, эта фрактальная картина заканчивается у Шпенглера на моменте перехода модели развития западно-европейской цивилизации в иррационализм псевдоциви-

лизации и предположении, что происходит процесс зарождения «русско-сибирской» цивилизации.

Для нас историческая концепция Шпенглера демонстрирует принципиально новый взгляд на исторические события, которые развиваются не в линейной, а во фрактальной системе координат. Используя эту систему исторических координат, можно понять, что феномен расовой природы *Homo sapiens* имеет не биологическое, а метафизическое происхождение, когда его появление в событиях мировой истории совпадает с властью класса аристократии. Именно на этом очень небольшом промежутке времени производится максимальное количество высших ценностей. Вообще, размышляя над понятием «ценность», которое, как известно, ввел в философию Ницше, мы полагаем, что, с научной точки зрения, речь идет о мере понимания явления как фрактальной структуры, которая может восприниматься и как условная «точка» этой структуры, если требуется построить устойчивое представление, и как фрагмент сложной картины художественного целого, если требуется понять разумную природу метафизического явления. Ценность — это «взгляд» на предмет, который стремится представить его в качестве понятной схемы, и тогда цена этому предмету становится адекватно оцененной в денежном эквиваленте. Но этот же предмет, если его рассматривать не с позиции рассудка, а с позиции разума, виден со стороны своей метафизической сущности, а потому не может быть измерен денежным эквивалентом, поскольку относится к высшим ценностям. Так рассматривается любое проявление образа жизни человека: семейные ценности, политика, искусство, наука. Любая сфера может быть и проявлением низших ценностей, и проявлением высших ценностей жизни, — вопрос лишь в том, на каком основании они раскрываются.

...

Поскольку нашей задачей является возродить рациональную философскую мысль практически из небытия, в которое ее погрузило стремление поверхностного рассудка — все приводить к какой-то научной обоснованности, мы должны, в первую очередь, понять подлинную природу метафизического феномена, то есть того, на чем, собственно, и строилась история рациональной философии. То, что современная псевдоцивилизация закатала почти в «асфальт» рациональную философскую мысль своим требованием необходимости научного обоснования, исторически, подобно требованию религиозной средневековой мысли во время ее доминирования — все обосновывать библейским откровением. Но подлинный разум использует те инструменты понимания рационального мира, которые требует настоящий момент исторического времени. Особенность же нашей мысли состоит в том, что до нас философская рациональная мысль полностью отсутствовала в российской истории. Именно это и составляет наибольшую трудность — начинать практически с нуля, когда до тебя еще ничего не было. Однако любая модель мировой цивилизация начинается с самостоятельной рациональной мысли, стараясь максимально освободиться от различных подражаний. Мы же, обозревая многообразие крайне примитивной попытки до нас мыслить рационально самостоятельно, обнаруживаем лишь разного рода мифы, которые направлены на то, чтобы показать массовому сознанию в России, что здесь «все хорошо». Впрочем, и другая противоположность, которую мы обнаруживаем здесь со стороны псевдолиберальной мысли, утверждающей, что здесь «все плохо», также выражена лишь во множестве мифов, где отсутствует то, что определяет подлинную сущность разума — разумную индивидуальность человека, существу-

ющего в событиях мировой истории, а потому несущую полную ответственность за эти происходящие события.

Исходя из разумного понимания событий мировой истории, мы должны осознавать, что наибольшая и наименьшая активность в структуре цивилизации разума является периодическим явлением, а потому и феномен проявления расовой природы *Homo sapiens* также имеет циклический, а не линейный характер. Мы должны правильно понимать существо расы *Homo sapiens*, — ни как биологический вид, а как отображение высших процессов человеческой психики, устанавливающих собой волю к власти разумных коммуникаций между людьми, то есть как явление метафизическое.

С позиции высших ценностей, наше историческое время — это время Темных Веков, следуя классификации исторического времени по Гегелю, с учетом исторической концепции Шпенглера. Объединяющий момент эти двух исторических концепций, где у Гегеля рассматривается ложный принцип линейного развития мировой истории, а у Шпенглера — ложное противопоставление цивилизации и культуры, мы находим во фрактальной системе исторических координат. Ведь по существу, циклам исторической концепции Шпенглера не хватает объективно разумного основания, поскольку разумное понимание мировой истории не может заканчиваться чем-то негативным, как, например, «закатом Европы». История, с позиции объективного разума, есть всегда нечто, оправдывающее существование человека, если он оценивает свою жизнь как часть метафизического мира. И если метафизическое основание в линейной исторической концепции Гегеля присутствует отчетливостью сакральной силы, которую он полагает абсолютным духом мировой истории, то историческая концепция Шпенглера все сводит к чему-то «человеческо-

му», а человеческое, по существу, есть всегда что-то смертное и земное. «Человеческое» — это массовый человек, материалист, активный в своей деятельности в процессах современной псевдоцивилизации, чем бы он не занимался и какой бы социальный статус не занимал. То, что этот Quasi Homo именует себя не иначе, как «деловой человек», подчеркивая значимость своей ничтожной деятельности, максимально усиливает трагизм и катастрофичность исчезновения рациональных коммуникаций в современной цивилизации между разумными людьми. Ведь тогда получается, что процесс производства высших ценностей не имеет своего пространства существования в этой среде доминирования ничтожного образа жизни Quasi Homo, поскольку он не может быть оценен денежным эквивалентом. Высшая ценность — она потому и высшая, что не может быть приведена к чему-то, что имеет какую-то «человеческую» цену, а должна иметь в своей основе что-то сверхчеловеческое. В этой тотально иррациональной среде, где примитивная социальная активность человека признается единственно значимой, не пора ли поставить вопрос о том, что в среде этих руин мировой цивилизации разумному человеку необходимо строить рациональные коммуникации практически в полной пустыне. Все это уже было замечено столетие назад в философии Ницше, правда, на фоне самых зачаточных проявлений массовой культуры, в отличие от нашего исторического времени, когда она стала какой-то «проказой», поражающей собой все полноценное в человеке. «Мусорные» информационные потоки, болтовня о инновациях, о новых технологиях и инвестициях — все это низшие ценности псевдоцивилизации, разговоры о которых направлены на то, чтобы увести от главного вопроса: для чего существует человек с позиции объективного разума в этом многообразном мусоре низших ценностей массо-

вого общества? Понятно, что иррациональная деловая активность современной псевдоцивилизации, за которой скрывается лишь животный инстинкт самосохранения и примитивная любознательность к миру — это не разум, а то, что ему противостоит. Мифы же, опирающиеся на веру в научно-технический прогресс, относятся так же к развитию новых идей фундаментальной науки, как в свое время деятельность почти полностью морально разложившейся католической церкви относилась к великой идее божественного происхождения мира.

Опора на фрактальную систему координат в мировой истории нам необходима для того, чтобы понять разумные основания мировой цивилизации, когда в современных мифах СМИ псевдоцивилизации навязывается тотальная низшая система ценностей. Наукообразность различных примитивных суждений стала основным инструментом в производстве огромного количества мифологических представлений о жизни, поскольку современная фундаментальная наука дышит на ладан, если не сказать, что полностью исчезла, именно из-за тотального разрушения рациональных коммуникаций между людьми. Как в свое время в период максимальной политической власти над европейскими государствами, католическая церковь «раздулась» в своих полномочиях как мыльный пузырь, пытается регламентировать все даже самые незначительные моменты образа жизни человека, так и современная мифология ценностей научно-технического прогресса пытается проникнуть туда, где для науки никак не может быть места. Собственно, именно в момент подобного максимального «раздувания» пузыря какой-то единой системы мифологических представлений о реальности, на которую опираются политические институты власти, и происходит «схлопывание» этого пузыря. Вследствие разрыва этого «пузыря»

многочисленных мифологических представлений о реальности, влияние определенных политических институтов катастрофически падает, но не исчезает, поскольку их дальнейшая судьба — переместиться в сферу культуры, чтобы стать прибежищем тех, кто полностью выпал из авангардного русла развития разумных процессов мировой цивилизации. То, что этот мифологический «пузырь» современных массовых представлений о ценностях должен вот-вот рухнуть, мало у кого вызывает сомнение. Главным становится вопрос: каким образом цивилизация может возродиться из этих руин?

...

Размышляя над новейшими событиями мировой истории и проецируя их в прошлое, можно заметить их фрактальное подобие, когда определённые циклы различных типов власти сменяют друг друга. Но в Темные Века, когда разумный человек отсутствует в структурах власти, рассуждать о типе власти и классифицировать его невозможно. Первоначально, должна быть закреплена метафизическая основа новой модели мировой цивилизации. И если этой основой в старой модели мировой цивилизации была вера в единого бога, то, очевидно, что в новой модели таковой является вера человека в разум. Вопрос лишь состоит в том, чем является разум вне мифа о том, что его проявление может быть только научным выражением мысли человека? Подобное обоснование рациональной мысли в научном знании никто не мог подвергнуть сомнению до открытия бессознательных процессов человеческой психики в XX веке. Но когда человеческий рассудок теряет связь с разумом, он неминуемо становится производителем мифов, поскольку конечность представлений человеческого рассудка, как мы утверждаем, определена его изначальной бессознательной базой, на которую он опирается, а именно

инстинктом самосохранения человека. Разум же опирается в своей эмоциональной основе исключительно на бессознательные импульсы воли к власти, то есть, вообще говоря, всегда есть то, что неизбежно выходит за пределы культуры, разрушая стереотипы знакомых представлений о мире. Разум, можно сказать, «плавит» касанием метафизической границы мира любую систему мифологических представлений о реальности. При этом, необходимость понимания кардинально различных источников бессознательной психической энергии происхождения абстрактного рассудка и разума нам нужна для того, чтобы разрушить современные мифы о сущности разума, когда сущность абстрактного рассудка путают с сущностью разума.

Между Темными Веками и Средневековьем существует лишь одна политическая структура, обладающая зачатками рациональных коммуникаций, которую мы называем «лигаристический союз», где, как мы убеждены, закладываются простейшие элементы новой модели цивилизации, которые начали формироваться на развалинах Российской империи после второй мировой войны. Это обусловлено тем, после разрушительного нашествия орд, подобных большевистской, на развалинах разгромленных государств неизбежно историческое возвращение назад, к опыту существования патриархальной нормы жизни, где животное существо варвара оказывается под властью поля расового бессознательного, фактически, являющегося пространством духа предков. Это и произошло в период становления политического режима Сталина. И если в период ленинского периода власти пространство ценностей Quasi Номо достигает своего тоталитарного характера, когда все элементарно полноценное в человеке уничтожалось как «классовый враг», то в период власти Сталина этот процесс частично замедляется и намечается возврат назад, к проек-

там и конструктивным элементам разрушенной Российской империи. Здесь мы обнаруживаем процесс подобный деятельности германских варваров на обломках Римской империи, то есть тщетную попытку неразумного человека возродить ее дух и величие империи.

Наивно полагать, что СССР как страна была «великой империей», — это была военизированная полукочевая орда подобная тем, которые возникают на обломках разрушенных варварами государств. Впрочем, полагать, что современные США являются «великой империей», это, значит, также попасть в область примитивных мифологических представлениях о современных исторических событиях, поскольку наилучшим историческим подобием ее государственности может быть только Византийская империя, являющаяся «империей» лишь в сравнении с окружающей ее варварским миром. Представления, что в Темные Века мировой истории не происходит процесса строительства новой модели мировой цивилизации является ложным, ибо здесь продолжают развиваться: и научные технологии, и искусство, а также происходят какие-то религиозные поиски нового смысла человеческой жизни. Другое дело, что все это лишено причастности к метафизическому пространству, в котором возникают и развиваются рациональные коммуникации между людьми. Здесь существует тотальный вакуум именно с точки зрения рациональных коммуникаций, которые являются отображением каких-то высших ценностей человеческой жизни. Главное же отличие начала эпохи Средних веков от Темных Веков состоит в том, что Средневековое время образуется метафизическим пространством, где устанавливается хотя бы минимальная патриархальная норма жизни, то есть не власть сублимированных влечений животного человеческого существа, а метафизическая энергия воли к власти. Энергия

же воли к власти, в отличие от власти сублимированных влечений, образуется в результате подсознательной активности инстинкта смерти человека, этой отправной точки ощущения существования метафизического пространства.

Мы полагаем, что, в основном, все положительное, существовавшее в Советском Союзе, создали фронтовики отечественной войны 1941-1945 годов. В современной российской идеологии ей присвоено имя «великой» вполне обоснованно, поскольку именно в этой войне произошел реальный перелом от наследия большевистской орды — руинам Российской империи — к зачаткам существования лигаристического союза, где были предприняты серьезные попытки восстановления патриархального пространства, разгромленного на территории Российской империи. Вообще, война — это события мировой истории, которые максимально активизируют волю к власти, разрушая мифологию человеческих представлений, связанными с инстинктом самосохранения человека, поскольку человеческая психика в этот момент предельно приближается к энергии метафизического пространства, то есть реальности ощущения смерти. Как известно, Шпенглер полагал, что модель цивилизации, действующая столетия, гибнет после трех разрушительных войн. Но в действительности гибнет не цивилизация, а топологически изменяются ее промежуточные фрактальные структуры, постоянно возвращаясь вновь к целостности своих элементов, что, в нашем понимании является объективно рациональным смыслом идеи «вечно-го возвращения» Ницше. «Гибнут» лишь конечные человеческие представления о мире, поскольку новый мир неизбежно возвращается к целостности обновленного метафизического пространства. Но с позиции человеческого рассудка это воспринимается именно как «гибель», поскольку, в отличие от разума, рассудок всегда ориентиро-

ван на инстинкт самосохранения человека. Поэтому Шпенглер и назвал свой основной труд «Закат Европы», а не «рождение русско-сибирской цивилизации», что в основе его понимания исторических событий лежит не разум, а человеческий рассудок. Рассудок же, если исчезают знакомые и устойчивые представления о мире, утрачивает способность понимания происходящего. Не случайно, по этой причине классическая разработка философских суждений рассудка у Канта обосновывается постулатом о существовании бога и логикой доказательства от противного, которое может относиться лишь к методу математических доказательств, а не к пониманию сложной динамики процессов мировой истории, где правит разрушительная энергия воли к власти.

Мы утверждаем, что феномен существования расы *Homo sapiens* является не биологическим, а метафизическим, то есть в человеке есть психические ресурсы, которые активизируют в нем действие рациональной психологии, а есть психические ресурсы, которые ее подавляют. Миф о том, что рациональная мысль может быть максимально развита только научным методом, в наше время стал слишком очевидным, когда научно-технический прогресс сопровождается забвением способностей глубокомысленного мышления и выдвиганием на первый план поверхностной мысли, где главным аргументом стала научная схема как база представлений о мире. Мы видим, что восприятие мира современного человека стало полностью иррациональным, несмотря на огромные достижения научно-технического прогресса, то есть утратившим понимание разумного целого. С другой стороны, мы не должны преуменьшать тот исторический вклад, который научный метод привнес в развитие мировой цивилизации, но, наоборот, искать исторический переход дальнейшего разви-

тия мировой истории, где научно-технический прогресс является простейшим содержанием ее новой модели. С точки зрения истории философии, это подобно истории развития схоластической философской школы Западной Европы, где длительная интеллектуальная работа с аристотелевской логикой подготовила в будущем хорошую базу для становления самостоятельной школы научной и философской мысли. Поэтому на первой стадии формирования философской мысли: в работах Декарта, Ньютона и Лейбница, понятие бога является основополагающим. Предельный переход: от веры в библейское откровение — к вере в разум, произошел именно в результате исторического переосмысления центрального понятия бога. Аналогичным образом, и наше историческое время требует «переплавить» центральное понятие «разум», опирающееся в прошлом на строгие научные методы, — в такое его содержание, которое соответствует духу нашего времени. И здесь в качестве одного из инструментов этого предельного перехода мы должны обратиться к математической структуре фрактала, которая, с одной стороны, дает возможность сохранять взаимосвязь с научным пониманием мира, а с другой, показывает, что модель новой цивилизации формируется топологией принципиально нового художественного созерцания мира.

Чтобы понять, как ведет себя высшее бессознательное состояние психики в разумном поведении человека, не опирающегося на догмы отчётливых моральных принципов, которые доминировали в монотеистической религии, мы должны понять, как раскрывается идея Ницше «по ту сторону добра и зла». Ведь эта истина субъективного разума в нашу историческую эпоху стала слишком очевидной, когда в наше время отчетливость деления на добро и зло может происходить только на «обочине» мировой истории,

а не в авангарде развития мировых исторических событий. Это деление не может происходить по той причине, что направление фрактальной цепи исторических событий возвратилось к разрушенным коммуникационным связям древнейших цивилизаций, где первичными были не моральные истины, а художественное созерцание мира, которое проистекало из особого психического состояния человеческой души. Особенность этого состояния выражалось в максимальной концентрации бессознательного инстинкта смерти в потоке чувственного восприятия, который «размазывал» это восприятие в определенную «плазму» сознания фрактальных элементов, создающих топологическую картину целостности мира. В результате, бессознательные влечения не подавлялись под воздействием моральных принципов рассудка, а «отделялись» в нечто индифферентное по отношению к живым человеческим эмоциям в качестве движения сознания в этих фрактальных элементах. Можно сказать, что в таком бессознательном состоянии человеческой души «права» влечений полностью отсутствовали как что-то «человеческое». Мы поэтому и не находим достаточной отчетливости человеческой личности в древнем мире, что влечения человека принадлежат как бы не ему, а сакральной силе самой природы, которая воспринимается политеистически. Понятно, что любовные похождения Зевса в др. греческой мифологии по отношению к строгим монотеистическим нравственным «человеческим» нормам поведения выглядят аморально. Однако следует понимать, что между влечениями цивилизованного античного человека и его волей существует бесконечная пропасть, поскольку в отличие от религиозного монотеистического сознания у него нет надежды на чудо, которое гарантирует ему спасение души после смерти этой центральной библейской идеи. В определенном смысле,

античным цивилизованным человеком целиком и полностью движет его подсознательный инстинкт смерти, правда, очень слабо индивидуализированный. Поэтому заявление Сократа о том, что «те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним - умиранием и смертью» и привело к вынесению ему смертного приговора, поскольку он перевел истину существования сакрального др. греческого мира в сферу субъективного исторического разума. В этом смысле, исторически, его судьба подобна судьбе Христа в истории еврейского народа, объявившего себя мессией, тем самым подорвав основы сакральной патриархальной еврейской религиозной традиции, державшейся на вере в приход спасителя. Здесь мы также обнаруживаем фрактальные цепи мировой истории, которые на новом ее витке воспроизводят подобие исторических событий. В определенном смысле, и судьба Ницше, закончившего свою жизнь в сумасшедшем доме, как пророка сверхчеловека, выражает приговор ему как человеку высшими сакральными силами, определяющими судьбу мировой истории, поскольку он попытался отрицать их существование в традиционной идее божественного происхождения мира. Субъективный исторический разум и есть высшая деятельность рассудка в понимании явлений. Именно по этой причине во многом Ницше занимался тем, что практически не имеет никакого отношения к философии, то есть «проклятием христианству» и попытке, например, дискредитировать философское наследие Сократа. Не приуменьшая огромного вклада в историю философии Ницше, как родоначальника новой позиции субъективного разума в понимании высших ценностей, мы все-таки должны осознавать, что в оценке исторической роли Сократа он принципиально не прав. С объективной позиции исторического разума, ситуация выглядит по-другому.

...

Рациональная философия развивается по собственным законам, впрочем, как и в свою очередь религия и наука. В русской же традиции мы наблюдаем полное отсутствие какой-то философской рациональной мысли, поскольку до 17-го года мы обнаруживаем лишь какие-то примитивные философские спекуляции, проникнутые христианскими мотивами, мыслителей, подобных Соловьеву и Бердяеву, а в советский период власти — примитивную идеологию, опирающуюся на марксизм. Но марксизм — это не философия, а социально-экономическое учение, которое с позиции объективного исторического разума может восприниматься как своего рода новейший вид «сектантской» веры в научно-технический прогресс с точки зрения его производственных мощностей. Вера ее адептов в «историческую миссию пролетариата» или «историческую борьбу классов» подобна вере очень влиятельной секты гностиков в период перехода: от язычества — к христианству. Адепты этой новой коммунистической веры опирались на «разум», как и секта гностиков — на веру в единого бога, то есть на нечто, безусловно, прогрессивное для своего времени. Такое широкое распространение марксизм получил в силу объективного разрушения рациональных связей мировой цивилизации, где последним его проявлением был исторический класс буржуазии. Все-таки в буржуазии мы обнаруживаем еще что-то приличное и полноценное в человеке перед историческим моментом полного распада западно-европейской модели развития цивилизации.

...

Мы не будем касаться деталей обширного исторического труда Шпенглера, в котором он доказывает, что «великий век» интенсивного производства высших ценностей, проявляющийся в создании великих произведений искус-

ства, появлении выдающихся политических деятелей, полководцев и великих научных открытий занимает очень короткий исторический промежуток времени. Этот материал достаточно разработан, чтобы сомневаться в этом историческом факте. Здесь мы в первую очередь, должны указать на проявление максимальной активности расы *Homo sapiens* в это историческое время, которое проистекает из наибольшей активности высшего психического существа человека. Именно контакт разумных людей в поле активности высшей психики как энергии воли к власти и создает метафизическое пространство, где только и могут возникнуть производительные мощности высших ценностей.

Утверждая, что феномен расы *Homo sapiens* есть феномен метафизический, а не биологический, мы должны объяснить, что мы понимаем под рациональной метафизикой в современном смысле, поскольку западноевропейская рациональная метафизика закончила свое существование на известной идее Ницше о «смерти бога». Мы полагаем, что рациональная метафизика в современном смысле может быть только направлением развития понимания онтологической природы времени, поскольку время есть существо мира, которое, тотально определяя образ жизни человека, не может быть сведено к какому-то материальному восприятию. И действительно, все связи и процессы внутри современной псевдоцивилизации определены в поле синхронности течения механического времени. Фактически, механическое время выражает в новейшее историческое время аналог коммуникативной функции христианской церкви на переломе: от языческого — к христианскому миру. Так, самое зачаточное понимание единого бога на обломках античного мира взяла на себя церковь, то есть политический институт, который канонизировал простейшие элементы представлений веры в нечто целое. Аналогичным образом,

и научно-технический прогресс присвоил себе единственное право рассуждать о «разуме» в современной псевдоцивилизации, регламентируя образ жизни человека через течение механического времени и множество бытовых технических элементов жизни человека. Понятно, что для стабильности существования народов и государств, то есть для существования определенной массовой культуры, какая-то единая, самая упрощенная система представлений о разуме должна существовать. Однако после открытия природы бессознательных процессов человеческой психики, в первую очередь, должен был измениться декартовский взгляд на человека как на некую механическую модель, которая существует в поле взаимодействия с окружающей его природой. С учетом меры влияния бессознательных процессов психики на мотивы поведения человека должно было измениться и понимание природы существования разума в его душе.

...

Мы не можем строить какую ту полноценную теорию понимания разума, находясь в полном вакууме по отношению к себе подобным в массовом обществе, то есть политической системе, уничтожающей разум человека. Однако найти начальные элементы этой теории мы все-таки можем. Вообще, новый мир нашего исторического времени строится из простейших элементов, которые выражаются в потоке психической энергии расового бессознательного человека, и которые, как известно, Шопенгауэр называл «злой мировой волей». В чисто рассудочной позиции Шопенгауэра, пытающейся привести понимание мира к какой-то абстрактной схеме, в полной мере сказывается ограниченность законов рассудочного мышления, опирающегося на представление. Для нас же важно понимать, что, взяв за основу идею злой мировой воли Шопенгауэра, Ницше от-

бросил в ней ограниченность позиции представлений абстрактного рассудка. В результате, возникла идея о существовании воли к власти как позиции субъективного разума в понимании высших и низших ценностей.

Мы утверждаем, что пути цивилизации и культуры не всегда совпадают, а совпадают только в момент максимального производства высших ценностей. Они совпадают на очень небольшом промежутке времени — полтора-два столетия. В другое историческое время культура и цивилизация часто движутся изолированно друг от друга, иногда вступая даже в резкий конфликт. Таким конфликтом можно полагать момент смены исторических эпох внутри определенной модели развития цивилизации, например, в момент смены политической власти христианской церкви и зарождающего влияния научно-технического прогресса на непосредственную жизнь человека. Если мы обратим внимание на начальные элементы научного понимания мира, которые первые метафизики выражали в своих разработках, такие как Декарт и Лейбниц, то найдем их в научных работах др. греков. Таким образом, мировая цивилизация движется путем «вечного возвращения» к прошлому, а, фактически, рационально объективно, в непрерывном метафизическом потоке памяти расового бессознательного. Но культура развивается по-другому. Она образуется как результат воздействия на человека сложившейся системы представлений определенной исторической эпохи.

Ницше не случайно начинал разработку своих идей с др. греков. Уже здесь намечается идея «вечного возвращения», актуальность которой, подтверждается, например, содержанием письменности ранних христиан, коптов, доказывающих, что раннее христианство находилось под сильнейшим влиянием др. египетской цивилизации. Так передается эстафета потока расовой памяти в истории развития

мировой цивилизации, от одного народа, исчерпавшего свою энергию воли к власти — другому народу, оказавшемуся в эпицентре мировых исторических событий. Понятно, что Германия в историческую эпоху Ницше была последней опорой поля существования западноевропейской цивилизации, где еще присутствовала энергия производства высших ценностей, которое, правда, резко шло на убыль. Именно поэтому на достаточно небольшом историческом промежутке времени здесь появляются такие великие ученые, как Гейзенберг и Эйнштейн, возникает глубокомысленная психоаналитическая теория Фрейда, а также наблюдается резкий скачок новейших идей научных технологий, значительно опередивших свою историческую эпоху. Собственно, после разгрома Германии система рациональных коммуникаций между людьми западноевропейской цивилизации практически исчезает, на ее место приходит миф о «разумности» ее существования, опирающийся на достижения научно-технического прогресса.

...

Размышляя над сущностью исторического мышления с позиции объективного разума, мы должны понимать, что человек существует в исторических событиях только тогда, когда он сопричастен духу мировой истории, а дух мировой истории — это путь развития мировой цивилизации. Представления, что существуют различные изолированные цивилизации, теории которых появились в новейшее время, лишь доказывают, что цивилизация, как поле рациональных коммуникаций между людьми, исчезла в наше время, ей на смену пришла псевдоцивилизация, то есть тотальная власть массовой культуры, построенной на вере в различные мифы. Мы полагаем, что цивилизация во фрактальной системе исторических координат развивается как постоянное возвращение назад, к опыту предшествующих рацио-

нальных коммуникаций. Это происходит потому, что «рабочие» рациональные коммуникации цивилизации постоянно «изнашиваются» в онтологическом потоке времени, то есть исчерпывается возможность поддерживать эти коммуникации в определённом поле воли к власти. Их распад неминуемо заканчивается возвращением к животным влечениям, где сознание человека растворяется во множестве мифов, в результате чего он теряет связь с разумом. И тогда возникает необходимость активизировать предшествующий слой высшей человеческой памяти, аналогом чего может служить фрактальная картина целого с ее множеством подобных друг другу топологических рисунков, где каждый бесконечно-малый фрактал образует не представляемое единое поле созерцания художественной картины целого. Сознание этой высшей исторической памяти, активизирующейся в момент наивысшего сосредоточения художественного созерцания целого, имеет метафизическую природу, поскольку оно вступает в противоречие с мифологическими представлениями своего времени.

Размышляя над расовой природой *Homo sapiens*, мы должны, в первую очередь, отбросить миф о его историческом линейном происхождении. Попытки развития мифологических представлений о том, что «разумное» связано с моментом отделения *Homo sapiens* от человекообразной обезьяны, подобно во фрактальной системе исторических координат — монотеистическому мифу о сотворении человека божественной волей. Этот линейный взгляд на происхождение человека от начальной точки появления — до настоящего момента времени, не предполагает существования феномена расовой катастрофы, когда следы разумного человека практически теряются в эпоху Темных Веков. Но именно в эпоху расовой катастрофы происходит резкий слом всех знакомых представлений человека о мире, когда

хаос его образа жизни в системе массовых коммуникаций обрывает одну фрактальную цепь событий, параллельно разворачивая новую цепь, где обыденное сознание «плавает» в осколках старых представлений. Однако этот хаос кажется обыденному сознанию «систематизированным», как, например, современному массовому сознанию, поскольку человеческий абстрактный рассудок привыкает функционировать в мифологическом мышлении, наделяя этот хаос «разумным» смыслом. Поэтому к др. греческой идее о происхождении мира из хаоса мы относимся более серьезно, чем к монотеистической идее о сотворении мира. По крайней мере, в метафизической идее хаоса отчетливо выражена, во-первых, цикличность развития мировой истории во фрактальной системе координат, а во-вторых, готовность перестраивать конечные представления о мире в соответствии с постоянно меняющейся метафизической картиной времени. Поэтому в политеистическом пантеоне богов появлялись с каждым столетием новые боги, что движения в мировой истории фрактальных цепей исторических событий, постоянно сопровождалось «мировыми пожарами», о которых рассуждал Гераклит. Эти «мировые пожары» — суть расовые катастрофы мировой истории, сопровождающиеся нашествием варваров, гибелью великих империй и исчезновением многих народов.

Отнестись очень внимательно и серьезно к опыту др. греческой цивилизации, в частности, к идее происхождения мира из хаоса нас побуждают позиции субъективного разума, разработанные в философии Ницше, который, как известно, начинал их с исследования духа др. греческой трагедии. А поскольку дух подлинной философской мысли обрывается на философии Ницше, когда после него обнаруживается катастрофическое понижение ее качества, то мы должны искать объективный смысл происходящих ис-

торических событий на основе подлинной разумной субъективности. Ведь массовое бессознательное, которое доминирует в хаосе коммуникаций современной псевдоцивилизации с ее так называемым «основным» инстинктом, стремится разрушить все предпосылки для развития подлинной разумной субъективности восприятия мира. Собственно, из этого представления об основном инстинкте человека как существа, стремящегося к продлению своего биологического рода, и возник миф об эволюционном происхождении расы *Homo sapiens*. Проблема состоит в том, что после полного исчезновения пространства метафизического мира в поле активности западноевропейской цивилизации в новейшей истории, она потеряла связь с историческим разумом, погрузившись в поле многочисленных наукообразных мифов, которые стали утверждать, что существует только материальная реальность.

Наша объективная позиция разумного понимания мира состоит в том, что этот мир должен необходимо иметь метафизическую природу. И если метафизическое традиционно понималось как нечто связанное с божественным происхождением мира, то новейший смысл метафизического мира должен объясняться из метафизической природы феномена времени. Собственно, в XX веке мы и обнаруживаем эти попытки у Гуссерля и Хайдеггера. Однако у этих, самых крупных европейских мыслителей прошлого века, взяты ложные предпосылки в понимании метафизической сущности времени. Первый, стремился опираться на науку, а второй — на мифологическую природу представления. Мы же должны опираться в понимании метафизической природы времени на те принципы, которые разрабатывал в своей философии субъективного разума Ницше, а именно — на художественное созерцание простейших элементов рационального целого, которые только

и можно понять в разрушительном хаосе Темных Веков. Только художественное созерцание целого способно собрать отдельные фрактальные элементы разумного мира, когда человеческой душой целиком и полностью владеет бессознательный инстинкт смерти, этот основополагающий инстинкт эпохи Средних Веков мировой истории. С другой стороны, а именно, с объективной точки зрения, мир не может иметь только художественную природу, необходимо должен быть еще и момент, указывающий на преемственность идей логического понимания разума в истории развития философии. Такой универсальной, можно сказать, дуалистической сущностью понимания мира и является объективность структуры научного фрактала, где выражены: и чисто научный взгляд на мир и, одновременно, его созерцание фрактального мира как художественного целого. Особенностью фрактальной реальности является то, что он, одновременно, воспринимается и как научный мир и как яркая художественная картина, практически не имеющая линейных образов. Этот момент для нас принципиален, ибо чем сложнее фрактальный рисунок — тем меньше возможности его представить, как нечто целое, поскольку множество сложных топологических деталей рассеивают единое представление. И наоборот, если все сводить к линейным очертаниям, исключив фрактальную структуру, то сознание мира становится полностью доступным для непосредственного чувственного восприятия, когда рассуждать о чем-то метафизическом не имеет смысла. Тогда все выстраивается в восприятии в единую механическую картину миру, где властвует англо-американский эмпиризм сознания единственности материальной реальности, с ее «инвестициями», «финансовыми рынками», транснациональными компаниями и другим мусором массового образа жизни человека. То, что в эти иррациональные процессы не включа-

ется реальность существования разумного человека, мало кого волнует в среде доминирующего типа Quasi Homo, поскольку варвары за пределами активности западноевропейского мира «прикормлены» своими солидными капиталами в европейских и американских банках. В своих странах они поют мировую «песню» об экономической целесообразности функционирования государства, ставя на грань вырождения свои народы, и навязывая им бессмысленный образ жизни в массовом обществе.

...

Возвращаясь к идее Сократа о взаимосвязи подсознательного инстинкта смерти человека и простейших начал философской рациональной школы мысли, мы сможем понять причину резко негативного отношения Ницше к позиции Сократа и, возникшей на основе его учения, философии Платона. Так, речь идет о том, подлинная идея, то есть разумное понимание мира, уничтожает и даже, можно сказать, «испепеляет» субъект в процессе познания. Субъект «кладет» себя на алтарь познания, принося своего рода жертву всего многообразия полноты субъективного восприятия мира, который и есть он сам. Понятно, что позиция субъективности как откровение нового мира сопротивляется тому, что субъективность конечна по отношению к объективности знания о ней. Какую бы мощь воли к власти не демонстрировал субъект в доказательство своего могущества, он все равно обречен перед фактом смерти. Поэтому только в момент утраты взаимосвязи с полноценной субъективностью можно понять подлинный смысл объективности ее существования. Впрочем, судьба Ницше тоже демонстрирует историю жертвы человеческого существа, брошенного в чистое откровение нового мира, когда все знакомые представления рушатся, а сам процесс гибели человеческого существа и становится, собственно говоря, откровением

идеи существования сверхчеловека. Другими словами, объективно рациональное понимание мира «убивает» субъект в том смысле, что полностью растворяет в объекте познания. И если Кант, например, «защищает» ограниченность позиции абстрактного рассудка опорой на понимание логических противоречий мышления в представлении как доказательство существования разума, то откровение нового мира у Ницше не предполагает опоры на представление, поскольку представление — это всегда обжитый рубеж безопасного знания, отображающего определенный опыт исторической культуры. В отличие от Канта, Ницше выражает авангардные позиции субъективности развития мировой цивилизации, а не культуры. В противном случае, он бы пытался «спасти» человека, а не требовал бы его преодоления. В этом смысле, не трудно заметить, например, что Хайдеггер в своей философии всеми средствами пытался сохранить именно человека, работая с «представлением». Но из представления в его рациональном понимании по максимуму «выжал» Кант, тогда как Шопенгауэр был уже значительным шагом назад. Философия Хайдеггера демонстрирует тот факт, что последовательная попытка опираться на представление приводит к мифологическому мышлению, и это при том, что сама мысль сохраняет достаточно высокую философскую культуру суждений. С другой стороны, мы должны понимать, что то, что противостоит разуму, — так это, как ни парадоксально звучит, сама вера в разум. Именно вера и создает мифологическое мышление. Ведь не трудно понять, что какая-то высшая сила, присутствующая в жизни человека существует. Ее называли богами или богом — это не суть важно. Но когда вера начинает уничтожать все то, что ей противостоит, то она постепенно становится мифом, то есть утверждением единственного мира, существующего в этом представлении.

Для идеалистов, которыми мы являемся, вопрос о размерах мозга и анатомических особенностях строения человека не принципиален. Пусть этим вопросом занимается мифология представлений об эволюционном происхождении человека от примата. Причины для распространения подобной мифологии вполне объективны, поскольку массовый человек, доминирующий в процессах современной псевдоцивилизации по своим психическим реакциям действительно напоминает обезьяну. То, что эта мифология опирается на материальные артефакты, которые доказывают «научное» объяснение эволюционной теории, может удовлетворить только тех, кто не понимает, что разум должен иметь метафизическое происхождение по определению. Понимание же функций мозга, которые протекают в человеке как биологическом существе, относятся к возможности пониманию строения рациональной психологии человека так же, как математическое количество сделанных мазков кистью Леонардо де Винчи может дать возможность ощутить величие его художественных полотен. Для понимания функционирования рациональной философии мы должны обратиться к субъективной идее Ницше о сверхчеловеке и, особенно, к его глубокомысленному противопоставлению: обезьяна — человек, человек — сверхчеловек. Фактически, первое противопоставление указывает на путь происхождения в сознании человека низших ценностей, а второе — на происхождение высших ценностей, пути которых кардинально различны.

То, что, безусловно, сделал Ницше как великий философ, так это подорвал ту веру в разум, которая существовала до него в западноевропейской философии в ее тотальной опоре на научное знание. Но мы утверждаем, что это было исторически необходимо, поскольку западноевропейская культура уже создала определенный культ, требую-

щий, чтобы все «разумное» обосновывалось только через научное объяснение. Здесь мы находим фрактальное подобие средневековой мысли — требование, чтобы философия все свои аргументы обосновывала истинами библейского откровения. Однако, собственно, непосредственные успехи схоластической школы мысли развивались прямо пропорционально уклонению от библейских догм, то есть попыткам определять разумную индивидуальность не вере в бога, а в чем-то другом. То, что этим другим стала научная мысль, было мало кому понятно на заре Нового Времени. Но то, что любая вера должна «потесниться» для понимания разума, так же очевидно, как то, что дважды два — это четыре. И если монотеистическая вера оказалась на обочине мировой истории, то крайне примитивная вера в разум стала в массовом обществе механизмом по уничтожению разума в человеческой душе, своего рода «прессом», который давит все то, что противостоит догме о разуме как об исключительно научном проявлении человеческой мысли.

Понятно, что мы не противостоим великой миссии фундаментальной науки в познании мира. Мы лишь констатируем тот очевидный факт, что ее следы практически исчезли в современной псевдоцивилизации, поскольку ее функционирование не предполагает присутствия в своих структурах разумного человека. Ведь только разумный человек способен производить новые великие идеи в любой области человеческой жизни, тогда как человек посредственный способен лишь к созданию каких-то новых технологий, то есть, собственно, к активности не разума, а абстрактного рассудка. В этом смысле, абстрактный рассудок по самой своей сути не способен на что-то разумное, если он лишен отчетливости взаимосвязи субъекта с метафизической полнотой мира.

...

Чтобы понять, где мы объективно находимся в данный исторический момент времени, можно сравнить наше положение с разумным человеком в Темных Веках Западной Европы, когда Средние Века брезжили только очень слабым рассветом, или той «утренней зарей», о которой рассуждал Ницше. Мы видим, что везде блуждают какие-то кочевые инстинкты, какие-то полудикие движения усилий человека, лишённого разума, но крайне агрессивного в активности своих животных влечений. Такова современная Россия Темных Веков, где вокруг царит хаос, по отношению к разумным коммуникациям между людьми, упорядоченный подавлением сознания человека многообразной мифологией представлений о мире, которое навязываются ему СМИ. Русская нация разгромлена и рассеяна, начиная с нашествия большевистской орды, голос ее представителей не слышен в этой активности полудикой человеческой природы, доминирующей на развалинах Российской империи. Политические силы в современной России и «политическими» то нельзя назвать в силу их дикости. Здесь всем руководит «хаос», почти как в известной др. греческой мифологии о происхождении мира из хаоса. Везде здесь активен этот вороватый тип Quasi Номо, который теперь говорит и рассуждает от имени «цивилизации». Впрочем, винить кого-то, в особенности, исключительно какие-то внешние политические силы в подобной политической ситуации нельзя. Процессы расовой катастрофы, сопровождающиеся нашествием различных орд, разгромом государств и гибелью целых цивилизаций, как мы видим, неизбежны. Этих людей нельзя обвинять в бедах, обрушившихся на Россию так же, как нельзя «обвинить» цунами, сметающие прибрежные города или землетрясения. При этом нас удивляет, что наше полудикое время пытаются сравнивать с мнимой «дикостью» Средневековья, поскольку в Средне-

вековье существовали какие-то принципы чести, долга, эти необходимые признаки какого-то элементарного разумного доверия между людьми. Средневековье, по сравнению с нашим временем, — это великое время, поскольку в нем действует система лигаристических союзов, этой основы функционирования мировой цивилизации.

Почему никто не заявлял о подобном положении дел в современной России до нас? Мы полагаем, что это объясняется простой причиной: здесь никто не рассуждал с позиции исторического разума, то есть, вообще говоря, исторически, здесь отсутствовала разумная позиция человека. Это отнюдь не приуменьшает тех великих достижений, которые были в России до 17-го, да и после него. Речь идет о другом. Разум активен только тогда, когда в определенной среде людей начинают доминировать авангардные позиции мировой цивилизации. Активность же секты коммунистов, которая, впрочем, демонстрирует свою живучесть в России и в наше время, есть лишь активность секты, то есть возможность разлиться агрессивным полуварварским потоком до середины Европы и также «схлынуть» как орда татаро-монголов, когда в ней перестают действовать агрессивные инстинкты войны. Кроме того, нам необходимо разграничить достижения Российской империи, существовавшей все-таки в историческом прошлом, от советского и последующего периода, когда дикость человеческой души после 17-го года стала нормой, несмотря на революционные достижения научно-технического прогресса. В этом смысле, наиболее удачный пример фрактального подобия исторического времени дают нам события гибели микенской цивилизации под ударами дорийских орд. Исторически, мы имеем самобытность микенской цивилизации, возникшей под «тенью» великий египетской цивилизации, тогда как следы разумного человека после нашествия

варваров дорийской орды в первое столетие здесь исчезают. Так, Российская империя была чем-то «живым» в историческом смысле, а не конгломератом каких-то случайных полукочевых образований, связанных в целое коммунистической сектой в сомнительной вере в идею «всемирно-исторической роли пролетариата». Что толку, что в современной России восстанавливаются храмы и пытаются рассуждать о какой-то «преемственности» с прошлым, если физически уничтожены носители старого патриархального духа России? Это нам напоминает попытки германских варваров одеваться в тоги римских сенаторов, имитирующих политические функции римского сената, когда от самих германцев веет откровенной дикостью.

Проблема строительства самостоятельной модели цивилизации в современной России состоит в том, что воздействие мифологических представлений на сознание человека имеет ограниченное время в событиях мировой истории. Так, можно было использовать миф об исторической роли пролетариата в среде необразованных крестьян, чьи предки всего поколение назад освободились от крепостного права, в течении двух-трёх поколений, но невозможно «обмануть» дух мировой истории, то есть уклониться от власти расового бессознательного, действующего в глубинах человеческой души. Поэтому уже при власти Сталина мы обнаруживаем этот откат назад, к планам развития Российской империи до нашествия большевистской орды и к смутной, беспомощной попытке возродить какие-то хоть самые примитивные зачатки патриархальной психологии человека в этих кочевых инстинктах большевистских орд. При этом, мы встречаем массу неразумных попыток возвеличивания «исторической личности Сталина» в неразумной российской историографии, хотя, с позиции объективного исторического разума, Сталин не имел разумной личности. Во-

обще, тот, кто выражает инстинкт массы, разумной личностью не обладает. Разумной личностью обладает только тот, кто действует вне зависимости от массовых инстинктов, то есть действует в русле рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Другое дело, что Сталин, в отличие от Ленина, действовал не только исключительно под влиянием инстинкта массы, но и демонстрировал в своей политической активности то, что Ницше называл «вечным возвращением», то есть был вынужден пытаться восстанавливать утраченные политические позиции Российской империи. Вообще, критерием полноценной разумной личности является то, что она называет вещи своими именами, в независимости от власти мифологических представлений массового сознания, действующих в ту или иную историческую эпоху.

...

Было бы неразумно полагать, что только Россия — единственная страна, которая захвачена процессом расовой катастрофы в последнее столетие. Этот процесс переживают практически все народы современного мира, поскольку этот процесс выражает метафизическую сущность мировой истории — развиваться во фрактальной системе координат, где все исторические события подобны друг другу, образуя исторические циклы. Мы лишь утверждаем, что в среде европейских стран в России сложилась какая-то слишком неевропейская плотность мифологических представлений о ее историческом прошлом и настоящем в сознании людей. Она тотально извращает полноценную сущность человека, оставляя для активности в среде своих коммуникаций место только для Quasi Homo.

Возвращаясь к вопросу о том, какова судьба русской нации в среде этих постперестроечных орд, чья хаотическая деятельность протекает на территории бывшей Российской

империи, мы полагаем, что для объединения русской нации необходимо по крайней мере отчетливость понимания объективной исторической ситуации, в которой она оказалась в первой половине XXI века. Это, собственно, то, чем мы и занимаемся, поскольку твердо убеждены, что у России есть не только будущее, но и великое будущее. Так, после второй мировой войны дух мировой истории сместился именно на территорию России, а потому все примитивные попытки исторической идентификации, которые были выработаны в российской историографии как до нашествия большевистской орды, так и после, никуда не годятся, поскольку они вырабатывались не с позиции понимания законов мировой цивилизации, а с точки зрения сохранения традиционных представлений культуры или попыток противопоставить традиционной вере примитивную коммунистическую веру. Понятно, что эта позиция неразумной мысли, скрывающаяся под мифом о ценности «традиционного», пронизывающая труды Соловьева, Бердяева или Франка, годится только для того, чтобы «усыпить» разум, погрузив сознание человека в инфантильное состояние души. Коммунистические же учение — это логика самых примитивных ценностей, которая могла объединить не тех, кто способен строить цивилизацию, а тех, кто способен только ее разрушать. Эта идея в полной мере выражена в гимне интернационала: «Мы старый мир разрушим, а затем...». Можно заметить, что акцент здесь ставится именно на «разрушении», поскольку утверждение о строительстве «нового мира» звучит уже не так пафосно. Мы видим, что территория бывшей Российской империи вся загажена этими первобытными идолами-истуканами вождя большевистской орды, как будто Россия существует не в век научно-технического прогресса, а в первобытное время начала мировой истории. Но, собственно, так оно и есть, если ис-

ходить не из мифологии наивной веры в научно-технический прогресс, а из понимания фрактальной системы координат в событиях мировой истории.

Мы утверждаем, что цивилизация существует только там, где существуют какие-то рациональные коммуникации между людьми. Именно поэтому мы полагаем, что модель западноевропейской цивилизации рухнула после второй мировой войны, и ей на смену пришла структура псевдоцивилизации, где властвует хаос мифологических представлений о мире. Это, в частности, признается системой низших ценностей массового общества, в которых утверждается, что этот хаос «упорядочивает рынок», то есть что-то неразумное в принципе. Здесь мы вновь обнаруживаем фрактальное подобие мифологии христианских представлений в эпоху тотального доминирования института церкви, где утверждалось, что все решает «воля Творца». Но поскольку в России отсутствуют признаки самостоятельной цивилизации, а существует лишь модель внешнего подражания, то в ней пытаются подражать уже не цивилизации, а псевдоцивилизации, игнорируя исторический факт русской национальной трагедии, произошедший как после нашествия большевистской орды, так и после нашествия орды перестроечной.

Др. греческой миф о том, что «в начале был хаос», с объективно рациональной точки зрения новейшего исторического времени, мы должны понимать, что в начале становления новой модели мировой цивилизации всегда существует полный хаос мифологических представлений о мире. Это обусловлено тем, что «человеческое» представление не способно обладать новейшим пониманием событий мировой истории. Максимум, на что оно способно — это построить научную модель происходящих событий, а еще лучше, эту задачу перепоручить вычислительной ма-

шине, то есть построить мифологическое представление о происходящем, опирающееся на «научный метод». И опять мы видим фрактальное подобие, например, с представлениями христианской церкви, где доказательством божественного присутствия в жизни человека являются разного рода «чудеса». Машины, различные научные технологии стали современным доказательством чудодейственной силы «разума», существующей в жизни человека для подтверждения веры в его могущество. Но убери эти машины, которые в действительности человек производит лишь для своего комфорта и выживания, то есть в пределах потребностей своей культуры, и мы обнаруживаем тотальную пустыню между людьми, поскольку «чудо», пусть даже оно и технологическое по отношению к возможностям животного мира, есть лишь предмет культуры, а не цивилизации.

Особенность подлинной рациональной мысли состоит в том, что она, в первую очередь, исходит из потребностей цивилизации, а не культуры. Это становится особенно актуальным, когда присутствие в жизни человека культуры становится огромным, а наличие цивилизации — минимальным, если не сказать, что полностью отсутствует. Миф же, фактически, навязывает представления, что культура и есть цивилизация, и что матриархальные инстинкты более «прогрессивны», чем инстинкты патриархальные. Эта идеология ценностей «восстания рабов в морали» возникла в эпоху Просвещения, когда патриархальная норма жизни тотально искоренялась, поскольку именно на ней держались традиции христианской веры. Этот исторический процесс вполне объясним. Он демонстрирует необходимость утверждения новой веры путем «очищения» от пространства старого расового слоя людей для своего существования, чтобы в рыхлой матриархальной среде заложить новые принципы веры. Мы лишь уточняем начало

становления новейшего исторического времени «восстания рабов в морали», поскольку она возникла не в средневековый период христианской веры, а именно в эпоху Просвещения, когда еще было далеко до формирования мифологических представлений, которые бы опирались на научно-технический прогресс. Именно тогда зарождался миф о том, что разум — это научно-технический прогресс, как в свое историческое время: между Темными Веками и Средневековьем в христианском мире зарождался миф о христианской церкви как посреднике между богом и человеком в понимании библейского откровения. Так, мы обнаруживаем еще одно фрактальное подобие исторических событий формирования мифологических представлений: миф о христианской церкви как посреднике между богом и человеком, и миф о научно-техническом прогрессе как посреднике между разумом человека и природой мира.

...

То, что должен, безусловно, понимать разумный человек в наше историческое время, так это то, что ему нет места в процессах псевдоцивилизации современного массового общества, где доминирует не разум, а абстрактный «человеческий» рассудок, который почти полностью ориентирован на мифологическую реальность в понимании мира. С другой стороны, хотя мы и видим вокруг себя пустыню рациональных коммуникаций, все-таки нельзя не осознавать, что разум не исчезает и в Темные Века, находясь в напряженном поиске новейших элементов для строительства новой модели мировой цивилизации. А для этого, как до нас утверждал еще субъективный разум в философии Ницше, он должен постоянно возвращаться в историческое прошлое, переосмысляя его с учетом кардинально изменившейся исторической ситуации своего времени. Впрочем, об это же рассуждал и Гегель, выстраивая свою класси-

ческую историческую теорию смены эпох: от Темных Веков — к Новому Времени, полагавший, что разум в душе человека не исчезает никогда, даже тогда, когда в конкретной исторической ситуации все существует против него.

Наше кардинальное отличие от положения разумного человека в Западной Европе состоит в том, что в России рациональные ресурсы человеческой психики практически не затрагивались в ее прошлом. Можно сказать, что здесь своего рода «золотая жила» неистраченных энергетических возможностей высшей психики человека, поскольку она была почти не востребована в период ее исторического развития, где в процессе построения государства существовало лишь подражание внешним процессам цивилизации. В силу отсутствия доминирующих позиций рациональной психологии здесь национальную катастрофу называют «революцией», а до недавнего времени в массовое сознание даже тотально внедрялся миф о «великой революции», хотя речь должна идти о национальной трагедии. По этой же причине, в силу отсутствия какой-то элементарно заявленной разумной политической позиции в России, здесь никто особенно не заметил, что западная цивилизация исчезла в мировой истории в последние десятилетия, когда ей на смену пришли процессы псевдоцивилизации, то есть такой организации коммуникаций между людьми, где место разумному человеку не предусмотрено. А поскольку русская национальная элита, которая была способна мыслить, оказалась уничтоженной геноцидом большевистской орды, то оставшаяся современная неразумная человеческая масса употребляет любую мифологию об истории России и о ее современном историческом времени. Это обусловлено тем, что новейшая мифология, повествующая о тождестве научно-технического прогресса и «разума» здесь вполне ужилась с мифологией монотеизма, где мировая история

рассматривается как линейный процесс развития событий. Ведь не трудно понять, что массовое общество в новейшее историческое время сложилось как структура по уничтожению разума человека, как в свое историческое время институт католической церкви в конце своего политического доминирования был таким же политическим институтом по уничтожению разума. Таким образом, можно полагать, что культура неизбежно формирует такие политические структуры, которые постепенно начинают препятствовать развитию цивилизации, поскольку инстинкт самосохранения человека, доминирующий в культуре, полярно противоположен инстинкту человека в процессе развития мировой цивилизации, который ориентирован на максимальный риск жизни, то есть, фактически, на подсознательный инстинкт смерти.

Как относились представители высших ценностей в мировой истории к мелочам бытовой жизни, можно судить, например, по поведению Ю. Цезаря, который спал в военных походах рядом с солдатами под открытым небом и растратил свое состояние на устройство бесплатных обедов и игр для плебса. Аналогичным образом, и Суворов был настолько близок со своими солдатами, что они называли его «отец родной». Это признаки существования цивилизации, тогда как культура демонстрирует прямо противоположные черты аристократии, которые характеризуют не принцип мужественности, а, наоборот, проявление женственности в мужской природе: мода на парики, обтягивающие чулки, постоянные чрезмерные чувственные наслаждения, например, огромные растраты государственных средств на многочисленные развлечения Людовика XV. Вообще, как только государственная власть перестает демонстрировать достаточные черты мужественности, ее оттесняет другой исторический класс. Дело здесь не в бо-

лее эффективной экономической системе производства, как тому учила теория марксизма, это есть лишь следствие, дело в том, что для полноценного существования государства необходимо доминирование патриархальной психологии человека, то есть воли к власти, а не власти животных влечений. Массовая же культура хотя и сублимирует подсознательные влечения человека, не формирует основ его разумной индивидуальности, а формирует лишь его массовое сознание. Поэтому в массовой культуре влечения хотя и сублимированы, но ничто не ограничивает их максимальной активности в реализации непосредственных человеческих желаний под полным контролем рассудка. Совсем другое — воля к власти. В этом состоянии психики человек существует по ту сторону от принципа удовольствия, поскольку, фактически, забывает свое непосредственное животное существо. Поэтому идеализм и учил о существовании сверхчувственного мира, что мир мировой цивилизации отстранен от мира культуры напряженной активностью подсознательного инстинкта смерти человека, вследствие чего сознание сверхчеловека направлено исключительно на высшие, а не на низшие, ценности. Но в культуре, которая сублимирует подсознательные влечения человека только для того, чтобы рассудок имел возможность полностью владеть человеческими чувствами, волевой импульс ничтожно мал. Ничтожность этого волевого импульса не дает возможности человеку быть частью рациональных коммуникаций мировой цивилизации, то есть разумной личностью мировой истории, поскольку для действия воли к власти необходимы подсознательные движения расового бессознательного, где следы непосредственной чувственности и, как следствие власти конечного человеческого рассудка, теряются. Другими словами, в отличие от массовых коммуникаций, рациональные коммуникации всегда про-

текают в живом духе мировой истории, демонстрируя взаимосвязь индивидуального духа человека с историческим прошлым и показывая направление будущего, ибо разумный дух есть взаимосвязь с высшими ценностями исторического прошлого.

...

Вообще, мы должны понимать, что как только определенное метафизическое знание постепенно усваивается массовым сознанием, то оно вырождается в мифологическое представление. Так, как только христианское мировосприятие полностью победило в западноевропейском мире, оно стало мифологическим, когда попыталось полностью контролировать жизнь человека во всех мелочах. Аналогичным образом, и в наше историческое время, когда научно-технический прогресс проник во все многообразие человеческой жизни, вплоть до ее мелочей, его реальность стала образовывать мифологическое восприятие мира. И это при том, что предпосылки веры в этом фрактальном подобии развития исторических событий были различны. В первом случае, речь шла о вере в единого бога, а во втором — о вере в разум. В этом смысле, становится понятна идея Ницше о том, что «Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц!». И действительно, рассуждая во фрактальном подобии исторических событий, можно утверждать, что западноевропейский мир «убил разум», подменив его тоталитарной системой ценностей массового сознания, в котором разум стал отождествляться исключительно с научно-техническим прогрессом. Впрочем, в российской истории ситуация иная. Исторического разума здесь, с позиции высших ценностей, никогда не существовало, хотя патриархальная психология человека была полноценной, что давало возможность появлению выдающихся людей своего времени, таких, напри-

мер, как Менделеев или Л. Толстой. Эти личности, можно сказать, возникли из глубин расового существа русского духа. После 17-го года мы не обнаруживаем именно этой взаимосвязи человека с историческим прошлым, то есть признаки полноценной человеческой личности. «Черный квадрат» Малевича, фактически, демонстрирует начало исторического мрака Темных Веков в России, когда старый мир оказался разрушен, а нового еще нет. Так, именно авангардная европейская живопись одна из первых начала попытки конструирования нового мира.

То, что характеризует современный европейский мир — это исчезновение разумного человека не только из политической жизни, но и из всех сфер: науки и искусства и, тем более, философии. Этот метафизический процесс мы определяем, как процесс расовой катастрофы. Он обусловлен тем, что вместе с производством высших ценностей начинает исчезать и присутствие разумного человека, вследствие чего цивилизация уступает место процессам псевдоцивилизации. Этот момент у Шпенглера именуется мертвым функционированием больших городов, что, собственно, так оно и есть, если проанализировать жизнь современного массового человека во всех мегаполисах мира. Разумный человек исчезает из поля функционирования мировой цивилизации, поскольку рушатся ее внутренние рациональные коммуникации, в которых протекает метафизическая активность *Homo sapiens*. Таким образом, именно метафизическое пространство дает возможность разумному человеку быть активным и, наоборот, его исчезновение приводит к появлению псевдоцивилизации. Это связано с тем, что импульсы воли к власти формируются и протекают в метафизическом пространстве, тогда как влечения, даже максимально сублимированные, существуют только в материальном мире.

То, что принципиально для понимания функционирования внутренних процессов мировой цивилизации, так это формирование подсознательного импульса воли к власти из инстинкта смерти человека. Так, именно власть психической энергии этого инстинкта расчищает пространство для формирования каких-то устойчивых норм морального поведения человека, а не нравоучения, абстрактного рассудка в поле активности культуры. Ведь абстрактный рассудок, в отличие от разума, является производной мысли от подсознательного инстинкта самосохранения человека, то есть строится на кардинально иной психической энергии, чем импульс воли к власти. Если воля к власти действует, можно сказать, убивая «человеческое» в человеке, расчищая место для человечности в метафизическом пространстве цивилизации, то сублимированное влечение, наоборот, в своих коммуникациях стремится максимально сохранить «человеческое» в человека, по существу, исключив возможность существования чего-то сверхчеловеческого. В результате, пространство цивилизации теряет патриархальную энергию воли к власти, образуя систему взаимоотношений между людьми в качестве единой «семьи». В этой «семье» псевдоцивилизации главенствующую роль занимает женщина, поскольку женское существо в значительно большей степени выражает подсознательный инстинкт самосохранения, чем мужчина. Женщине более свойственно, в силу строения ее физиологического существа, проявлять свои влечения, чем разумные импульсы воли.

Если мы попытаемся определить, как формируется начало, цивилизационное ядро простейших элементов мировой цивилизации, то обнаруживаем его в феномене возникновения лигаристических союзов, то есть таких политических образований, где известная формула кодекса чести самураев является определяющей: «Путь самурая — это стремление к смерти». Но первоначально, перед возникно-

вением новой модели цивилизации существует хаос разрозненных мифологических представлений о мире, в которых доминирует инстинкт человеческой массы. Таким образом, цивилизация заканчивает массовой психологией человека и начинается с преодоления доминирующего массового сознания в иррациональных процессах псевдоцивилизации, то есть периодически прерывается процессом расовых катастроф. При этом, можно видеть, что архетип расового существа *Homo sapiens* образуется метафизическим пространством, где воля к власти «замечает» подсознательный инстинкт самосохранения человека во что-то «мусорное» в процессе производства высших ценностей. Таким образом, расовое пространство *Homo sapiens* возникает из того, что максимально противостоит подсознательному инстинкту самосохранения человека, когда речь идет об авангардных событиях мировой истории. Поэтому расовый феномен *Homo sapiens* — это не биологическое существо, отделившееся в процессе эволюции от обезьяны, а духовное существо человека, периодически активизирующееся в мировой истории и также периодически исчезающее, отработав определенные энергетические ресурсы воли к власти. Но тогда о происхождении какого существа повествует теория биологической эволюции? Вообще, как получилось, что из научной гипотезы Дарвина возникла догма мифа о происхождении человека от примата? Мы полагаем, что это обусловлено неизбежностью подмены в развитии веры ее «чистого» начала какими-то человеческими институтами и чисто «человеческими» теориями абстрактного рассудка, которые создают требования ее канонического понимания. Так было с возникновением института христианской церкви, и аналогичная ситуация возникла в процессе формирования института массового общества. Ведь философия Канта, Гегеля и Ницше появилась только потому, что каждый разумный индивид запад-

ноевропейской цивилизации не нуждался в каком-то посреднике между его индивидуальным разумом и мировой природой разума, поскольку наблюдал его развитие в непосредственных исторических процессах западноевропейской истории. Но в наше время, когда присутствие разума практически исчезло в непосредственном образе жизни человека, вопрос о происхождении разумного человека решается за счет навязывания массовому сознанию примитивного мифа о его возникновении и развитии.

Мы утверждаем, что массовое общество есть явление периодическое в истории мировой цивилизации, которое обусловлено моментом распада рациональных коммуникаций между людьми и трансформации цивилизации в систему псевдоцивилизации. Так, в первую очередь, речь должна идти о том, что исчезает метафизическое пространство существования расы *Homo sapiens*, то есть мир становится в восприятии человека чисто материальным, а сознание начинает скользить в многообразии различных мифов о его происхождении. Как известно, Шпенглер находит в мировой истории несколько фрагментов локальных моделей мировой цивилизации: индийской, западноевропейской, египетской, греко-римской в состоянии псевдоцивилизации, когда внутренний импульс воли к власти в их развитии утрачивается. Мы же полагаем, что речь должна идти не о различных замкнутых моделях цивилизаций, а о едином топологическом «дереве» одной мировой цивилизации, которая развивается своими фрактальными потоками, топологическими ветвями, как глобальными во времени структурами. Поэтому феномен появления массовой культуры в них периодичен. Он связан с тем, что одно фрактальное дерево топологического потока развития мировой цивилизации «отцветает» своим метафизическим пространством разумного существования сверхчеловека, а другое только начинает «зацветать». Но это топологическое дерево в мировой истории едино, то есть су-

ществование мировой цивилизации, несмотря на кажущееся разнообразие национальных культур, обладает общим законом исторического развития. Локальными же эти цивилизации кажутся для человеческого рассудка, который не обладает возможностью видеть целое в разрозненности фрактальных структур этого единого топологического дерева мировой истории.

...

Важнейшим феноменом строения мира является тот факт, что и структура Вселенной, и органическая, и неорганическая материя также имеют фрактальную основу строения. То есть и мир физический, и мир метафизический имеют фрактальную природу, где его отдельные элементы обладают единой структурой развития. Тот, кто рассматривал различные фрактальные рисунки, мог заметить, что они обладают специфической художественной особенностью созерцания, где мир, в первую очередь, выражает определенную меру художественной целостности, и только во вторую, момент научного понимания этого целого. Это важно осознавать, потому что только художественный феномен не разрушается под воздействием подсознательного инстинкта смерти человека, сохраняя метафизическое созерцание его целого. В этом смысле, в разумном познании огромную роль играет художественное созерцание мира, поскольку в максимальном его сосредоточении оно не отвлекается какими-то случайными движениями человеческой души, вызванными ее влечениями. Подобная «отрешенность», своего рода сомнамбулическое состояние души, как известно, было свойственно поведению Сократа, когда он полностью отрешался от внешнего мира, погружаясь в состояние глубокого внутреннего сосредоточения. Впрочем, и современный разумный человек, чтобы не потерять свой разум в этом мутном потоке примитивной информации о происходящих ничтожных событиях в процессах

псевдоцивилизации, также должен периодически максимально концентрировать свое сознание на глубинных потоках подсознательной памяти. Ведь только эти потоки дают возможность человеку найти начало своей разумной индивидуальности в интенсивной атаке на его сознание разнообразного технологического BLITEUM псевдоцивилизации.

То, что на психологическом уровне разрушает воздействие мифологии представлений на сознание человека, необходимым образом взаимосвязано с его подсознательным инстинктом смерти, поскольку человек, в котором сознание обусловлено высшими, а не низшими, психическими импульсами, мало восприимчив к воздействию гипноза, то есть к «сонному» состоянию разума, или любой системе мифологических представлений. Можно сказать, что человек, в котором постоянно активна высшая психика, находится в максимальном напряжении разумной мысли, тогда как мысль, где активен лишь процесс сублимирования влечений под воздействием культуры, способен проявлять только суждения чисто абстрактного рассудка. Это обусловлено тем, что в движении подсознательного влечения не происходит разрыва с животным существом человека, а происходит лишь его «оттеснение» за счет усвоенных в непосредственном опыте культуры определенного комплекса знаний, что в принципе исключает возникновение каких-то новых глобальных идей в понимании мира. Можно сказать, что здесь сознание человека движется во множестве различных абстрактных схем знания в пределах естественной непосредственности «человеческого» существа, или по Ницше — «человеческого, слишком человеческого». Научно-технический прогресс лишь обслуживает это естественное существо человека, не требуя от него мобилизации высших психических ресурсов, в которых рождаются и формируются началами рациональной психологии. Импульс же воли к власти не просто «рвет» с непо-

средственностью человеческого существа, но и, фактически, «бросает» сознание человека в область метафизического мира, демонстрируя присутствие в его существе чего-то сверхчеловеческого. Таково, например, состояние великого художника в максимальный момент его творческого процесса, или героическое действие солдата в разгар сражения, когда существом человека полностью владеет его подсознательная расовая память, а не инстинкт самосохранения.

Определяя начало бытия как метафизическую сущность времени, мы можем найти, одновременно, и начало становления новой цивилизации в том мусоре псевдоцивилизации, который нас окружает, формируя массовый образ жизни человека. В этом смысле, можно сказать, что авангардные политические силы мировой истории нужно искать там, где наиболее активна расовая память *Homo sapiens*. Но начало становления новой модели цивилизации очень нелицеприятно. Оно, как мы видим по современному образу России, характеризуется мрачными, в основном, искаженными гримасой дикости лицами какого-то существа, которое в большей своей природе проявляется, как «недочеловеческое» в самом человеке. Это объясняется тем, что эпоха Темных Веков выносит в политическую власть самую примитивную природу человека, которая способна существовать в этом мутном потоке тотальной лжи, выражая процесс становления нового мира из хаоса, поскольку эта человеческая природа не обладает разумом. То, что в этом мифологическом пространстве «черное» называется «белым» — это основная черта иррациональных социальных коммуникаций, где тотально отсутствует разум. Главные признаки двух фрактальных цепей развития мировой истории: мифология веры в единого бога и мифология веры в научно-технический прогресс здесь присутствует полностью, образуя своего рода странное «содружество» двух переплетающихся топологических ветвей мировой исто-

рии, которые создают массив массового сознания, исключаяющего в своем пространстве существование иррациональных коммуникаций между людьми.

Отвечая на вопрос, почему мы убеждены, что именно в России должна возникнуть новая модель мировой цивилизации, мы меньше всего надеемся на те мифологические представления, которые здесь доминируют в массовом сознании, то есть на какую-то религиозную веру или на веру в научно-технический прогресс. В обоих случаях, следует констатировать, что полноценные патриархальные ресурсы человеческой природы, которая бы могла поддержать первое, здесь уничтожены нашествием большевистской орды, а второе — в качестве веры, может стимулировать лишь возможности абстрактного человеческого рассудка, то есть какой-то конечной системы представлений, пусть даже научных, но не разума, поскольку разум требует активности основ полноценной человеческой психики, что почти полностью вытравлено в России за последний век. С другой стороны, эта утрата полноценных основ человеческой психики как следствие воздействия на сознание человека тотальной мифологии в восприятии событий мировой истории исключает в наше историческое время существование здесь рациональных коммуникаций. Ведь в сфере чисто иррациональных представлений о разуме в социальной среде может быть активен только неразумный человек, который видит свое происхождение: либо в высшей божественной воле, либо в истории биологической эволюции. Однако в обоих случаях, пустыня рациональных коммуникаций исключает здесь движение воли к власти как необходимое условие организации государственной жизни в качестве полноценных основ существования человека.

Наше убеждение в том, что становление новой модели мировой цивилизации происходит именно в России, обосновывается тем, что здесь практически не истрачены ресур-

сы высшей человеческой психики, поскольку в силу непрерывного подражания структурам западноевропейской цивилизации здесь, в основном, были задействованы только низшие психические ресурсы. Эти низшие психические ресурсы, которые характеризуются тотальным влиянием культуры, но не цивилизации, исключают появление рациональных коммуникаций и, как следствие, существование полноценного государства. Более того, в силу этой основополагающей традиции подражания западноевропейской модели развития, в новейшей истории России даже не заметили, что западноевропейская цивилизация перешла в состояние псевдоцивилизации. Но подражание продолжается по инерции, что обусловлено отсутствием опыта самостоятельного развития рациональной школы мысли в России. Здесь многие поверхностные умы, в силу отсутствия каких-то навыков рациональной мысли, пытаются обвинить во всех российских бедах тот факт, что в Россию разум проник из Западной Европы. На это следует заметить, что в отличие от достижений абстрактного рассудка, в первую очередь, конечно его научно-технических достижений, разум не может проникнуть «извне». Разум — это то, что выстрадано историей существования национальной мысли в эпицентре понимания мировых событий. Можно сказать, более определенно. Разум в какой-то человеческой среде начинает доминировать только тогда, когда эта среда определяет авангардный ход развития мировой цивилизации. Но такой среды нет ни в современном западноевропейском мире, ни, тем более, в России. Ведь не можем же мы полагать этой средой замкнутую жизнь университетов в Западной Европе или Америке, где человек ощущает себя в этой рафинированно-инфантильной среде как ребенок. Конечно, это детское сознание постоянно делает какие-то новые научные открытия, но они настолько ничтожны по сравнению с великими научными идеями, которые еще бы-

ли в начале XX века, что могут полагаться «научными» только при условии полной утраты разума человеком. Понятно, что ни о какой воле к власти в этих научных городках речь не идет. Речь идет о прямо противоположном, — о полном забвении разума на фоне громадного мусора наукообразной информации, которую производят эти многочисленные исследовательские институты. Можно сказать, что этот наукообразный мусор, этот тотальный BLITEUM западноевропейской псевдоцивилизации «хоронит» полностью в нем разумное понимание мира. Массовое же общество, этот жестко структурированный институт по уничтожению разума в человеке, становится с каждым десятилетием все более иррациональной системой коммуникаций, исключаящей разумную индивидуальность человека. Однако западноевропейская массовая идеология продолжает по инерции рассуждать об «инициативе» и «свободе» человеческой личности, хотя эта личность уже давно исключена как разумное существо из политической жизни.

Проблема современной российской государственности, которая характеризуется нулевым уровнем рациональных коммуникаций, объясняется отсутствием в ней опыта существования системы лигаристических союзов, то есть опытом взаимодействия людей на основании исторического действия воли к власти, или элементарных позиций субъективного разума. К этим союзам мы относим, например, спартанские ордена в истории Др. Греции, рыцарские ордена — в истории западноевропейского Средневековья, или японские кланы самураев. Особенность этих союзов состоит в том, в них тотально доминирует подсознательный инстинкт смерти человека, наиболее отчетливо выраженный в кодексе самураев «Бусидо». Подобная идеология коммуникаций между людьми наиболее полно выражает подсознательные импульсы воли к власти, то есть исторические позиции субъективного разума в мировой истории.

Если же эта система союзов в истории какого-то государства отсутствует, то историческое сознание человека не в состоянии выйти из системы мифологических представлений о мире, поскольку в душе человека почти всегда доминирует инстинкт самосохранения, то есть психология культуры, а не цивилизации. Пространство же культуры, в отличие от пространства цивилизации, способно строить коммуникации между людьми только на основании двух низших познавательных способностей человека: непосредственного чувственного восприятия и абстрактных суждений рассудка. Здесь следует заметить, что русская зачаточная модель цивилизации все-таки существовала до 17-го года, поскольку в это историческое время российская мысль хотя и находилась под влиянием мощи западноевропейской цивилизации, сохраняла слабую взаимосвязь с мировой историей за счет глубокого патриархального слоя, в которое внешнее влияние разложения проникало мало. Но после нашествия большевистской орды, когда в течении несколько десятилетий этот патриархальный слой методически разрушался, возврат к старой России стал исторически невозможен.

То, что в истории России отсутствовала система лигари-стических союзов, подтверждается ее современными политическими союзниками, например, Китаем, который также, несмотря за свою очень длительную историю существования, не имел в своем историческом прошлом системы лигари-стических союзов. В силу этого, его государство постоянно завоевывалось, поскольку в нем патриархальная психология человека была очень слаба, тогда как матриархальные инстинкты культуры очень сильны. В силу этого, китайские военные достижения в мировой истории всегда были очень скромными, если не сказать, весьма сомнительными. Ведь для каких-то выдающихся военных успехов необходима исключительная суровость

воинского духа. И здесь следует заметить, что в русской истории и, в частности, советской истории эти достижения были выдающимися, что, собственно, и дает во многом возможность нам полагать, что новая модель мировой цивилизации должна появиться именно в России. То есть в истории России в последние века, учитывая ее выдающиеся военные исторические успехи, шла скрытая работа по подготовке к становлению системы лигаристических союзов.

...

То, что мы замечаем в современной официальной российской политической идеологии — так это полное отсутствие какого-то разумного образа мыслей. Именно в силу этого и появляются здесь книги с таким названием как «Россия, потерявшая разум», которые указывают на самую главную проблему для существования государственной жизни в России, — отсутствие системы рациональных коммуникаций. Если же отбросить все те «заклинания» современного шаманизма, связанного с экономическими терминами и понятиями, которыми СМИ забивает, как «ватой», массовое сознание, то мы оказываемся в наше историческое время в зловещей эпохе Темных Веков, в которой господствует хаос тотального мрака человеческой жизни. Собственно, этот мрак мало чем отличается от всего периода существования России после 17-го года. Единственный, может быть, светлый период ее существования — это победа во второй мировой войне. В этой войне действительно было что-то «отечественное», то есть каким-то историческим чудом действие расового подсознания активизировало высшую психику человека и субъективный разум воли к власти вылился в объективную великую победу. Но более важна эта война стала тем, что она значительно вычистили «авгиевы конюшни» системы большевистского режима, дав возможность возвратиться к каким-то самым минимальным воспоминаниям исторического прошлого суще-

ствования государства Российского. Ведь человек, который проходит реальное столкновение со смертью, становится совершенно другим, поскольку в нем происходит отрешение от подсознательных влечений на самом высоком психическом уровне, то есть на уровне полноценного действия воли к власти. Феномен утраты импульсов воли к власти особенно характерен для современного психологического состояния американской армии, доказывающий, что она выражает уже не интересы цивилизации, а интересы псевдоцивилизации. Мы имеем в виду, например, тот факт, когда американские летчики отказываются выполнять приказы командиры с мотивацией, что «им не обеспечили безопасность полетов». И действительно, если в армии начинают доминировать только коммерческие мотивы в поведении личного состава, то это уже конец ее существования, который, в частности, можно было наблюдать в разложении армии в последний век Римской империи. Впрочем, повторим, что сравнение современных США и Римской империи неправомерно. Во фрактальной системе исторических координат политическая система США подобна лишь Византийской империи, в лучшем случае, поскольку, как и Византийская империя, современные США существуют где-то на обочине, а не в эпицентре событий мировой истории, в отличие от истории Римской империи. Отсюда проистекают тщетные попытки американских псевдофилософов доказывать «окончание мировой истории», как, например, это делал Фукуяма.

Понятно, что государственная идеология Темных Веков может предложить остальному миру только что-то очень сомнительное для объединения новых политических сил мировой истории. «Братство народов», «экономические интересы» или, тем более, монотеистическая вера — это не авангард идей новых политических сил мировой истории, а лишь мифологические заклинания во мраке Темных Ве-

ков, которые способны привести лишь к полному застою и коллапсу, с точки зрения возможности развития самостоятельной модели цивилизации. И здесь следует заметить, что, например, сталинский режим власти в какой-то зачаточной основе все-таки продемонстрировал прообраз лигаристического союза, поскольку погрузил человеческое существо в первородный ужас инстинкта смерти. Впрочем, нельзя этот факт ставить в заслугу неразумному человеку, который попытался строить систему лигаристических союзов на пепелище Российской империи (как известно, сам Сталин пытался сравнивать свою политическую систему с системой рыцарских орденов). Здесь скорее действовали загадочные механизмы расового бессознательного в глубинах человеческой души, демоснтрирующие идею «вечного возвращения» Ницше.

Проблема новейшей истории России характерна тем, что в ней вновь образовались глубокие «авгиевы конюшни», которые возникли здесь после нашествия перестроечной орды. Такое варварское разграбление государственной собственности, принадлежащей, фактически, зачаточной конструкции лигаристических союзов, существовавшей в СССР, может происходить только в Темные Века мировой истории, когда разумные связи между людьми полностью отсутствуют. Ведь лигаристические союзы характерны тем, что в них возникает собственное понимание, в частности, и экономической основы новой модели мировой цивилизации, если учесть, что во многом современная финансовая система получила свое развитие в ордене тамплиеров, в которой понятия «кредит» и «дебет» имеют определенный моральный принцип: «дебет» — он должен, «кредит» — он верит. И если последнее, то есть наличие «веры» в российской истории присутствует в избытке, то с вопросом «долженствования» здесь существуют серьезные проблемы, поскольку сознание долга может под-

держиваться только волей к власти, или активностью в человеческой душе субъективного разума, который мы не обнаруживаем в современной России. Животные же влечения, которыми чрезмерно насыщена так называемая «деловая» и социальная активность современной российской реальности, в большей степени демонстрируют экономическую активность не европейской, а скорее африканской страны, или очень плохо развитой азиатской страны. Мифологические же заклинания об «инвестициях», «инфляции» и тому подобные экономические термины очень нам напоминают известные лозунги советской власти, которые висели на каждом шагу: «народ и партия — едины», «партия — наш рулевой». В этом шаманизме игры абстрактными терминами есть, безусловно, что-то подобное магическим заклинаниям, а именно, полное отсутствие какой-то адекватности в понимании разумных законов развития цивилизации.

Чтобы отличить пространство существования цивилизации от реальности процессов псевдоцивилизации, необходимо понимать, что процессы цивилизации протекают в метафизическом пространстве, тогда как процессы псевдоцивилизации полностью материальны в восприятии человека. Это обусловлено тем, что импульс воли к власти формируется и раскрывается в метафизическом пространстве, тогда как импульс влечения возникает и развивается только в материальном мире. Конечно, как воля к власти, в конечном счете, воздействует на материальный мир, глобально изменяя его, так и сублимированное влечение в сфере действия культуры не может отображать только животные влечения человека, но и выражает определенные усилия «человеческой» воли. Понятно, что культура и цивилизация топологически переплетаются во фрактальных событиях мировой истории, поскольку матриархальные и патриархальные импульсы присущи любой человеческой душе. Но проблема состоит в том, что признаки ци-

визации практически исчезли в наше историческое время, ибо для их присутствия необходимо наличие полноценности человеческой психики, то есть психической нормы, которая поддерживается не мифологией сознания, а авангардными идеями разумного понимания мира. Так, например, было в эпоху начала бурного развития научно-технического прогресса. Однако в наше историческое время разумные движения человеческой души уже мало касаются энергии научно-технического прогресса, как мало касалось библейского откровения веры мышление философов, таких как Декарт и Лейбниц. Поэтому мы, хотя и осознаем, что мир разумен, полагаем, что его разумность не может доказываться через процессы развития научно-технического прогресса в современной псевдоцивилизации. Максимально, что может доказать научное мышление, как это сделал Кант, так это доказать от противного, что метафизическая природа разума существует по ту сторону от материального мира.

То, к чему стремится абстрактный «человеческий» рассудок, утративший взаимосвязь с разумом, так это доказать наличие разума там, где его не существует. Это обусловлено тем, что культура, в отличие от цивилизации, выполняет функции «сохраняющего», а не авангардного, характера идей в течении мыслей человека. Поэтому пути развития мировой цивилизации неизбежно разрушают мифы, которые создает культура. Собственно, миф начинает возникать тогда, когда определенная сфера существования цивилизации теряет свои метафизические границы, то есть в момент либо перестройки, либо исчезновения рациональных коммуникаций цивилизации между людьми. И если переход от эпохи западноевропейского Средневековья к Новому Времени характеризуется угасанием религиозной веры, то переход к новой модели мировой цивилизации определяется чем-то более фундаментальным. Ведь сознание боже-

ственного начала происхождения мира в его метафизическом понимании все равно оставалось основополагающим в системе рациональных коммуникаций западноевропейской цивилизации, вплоть до начала второй мировой войны, где, как мы видим, класс буржуазии еще в полной мере выражает какие-то моральные нормы поведения человека и, в целом, наличие какой-то элементарной полноценной человеческой психики. Обвал рациональных коммуникаций происходит только тогда, когда исчезает ощущение метафизического пространства, в котором протекают исторические события последних веков, связанные с метафизическим миром. Именно так мы понимаем идею Ницше о «смерти бога». Понятно, что культура не отказывается от этой идеи, однако эта идея переходит в разряд мифов, если оценить ее влияние на судьбу мировой цивилизации, то есть в то, что протекает уже на периферии процессов ее развития, поскольку перестает поддерживаться усилиями разума. Аналогичная ситуация развивается и в судьбе веры в разум, которую мы наблюдали последние десятилетия, когда исчезали наивные представления о том, что для существования разума достаточны достижения научно-технического прогресса. Но подлинная философия в своих авангардных идеях всегда смотрит в будущее. Поэтому идеи Ницше о «смерти бога» и оказалась востребованными в исторической среде, где еще в полной мере доминировали нравы буржуазных ценностей.

Когда мы утверждаем, что мировой цивилизации уже не существует, а есть лишь процессы псевдоцивилизации, мы, конечно, во многом забегаем вперед в понимании современной исторической ситуации в мире. С другой стороны, весь XX век, да и начало XXI, как известно, эта идея витала в воздухе, но только на уровне догадок абстрактного рассудка, когда пытались рассуждать о «разных» моделях цивилизаций, например, Шпенглер, Фукуяма или Ясперс.

Однако различными могут быть только «человеческие» культуры, но не «цивилизации», поскольку культура всегда несет в себе специфический опыт выживания человека в определенной среде, учитывая национальные особенности человека. В цивилизации же всегда должно быть что-то «мировое» на уровне целостности разумного понимания мира, что указывает на действие воли к власти, или на определенный комплекс идей будущего, в которых отображается присутствие чего-то сверхчеловеческого.

...

То, что должно быть для нас очевидным в понимании сущности разума, так это мера дистанции ценностей сознания и самосознания: между рассудком и разумом, которая может приобретать катастрофические размеры в эпоху расовых катастроф. И если западноевропейская классическая рациональная философия практически не делала фундаментальных психологических различий между мыслями рассудка и разума, но, наоборот, полагала их тождественными, различая лишь в качестве техники суждений, то мы не можем позволить себе подобную роскошь в силу открытия бессознательных процессов человеческой психики. Ведь по существу, рассудок и непосредственное чувственное восприятие человека оказываются на одном полюсе бессознательного, а разум и сверхчеловеческое — на другом. Так, непосредственное чувственное восприятие и абстрактный рассудок определяются подсознательным инстинктом самосохранения человека, тогда как разум — подсознательным инстинктом смерти. С другой стороны, высшее бессознательное в человеческой психике наиболее глубоко взаимосвязано с метафизическим восприятием времени, тогда как механическое сознание времени, как мы видим, стремится заставить воспринимать человека время как нечто второстепенное, что растворено во множестве процессов псевдоцивилизации, связывая эти процессы ме-

ханически, а не метафизически. В результате, сублимированное культурой система подсознательных влечений оказывается той средой психических реакций человека, на которой строится система представлений о реальности в системе ценностей псевдоцивилизации. Центральным, здесь является инстинкт самосохранения человека, что, конечно, проецируется на основной биологический инстинкт, сексуальный. Вот только возникает вопрос: неужели человек есть только биологическое существо, отличающееся от остального животного мира умением воздействовать на окружающий его материальный мир техническими средствами? Если мы будем исходить из идей мировой философии, а не пытаться привести философию к наукообразной мифологии современной псевдофилософии, то поймем, что родоначальники современной науки понимали мир, в первую очередь, метафизически, где реализация воли к власти происходила в пространстве понимания бога как «гаранта» существования этого метафизического мира. Не случайно, Кант постулировал существование бога в качестве безусловной ценности практического разума в моральном сознании человека. Но мы понимаем, что пути культуры и цивилизации не всегда совпадают, когда наше время, например, демонстрирует их существование в совершенно разных системах ценностей. При этом, все проявления мировой культуры: научная среда, социальная жизнь, где продолжают ставиться спектакли в театрах, проводиться массовые спортивные мероприятия, работать многочисленные заводы и фабрики — все это имеет место быть. Проблема состоит в том, что мыслящий человек во всем этом многообразии бессмысленной суеты массового общества не обнаруживает разумного смысла человеческой жизни, поскольку эта жизнь не обосновывается разумно. Но человек культуры, человек мыслящий абстрактно, этого не замечает, поскольку он занят «делом», являясь, как это

принято говорить в системе ценностей псевдоцивилизации, «деловым человеком». Здесь везде идет «игра» и «кипит» напряженная работа по вырождению человека. Особенность этой мировой «игры» выражается в том, что человек здесь не выходит из психологического состояния инфантилизма, поскольку особенность культуры, лишенной внутренних процессов цивилизации, характеризуется тотальной властью матриархата над человеческой душой, где человек до конца жизни остается во власти детской психологии. Игра в многочисленные ничтожные цели жизни человека, где, конечно же, основной целью является достижение максимального капитала и его увеличение, включает наличие в подобной среде полноценной человеческой психики, и, как следствие, полноценного человека, обладающего разумом, а потому именно неполноценный человек добивается здесь наибольших результатов.

Поскольку мы исходим из фрактального, а не линейного, понимания развития мировой истории, то мы должны указать на те точки топологического «роста» начального рисунка метафизического фрактала становления новой модели мировой цивилизации, который определяет ее становления из «ничего». Ведь после известной идеи Ницше о «смерти бога», которая характеризует факт исчезновения метафизического пространства, связанного с идеей происхождения мира из высшего божественного начала, позиции субъективного разума выражают нигилистическое отношение к процессам псевдоцивилизации, то есть таким коммуникациям между людьми, где разумный человек исключен. Собственно, наше учение лигаризма, как объективная позиция исторического разума, раскрывается именно из позиций европейского нигилизма, преодолевая этот субъективный рационализм как пройденный исторический этап в истории философии. Подчеркнем, что речь идет именно о европейском, а не о русском, нигилизме. Русский ниги-

лизм, связанный с представлениями Писарева, Чернышевского и Добролюбова, есть не более чем попытка придать наивной вере в науку и борьбе за свободу рабского человеческого существа какой-то наивысший смысл, то есть это исключительно область идей культуры, а не цивилизации, поскольку практически все идеи русского нигилизма сводятся к чему-то анархическому, опирающемуся на грубый примитивный материализм научно-эмпирических представлений о мире. И если учение нигилизма Ницше рождается как трагическое чувство восприятия мира в момент сознания утраты многовековой метафизической границы, то от русского нигилизма веет невыносимой пошлостью низших ценностей жизни. Собственно, этот примитивнейший русский нигилизм и стал питательной «базой» для идеологической опоры большевистской идеологии, когда варварская вера в науку как единственную возможность проявления разума человека стала подобна вере рабов и варваров в единого бога на заре становления христианской религии. Этот русский нигилизм, найдя себе теоретическую основу в коммунизме, длительное время «насиловал» Россию своей низшей системой ценностей, исключая даже самые примитивные рациональные коммуникации как реальность существования цивилизации.

На сегодняшний момент рациональные коммуникации в России нулевые, каковыми они являются во все Темные Века мировой истории, и поэтому необходимо ответить на вопрос: существует ли у такой страны будущее? Так, многие говорят о «конце» России, который, собственно, действительно наступит, если здесь не появится хотя бы самая примитивная система рациональных коммуникаций. Подражание же процессам западноевропейской псевдоцивилизации, которые здесь культивируют псевдолиберальные политические силы, является такой же мифологией ценностей, которая существовала здесь при коммунистах. В этом

смысле, существование «среднего класса» во многом стало мифом даже в западноевропейской политической реальности, где неравенство между богатыми и бедными стремительно увеличивается, что уж говорить о полудикой реальности современной России. Однако в сознании людей, где действуют только мифологические представления о реальности, ценности культуры полностью затмевают разум человека. Как при коммунистах в России до момента распада СССР твердили, что «народ и партия — едины», так и в современной российской социальной реальности мифология ценностей рыночных отношениях и частной собственности по-видимому так и будет доминировать до следующей политической катастрофы.

Если мы будем искать историческое начало падения Западной Европы, то поймем, что оно в полной мере стало разворачиваться после окончания второй мировой войны. Поэтому все дальнейшие события мировой истории можно характеризовать как историю «падения западноевропейской цивилизации». С другой стороны, мы видим, что попытка утверждать «преемственность» этой цивилизации в политической системе США, есть не более, чем попытка. Эти события подобны возвышению Византийской империи как системы государственности, в которой основа рациональных коммуникаций, то есть структура цивилизации, минимально сжата, а сфера культуры, наоборот, максимально расширена за счет компромисса эклектических представлений двух мифологий: языческой и христианской. Так, и в современных США мы находим эту эклектику компромисса представлений: христианской и рационалистической веры, которые дают возможность сохранять сознанию человека взаимосвязь с культурой, но не с цивилизацией. Здесь мы находим фрактальное подобие: истории «падения Римской империи» — истории падения западноевропейской цивилизации или известную идею

Шпенглера о «закате Европы». Понятно, что, хотя в динамике фрактальных исторических событий мировой истории и существует подобие, художественная картина архитектоники исторического целого принципиально иная по множеству признаков. Это, и, в первую очередь, кардинально различный уровень научных технологий и характер миграции других народов на территорию псевдоцивилизации, и специфика особенностей политической власти. Но главное, конечно, это сущность эклектических представлений массовой культуры, доминирующая в эти подобные исторические периоды мировой истории, где культура выражается в смешении старой и новой веры. Если же проанализировать эту ситуацию в современной России, то мы при полном отсутствии зачатков цивилизации, обнаруживаем здесь достаточно жесткую систему иррациональных коммуникаций массовой культуры, базирующуюся на эклектических представлениях: старой, монотеистической веры, и новой веры в разум, опирающейся на научно-технический прогресс. Однако исторические факты суровы. Как можно вернуться, например, к православной вере, если во время нашествия большевистской орды здесь было уничтожено 99% потомственных русских священников и священнослужителей других культов, чьи роды из поколения в поколение передавали опыт патриархального духа народа? Но поскольку суетливая активность массовой культуры, доминирующая на развалинах Российской империи, подобные факты игнорирует, то неразумной политической среде кажется, что достаточно «вливать» финансовые средства в строительство храмов и приблизить религиозное сознание к государственному, чтобы решить эту проблему. Понятно, что речь здесь идет о чем-то неразумном, что характеризует деятельность чего-то варварского по отношению к разумному пониманию политической реальности. С другой стороны, не менее неразумная политическая сре-

да, которую условно можно отнести к системе «либеральных» ценностей в России, «трудится» в своих попытках уподобить российскую социальную жизнь внешним процессам западноевропейской псевдоцивилизации, заклиная новым шаманизмом экономических терминов массовое сознание, как в свое время коммунисты заклинали своими марксистскими терминами человеческие массы. В результате, мы имеем, фактически, что-то безумное с точки зрения уровня рациональных коммуникаций в России, если отбросить всю ту примитивную систему представлений абстрактного рассудка, которая «убаюкивает» массовое сознание разного рода мифологическими ценностями человеческой жизни. Единственным положительным результатом этого шаманизма является то, что массовый человек здесь биологически «выживает», то есть в полной мере удовлетворяет свой бессознательный животный инстинкт самосохранения.

...

То, что характеризует первое время существования человека в Темные Века, так это эйфория от ощущения новой веры, которая имеет фанатичный характер. Для этого достаточно сравнить экзальтированное поведение первых христиан в их вере Христа и большевиков — в их вере в «мировую победу пролетариата». Понятно, что присутствие разума здесь было практически нулевое, зато женской истерии импульсивной чувственности, стремящейся либо к чему-то «сверхчувственному», то есть к духу, если мы рассматриваем первые века христианской веры, либо к чему «социально-справедливому», если мы оцениваем веру большевиков, здесь предостаточно. Ведь потеря разума человеком происходит в момент полного разрушения патриархального пространства, в котором психическая норма человеческой жизни поддерживается веками. То, что

культура — это не цивилизация, неразумный человек не понимает, поскольку для этого необходимо обладать разумом от природы, который способен противостоять всеобщему безумию. Однако на это способны очень немногие. Подавляющее же большинство движется в русле известных представлений о жизни, то есть воспринимает своим рассудком жизнь такой, какой «она есть». Этот феномен критического рассудка восприятия жизни такой, какой «она есть», очень точно описан у Канта, где метафизическое оказывается «по ту сторону» от возможности проникновения в него в силу того, что на первом месте здесь в качестве ценностей выражается именно культура. Можно сказать, что Кант максимально противопоставляет критические возможности абстрактного рассудка и мыслящего разума, то есть, фактически, противопоставляет феномен культуры и цивилизации.

Мы утверждаем, что мировую цивилизацию строила раса *Homo sapiens*, которая, можно сказать, периодически возрождается из Темных Веков как птица феникс в тот момент, когда на очередных развалинах мировой цивилизации начинают восстанавливаться рациональные коммуникации. Но это очень сложный процесс, протекающий в плотной среде мифов человеческих представлений, где большинство людей ведут себя крайне агрессивно по отношению к разумному пониманию мира. Это наше историческое время, где наиболее трудно понять, что эйфория от веры в «новый мир» закончилась и началась крайне тяжелая работа по собиранию отдельных элементов понимания его метафизической природы и, главное, его границы. Можно сказать, что историческая реальность Темных Веков — это полный мрак, глубокая моральная клоака, возникающая в силу того, что разумный человек теряет в них контроль над политической ситуацией. И дело здесь, конечно, не в какой-то «социальной несправедливости», о которой по-

стоянно твердили социалисты и коммунисты, поскольку эта несправедливость существует во все исторические времена, а в том, что утрачена психическая норма человека. Она утрачена в силу того, что эта норма может существовать только в системе функционирования рациональных коммуникаций между людьми, где существуют какие-то ценности, превышающие ценность человеческой жизни, то есть в присутствии чего-то сверхчеловеческого.

...

Мы опираемся в понимании цикличности процессов понимания мировой истории на исторический материал Шпенглера, подробно описанный в его работах. Однако наше отношение к мировой истории кардинально иное в силу того, что мы исходим из процессов развития мировой цивилизации, которая существует в системе рациональных коммуникаций, тогда как он рассматривал мировую историю как опыт развития мировой культуры, отображающейся в системе представлений человеческого рассудка. Кардинальное отличие выражается здесь в том, что представление — это всегда то, что уже реализовалось в человеческой жизни, став ее частью как что-то безопасное и устойчивое, тогда как воля к власти, то есть позиция субъективного исторического разума, наоборот, всегда выражает авангардные позиции чего-то крайне опасного для «человеческого», не представляемого в принципе в силу максимальной сложности своей феноменальной природы.

Размышляя над «пустыней» рациональных коммуникаций в современной России, мы должны указать на зачаточные элементы новой модели мировой цивилизации, которая здесь должна возникнуть, когда здоровые политические силы смогут заложить фундамент этой цивилизации. Речь должна идти о политической структуре лигаристического союза, то есть той системе, из которой, как из про-

стейшей структуры фрактала, возникает сложная топология фрактальной картины политического целого. В этом смысле, мы полагаем, что зачаточная конструкция лигари-стического союза возникла в СССР после второй мировой войны, когда именно отечественная война «зачистила» те авгиевы конюшни, в которые погрузила Россию больше-вистская власть. Собственно, только на этом небольшом эпизоде истории, а именно в событиях второй мировой войны, мы обнаруживаем начальные усилия воли к власти новейшей российской политической системы на обломках Российской империи. Вообще, там, где человек соприкаса-ется со смертью, только и можно обнаружить метафизиче-ское существо разума, которое указывает на авангардные пути развития мировой истории. Великая отечественная война и есть та отправная точка новой модели мировой цивилизации, которая должна возникнуть на территории бывшей Российской империи, «разорвав» тотальный мрак Темных Веков, поскольку здесь прошли соприкосновение со смертью те политические силы, которые создали все лучшее, что было построено и создано после второй миро-вой войны в СССР.

...

Анализируя впечатления от окружающих тебя людей в социальной политической системе современной России, невольно ловишь себя на мысли, что ты попал в сумасшед-ший дом. Это чувство вызвано тем, что здесь сознание лю-дей как-то по-детски воспринимает мир, то есть строит свое понимание исключительно на каких-то мифологиче-ских представлениях о реальности, не неся разумную от-ветственность за происходящие в стране события. Здесь почти все ценности имеют приставку «псевдо». Религи-озная среда, политическая среда: коммунисты, либералы, националисты, патриоты — почти все эти люди как будто

принципиально игнорируют реальную оценку происходящего с позиции исторического разума. Причем, можно заметить, что еще два поколения назад, порода людей, родившаяся до нашествия большевистской орды, не воспринималась как что-то неполноценное. Этот феномен объясняется тем, что тогда еще действовало пространство патриархальной психологии человека, пресекающее процессы его деградации. Впрочем, последнее поколение этих полноценных людей исчезло уже при нашей жизни, в результате чего и развился современный процесс расовой катастрофы. Однако, можно видеть, что этот процесс протекает во всех народах мира, то есть имеет планетарный характер, обусловленный глобальной перестройкой внутренней модели мировой цивилизации. Ведь только метафизическое пространство существования человека способно пресекать процесс человеческой деградации, тогда как все формальные моральные законы, которые культивирует человеческий рассудок, являются лишь системой магических заклинаний, действующих в мифологическом мире. Так, мифологический мир распространяет пространство культуры, исключая чувство опасности, которое всегда существует на острие действия метафизического импульса воли к власти. Цивилизация же всегда жестока по отношению к человеческому существу, поскольку разрушает именно чувственную непосредственность, в которой существуют единые представления культуры, какую бы область культуры мы не брали: религиозную, научную, политическую.

Таким образом, российская политическая система по отношению к историческому разуму существует в нулевом состоянии, когда после разграбления очередными варварами в 1991 году собственности зачаточной структуры лигари-стического союза, в России стугилась зловеющая пелена

Темных Веков. Причины, в силу которых в ней вновь распространилось глубокое варварство по отношению к историческому разуму, было обусловлено тем, что ушло поколение фронтовиков, которые здесь по мере своих возможностей смогли зачистить авгиевы конюшни большевистского нашествия. В этом смысле, один из важнейших политических вопросов современной России состоит в том: а кто зачистит авгиевы конюшни, образовавшиеся здесь после нашествия перестроечной орды? Ведь это только в мифологической системе представлений об истории, можно полагать, что 1991 год характеризуется приходом «демократии» и «свободы». В разумной системе исторических координат, речь идет о разрушении всего положительного, что было создано поколением людей, прошедшими смерть во второй мировой войне, и, как следствие, получивших хорошую «прививку» патриархальной психологии жизни. То, что в современной России «шаманят» своими экономическими терминами разного рода псевдолиберальные политические силы, присвоившие себе собственность зачаточной структуры лигаристического союза, созданной фронтовиками СССР после второй мировой войны, можно лишь отнести к очередной волне варварства, погрузившую современную Россию в очередной хаос исторического безвременья. Но пытаться сравнивать современную российскую реальность со Смутным Временем, принципиально ошибочно. В период Смутного Времени еще не существовали простейшие элементы российской цивилизации, которые стали формироваться здесь только после реформаторской деятельности Петра I. Вообще, мы полагаем, что если рассуждать о какой-то самобытности российской цивилизации, то это период истории власти династии Романовых. Другое дело, что энергию полноценности этой цивилизации сложно понять в сравнении с расцветом мировой цивилизации в истории

западноевропейского мира этого исторического времени. Это все равно, что сравнивать скромную микенскую цивилизацию — с египетской, которая практически незаметна на фоне выдающейся мощи достижений последней. В нашествии дорийской орды, разрушившей микенскую цивилизацию, можно увидеть прообраз исторического подобия событий движения большевистской орды по территории бывшей Российской империи.

«Русскими» назвать всех этих людей с полудикими лицами, которые доминируют в современной российской политической реальности, будет слишком цинично. Подлинные русские все-таки были другими. Может они и русские по происхождению, но сама дикость политической системы спустя некоторое время делает их психологию варварской, поскольку они вынуждены приспосабливаться к социальным механизмам массового общества, уничтожающим полноценную психику человека, которые доминируют здесь. При этом, мы не преувеличиваем уровень развития российской цивилизации до 17-го года, — он был лишь зачаточным, но все-таки был, поскольку опирался на глубокий слой патриархальной психологии человека. Именно этот слой полноценной психологии человека и был здесь «срезан» активностью большевистской орды, чье «дело» завершила орда перестроечная.

Размышляя над причинами: почему у людей в России такое мрачное выражение лиц, мы должны понимать, в каком психологическом состоянии существует человек в Темные Века. Ведь это историческое время характеризуется тем, что в процессах псевдоцивилизации у него участвуют лишь низшие психические ресурсы души, тогда как высшие психические ресурсы, которые протекают под воздействием инстинкта смерти, практически не задействованы. Мифологическое мышление является именно тем мышлением, которое стремится полностью блокировать актив-

ность высшей психики, то есть свести поведение человека к чему-то детскому и непосредственному, связанному с минимальной ответственностью за происходящее. А поскольку, как мы уже сказали, в России доминируют только мифологические типы исторического мышления, то какая-то разумная взаимосвязь между людьми здесь полностью отсутствует. В результате, здесь остается только одно — напряженный процесс становления разумных начал души практически с нуля в полной пустыне отсутствующих рациональных коммуникаций. Вследствие этого, подсознательный инстинкт смерти ведет здесь напряженную работу по формированию рациональной психологии почти без всякого опыта исторического прошлого.

Мы не имеем иллюзий по поводу утраты психической нормы в системе ценностей современной западноевропейской псевдоцивилизации. Полноценность человека как отображение его высшей психической активности души — это один из основных критериев отличия цивилизации от псевдоцивилизации. Именно об этой «полноценности» и рассуждал Ницше за несколько десятилетий до появления массового общества как гробовщика рациональной психологии человека. Ведь понятно, что гей парады, культивируемые западноевропейским «свободным» обществом, равно как и упразднение фундаментальных понятий патриархальной психологии: «отец» и «мать», которое было заменено в нем на слово «компаньон», не имеют никакого отношения к подлинной свободе. Свободный человек, в первую очередь, несет историческую ответственность перед памятью предков, с которыми он связан через свой подсознательный инстинкт смерти, определяющий его импульсы воли к власти как реальность взаимосвязи с духом мировой истории. Современная же семья практически во всем мире стала коммерческим договором двух социальных существ, мужчины и женщины, оперирующих исклю-

чительно абстрактными представлениями о ценностях жизни. Понятно, что если такие меркантильные интересы ставятся во главу создания семьи, то она не может существовать, поскольку семья так же, как и государство, требует причастности разумному духу мировой истории, который присутствует в патриархальной психологии человека.

...

Мы полагаем, что одной из основных характеристик псевдоцивилизации является максимальная активизация мифологических представлений культуры, которая, фактически, ликвидирует пространство действия субъективного разума человека. И действительно, вся современная социально-политическая инфраструктура псевдоцивилизации пронизана верой в то, что торгашеский принцип жизни — это единственно возможная реальность «человеческих» коммуникаций и что массовое общество — это социальная инфраструктура функционирования «цивилизации», а не ее катастрофического обвала. Наивно полагать, что вера не изменяет жизнь человека, она ее изменяет, причем тотально. Так, постепенно, изменяла жизнь европейского человека монотеистическая вера, воздействуя через метафизику сознания мира библейского откровения. Собственно, метафизика библейского откровения и была тем процессом «вечного возвращения» памяти расового бессознательного в высшей человеческой психике в Темных Веках Западной Европы, которое возвращает сознание человека к памяти предков, в данном историческом случае, к расовому опыту древних восточных цивилизаций.

ЧАСТЬ II.
Ницшеанская «бездна» —
метафизическая граница
НОВОГО МИРА

*Если долго вглядываться в бездну, то
бездна начинает вглядываться в тебя.*

Ф. Ницше

Мы утверждаем, что любая новая модель мировой цивилизации во фрактальных событиях мировой истории формируется политической системой функционирования лигаристического союза. При этом элементы культуры сохраняют в этом историческом «бульоне» формирования новой модели цивилизации достигнутые в прошлом исторические знания. Ведь и Темные Века истории тоже характеризуются «специфической» политической стабильностью, чья особенность состоит в том, что сознание массового человека в это историческое время пребывает в полной прострации по отношению к разуму. Это обусловлено тем, что новейшие мифы, к которым мы относим в наше время веру в тождество разума и научно-технического прогресса, вытесняют возможность разумного понимания мира, поскольку «человеческий» рассудок, в отличие от разума, обусловлен активностью подсознательного инстинкта самосохранения человека, то есть ориентирован на ценности культуры, а не цивилизации. Разум же, поскольку он определен в поле активности психической энергии подсознательного инстинкта смерти, наоборот, является содержанием мысли, разрушающей любые мифологические представления, а потому его понимание мира связывает будущее и прошлое, «размазывая» ценности настоящего, если они не относятся к высшим ценностям.

То, что принципиально отличает линейные представления о событиях мировой истории от его разумной, фрак-

тальной, природы, так это понимание, что исторический процесс есть некое топологическое «дерево», в котором переплетается настоящее, прошлое и будущее. Подобное топологическое переплетение созерцания времени отображается от бессознательных высших процессов психики, тогда как сознание времени в абстрактном мышлении, выражается в чем-то «спасительном» и предельно упрощенном, а именно, в его механическом течении. Этим «спасительным» для непосредственного образа жизни человека, в частности, являются абстрактные научные знания, а до недавнего времени — это были ценности монотеистической религии, в которой описание быта человеческой жизни предписывало множество моральных ограничений. Понятно, что еще несколько столетий назад эти ценности были основой внутренних коммуникаций мировой цивилизации и в Европе, и в Азии, поскольку идея божественного происхождения мира обладала мощными ресурсами воли к власти. Собственно, это подтверждается историей философии последнего тысячелетия. Однако наше историческое время демонстрирует мифологичность этих ценностей, то есть истощение этого метафизического пространства. Тот же факт, что некоторые страны, в основном, в Азии находятся еще во многом во власти исламской культуры, доказывает лишь топологический характер развития мировой истории, где ее отдельные исторические «листья» еще не «отцвели», хотя ветки, на которых они висят, уже почти засохли.

...

Одной из важнейших проблем современной политической ситуации в российской исторической реальности является вопрос об окончании эпохи Темных Веков, которая наступила здесь после падения Российской империи. Так, мифология веры в научно-технический прогресс, с одной стороны, дала возможность варварским племенным кланам

большевистской орды утвердиться на развалинах Российской империи, а с другой, создать мифологию представлений о произошедшей в России «революции». Понятно, что такого рода мифология может существовать только в полностью иррациональной системе представлений об исторических событиях, где отсутствует опыт существования рациональных коммуникаций между людьми. Но, собственно, так оно и есть, когда и монотеистическая вера, и вера в разум, опирающаяся на научно-технический прогресс, остаются прерогативой исключительно культуры, но не цивилизации. Цивилизация же требует активности воли к власти, то есть риска существования человека в принципиально новом метафизическом поле разумного мира. И здесь следует заметить, что на самом примитивнейшем уровне, то есть, можно сказать, «нулевом», система функционирования новой модели мировой цивилизации в России функционирует. Мы имеем ввиду восприятие времени человеком его течения в механических часах. Так, сознание течения времени в механических часах создает нечто фактически подобное в исторических событиях строительству монотеистических храмов в момент существования псевдоцивилизации между языческой и монотеистической верой. То есть, с одной стороны, указывается на топологический «узел» нового метафизического мира, монотеистический храм или механические часы, а с другой, в Темные Века выражается лишь чисто внешнее отношение к новому метафизическому пространству, когда сознание человека остается во власти стереотипов мифологических представлений прошлого. Так, единственное, что способно разрушать стереотипы представлений, — это психическая энергия воли к власти, или энергия подсознательного инстинкта смерти, аккумулирующая процесс непрерывности воспоминаний, идущих не из индивидуального опыта «человече-

ской» жизни, а из глубин высшего подсознания человека. Именно здесь пролегает принципиальная граница между психической энергией сублимированных влечений, возникающих под воздействием культуры, и психической энергией воли к власти, которая не может быть продуктом культуры, находясь в авангарде формирования новых разумных политических сил мировой истории, разрушая многообразие мифологических представлений о реальности.

Рассматривая психофизиологическую сущность человека, мы должны понимать, что процесс сублимирования подсознательных влечений определяет поле существования мировой культуры, тогда как процесс энергии воли к власти — процессы мировой цивилизации. Причем в историческое время, где доминируют высшие ценности, то есть в период власти аристократии, культура и цивилизация «союзники», тогда как в период Темных Веков они становятся антагонистами. Это обусловлено тем, что в момент исторического ослабления воли к власти, то есть, фактически, почти полного исчезновения политической позиции субъективного разума, выражающего полноценные политические силы мировой истории, массовая культура тотально погружает сознание человека в мифологический мир. Что же поддерживает этот «огонь» действия разума в душе человека в мировой истории на уровне коммуникаций воли к власти? Мы утверждаем, что его поддерживает система функционирования лигаристических союзов, этого производящего ядра активности любой полноценной модели цивилизации. Причем, в топологическом дереве математической модели, фрактальные «ветви» различных лигаристических союзов имеют свою национальную особенность, которая характеризует возникновение их исторического начала. Так, психология лигаристического союза

кланов японских самураев имеет одну специфику, др. греческих спартанских союзов — вторую, а западноевропейских рыцарских орденов — третью. Откуда возникают эти топологические «ветви» исторического начала мировой цивилизации, может дать ответ только метафизическое пространство особенности их исторического возникновения и существования. Понятно, что вера, или культура, в момент формирования рациональных коммуникаций цивилизации должна «потесниться» в том смысле, что человек не должен чувствовать ее спасительное тепло, когда понимает мир разумно. Воля к власти, как признак существования пространства цивилизации, фактически, в полном смысле слова, требует преодоления «человеческого», то есть возможности существования человека за пределами конечных представлений абстрактного рассудка. «Свехчеловеческое» — это присутствие психики человека в энергических потоках расового бессознательного, которое суть — единое топологическое древо исторической памяти происхождения *Homo sapiens*.

То, что мы должны, в первую очередь, осознавать, размышляя над новой моделью мировой цивилизации, которая должна возникнуть на руинах ее старой модели, так это необходимую границу с мифологическим представлением о том, что разум существует исключительно в сфере научного понимания мира. Необходимо понимать, что наука — это всего лишь один из «инструментов» разума, может быть, один из наиболее эффективных инструментов. Но инструмент познания разума не может быть самим разумом. Мы же видим, что в современной системе представлений философия полностью отождествилась с наукой, растворившись в каких-то крайне примитивных наукообразных суждениях о мире.

...

Что вообще происходит с философией в наше историческое время? Почему о таких философах, как Гегель или Ницше знает почти каждый более-менее образованный современный обыватель, а о таких философах как Гуссерль или Хайдеггер только специалисты в области современной философии? Мы полагаем, что проблема состоит в том, что рациональная философия, собственно говоря, как одна из важнейших сфер влияния разума на повседневную жизнь человека, закончилась в истории западноевропейской мысли, тогда как в России ее просто не существовало. Ведь рациональная философия, в отличие от какого-то любого другого вида философии существует как отображение рациональных коммуникаций между людьми. В этом смысле, она подобна фундаментальной науке, которую отличает от научных технологий выражение исключительной полноценности человека в процессе разумного познания мира в качестве открытия новых фундаментальных идей науки. Эта полноценность характеризуется тем, что здесь во всем доминирует высшая мера целостности понимания, которая при этом сохраняет максимальную сложность постигаемого предмета объективного знания. С другой стороны, именно исторический феномен исчезновения внутренних процессов цивилизации, сопровождающийся появлением структур псевдоцивилизации, влечет за собой исчезновение полноценной философской мысли. На смену рациональной философии приходит разного рода интеллектуальные разработки, в лучшем случае, например, такие как работы Гуссерля, где абстрактный рассудок пытается полностью подменить функции разума. Ведь главное отличие разума от рассудка — это существование, для первого, необходимой иерархии ценностей, которая выстраивается в соответствие с пониманием мира: от непосредственного чувственного восприятия — к его метафизической структуре

целого, где высшие ценности контролируют — низшие. Однако в процессах псевдоцивилизации, как мы видим, иерархия ценностей отсутствует в силу того, что абстрактный рассудок никогда не разрывает с восприятием непосредственной чувственной реальности, а лишь занимается ее рефлексией. Подобный процесс обусловлен тем, что абстрактная рассудочная мысль необходимо взаимосвязана с подсознательным инстинктом самосохранения человека, тогда как разумная мысль, наоборот, с тем, что ему противостоит в проекции сознания на систему высших ценностей. Ведь именно психические реакции человека, высшие ли низшие, определяют его непосредственное существование во времени, поскольку абстрактный рассудок относится к прошлому и будущему как к абстракции, и только к настоящему как единственной реальности, тогда как разум, наоборот.

Наше утверждение, что во фрактальной системе исторических координат каждая новая модель мировой цивилизации возникает из особой взаимосвязи между людьми в лигариристическом союзе, где психические импульсы коммуникаций передаются через волю к власти, проистекает из понимания, что деятельность разума в человеческой душе кардинально отличается от деятельности абстрактного рассудка, в первую очередь, ощущением времени, в котором человек существует. Так, мы видим, что в современных процессах псевдоцивилизации человек живет только настоящим моментом времени, ощущая прошлое и будущее лишь на очень близком к этому моменту времени историческом интервале — от одного до двух десятилетий, то есть, фактически, в пределах продолжительности своей жизни. Это объясняется тем, что массовое сознание неспособно воспринимать дух мировой истории иначе, кроме как в рассудочно-абстрактной форме отсчета механического време-

ни. Поэтому и процессы современной псевдоцивилизации, с ее мифологическим культом экономической целесообразности и гонки за новыми научными технологиями — это всего лишь попытка скрыть реальный факт исчезновения полноценной внутренней структуры мировой цивилизации, то есть взаимосвязи между разумными людьми в политической реальности. Стремительно набирающий хаос внутренних процессов псевдоцивилизации, уже плохо скрываемый слабеющим регулированием со стороны разваливающейся финансовой системы, требует полагать фрактальную структуру не только математической моделью, но и внутренним метафизическим основанием процессов мировой истории.

...

Размышляя над будущими перспективами развития российской государственности, мы должны исходить из того, что в наше историческое время зачатки цивилизации здесь практически нулевые, то есть разумные люди почти никак не взаимосвязаны друг с другом. После нашествия большевистской орды в 1917 году российская культура «обогатилась» новой мифологией, верой в научно-технический прогресс. Когда же новая мировая секта, верящих в светлое будущее на основании учения коммунизма, людей, здесь распалась, то можно было наблюдать тотальную пустыню по отношению к тому, что причастно мировой цивилизации. Племенные кланы, возникшие за пределами мировой цивилизации, образовавшиеся после распада СССР и активности новой орды, перестроечной, перераспределили собственность зачаточной структуры лигари-стического союза, на основе которой несколько десятилетий функционировал Советский Союз. Понятно, что эта воровская активность племенных кланов, возникших из распада КПСС, обросла соответствующими псевдолибе-

ральными мифами о «приватизации» и об исключительной роли в формировании современной западноевропейской цивилизации рыночных отношений. Вообще, историческое время в современной России стало очень напоминать конец брежневской эпохи ощущением тотального «застоя», суть которой состоит в том, разумная государственность не может существовать на основании тотальной мифологии сознания человека. Именно поэтому мы должны понять модель политического существования СССР с позиции объективной исторической необходимости, а не с позиции представлений тех примитивных мифов, которые, с одной стороны, поют дифирамбы этой политической системе, а с другой, оценивают ее исключительно с позиции «империи зла».

Размышляя над историей веры в разум, мы должны констатировать, что только в последние несколько десятилетий, и, особенно, в последнее десятилетие возникли предпосылки не для веры в разум, а для понимания сущности разума вне определяющего мифа о том, что разумное — это необходимо то, что опирается на научное знание и только на него. Фрактальным подобием этого исторического процесса нашего времени в истории развития западноевропейской модели цивилизации должен быть исторический момент начала раннего Средневековья, когда Темные Века характеризовались робкой попыткой отойти от сакральных догм библейского откровения. Этот момент, с позиции объективного разума, мы понимаем, как реальное, а не формальное, смещение процессов языческой псевдоцивилизации в сторону зарождения простейших начальных элементов христианской цивилизации. В этом смысле, мы полагаем, что кардинальное изменение метафизики воли к власти в непосредственной судьбе человека, то есть его позиция субъективного разума, определяет направление развития

мировой цивилизации в качестве развития ее внутренних процессов. И, наоборот, подсознательный инстинкт самосохранения человека стремится «оберегать» достигнутое ранее цивилизацией, в первую очередь, конечно, путем навязывания сознанию конечных абстрактных представлений рассудка. Абстрактный рассудок, в отличие от разума, движется в процессе рефлексии: от чувства — к представлению, тогда как рефлексия разума развивается в процессе: от представления — к пониманию.

Сфера, в которую в наше историческое время сместилась область рефлексии исторического разума как образа разумной действительности, — это художественное созерцание целостности метафизического мира, отображающего онтологический поток времени. Так, мы видим, что глубокий подсознательный «водораздел» между культурой и цивилизацией происходит в качестве кардинального различия системы ценностей абстрактного рассудка и разума, когда абстрактный рассудок «цепляется» за представления, которые уже не соответствуют современным событиям мировой истории. И наиболее «цепко», конечно, связывает знакомые представления о мире мысль, ориентированная на научное знание. Заметить, что фундаментальная наука как основа разумного понимания мира, практически исчезла в наше историческое время, дает понимание, что сама наука — это лишь инструмент в познании разума, что, конечно, не может допустить насквозь мифологическая система низших ценностей современной псевдоцивилизации.

Для тех, кто пережил в своем жизненном опыте политическую реальность советской власти, есть возможность сравнить ее с той политической конструкцией псевдоцивилизации, которая доминирует в современной России. И здесь мы понимаем, что, вероятно, система лигарилистического союза, частным случаем которой является политиче-

ская конструкция СССР, есть необходимая начальная основа новой модели мировой цивилизации, которая возникает в тот момент, когда племенные орды, разрушившие исторические государственные институты, теряют заряд своей агрессии, направленной против разумной природы человека. Вероятно, что этот исторический процесс происходил много раз в мировой истории. К нему мы можем отнести и появление спартанских орденов на обломках микенского государства, и рыцарских орденов в Западной Европе на развалинах Римской империи, которые пресекают животную психологию варваров на территории, где до них существовали какие-то признаки мировой цивилизации. Мы убеждены, что этот процесс имеет метафизический характер, поскольку основную функцию в нем выполняет расовое бессознательное в глубинах человека, которое начинает «возвращать» грубую и, в общем, дикую душу варвара к зачаткам цивилизации. Это возвращение или, пользуясь известной идеей Ницше, «вечное возвращение» выражается в том, что вероятно, в высшей психике на уровне бессознательного человека существуют какие-то коды памяти, где хранятся воспоминания об опыте высших ценностей, которые цивилизация произвела в своей истории. Здесь речь идет о начальной точке «роста» воли к власти тех полноценных политических сил, которые можно относить к процессам цивилизации, а не к процессам псевдоцивилизации. Собственно, это и есть объективная рациональная сущность идеи «вечного возвращения» Ницше. Таким образом, рациональный смысл идеи «вечного возвращения» заключается в том, строительство новой модели мировой цивилизации должны вести принципиально новые мировые политические силы, которые не задействованы в процессах разложения псевдоцивилизации.

Не трудно было узнать в политических событиях так называемой «перестройки», в результате которой был разрушен СССР, все те же рецидивы большевистских нравов орды, то есть «шевеление» варварской активности различных племенных кланов, направленное на разграбление священной собственности лигаристического союза. Здесь мы не рассматриваем состояние дикости новообразованных племен, составляющих то, что было принято называть «советским человеком», а акцентируем внимание на одном из важнейших признаков политической конструкции лигаристического союза — священной собственности. То, что эта священная собственность в России после 91-го стала достоянием кучки воров, прикрывших процесс постбольшевистского разграбления государственной собственности мифом о «приватизации», является, очевидно, неизбежным процессом разрушения политической структуры лигаристического союза на первой стадии его существования. Эта стадия характеризуется абсолютным моральным дном, выражающим клоаку человеческих взаимоотношений, где все строится на тотальной лжи и где везде доминирует неразумный вороватый тип *Quasi Homo*.

Таким образом, с позиции объективного исторического разума, мы имеем следующую картину исторических событий последнего века в России. Эта картина выражается в том, что первый акт национальной трагедии произошел после гибели Российской империи в 1917 году, а второй — в 1991 году, который был обусловлен разрушением зачаточной конструкции лигаристического союза вследствие активности на ее территории новой человеческой орды, «перестроечной». Для нас, кто обладает разумом, то есть способен осмысливать исторические события с позиции высших ценностей, очевидно, что политические усилия либерализма в России аналогичны усилиям коммунизма в не-

далеком прошлом, то есть сводятся к мифологическому представлению об исторической реальности, опирающегося на веру в научно-технический прогресс. Мы должны понимать, что вера в научно-технический прогресс стала в наше время лишь новейшим мифом культуры, сместившись на обочину мировой цивилизации.

...

Размышляя над будущей судьбой мировой цивилизации, когда ее наличие практически исчезло в мусоре массовых ценностей современной псевдоцивилизации, мы должны понимать, что ее новая политическая модель может быть сформировала только какими-то принципиальными новыми идеями. Ведь полноценные разумные идеи — это и есть русло онтологического потока времени, которое определяет метафизику пространства высших ценностей в определенном срезе происходящих исторических событий. Низшие же ценности, которые питают массовое сознание, не только не активизируют разумные движения человеческой души, но, и наоборот, стремятся их подавлять слабоумным валом стереотипов представлений о существующем мире. В этом смысле, массовое общество со своей жесткой системой представлений о материальной природе мира значительно более разрушительно воздействуют на рациональные центры человеческой души, чем религиозные представления о духовной сущности мира. Главное, что характеризует систему представлений в массовом обществе, — это базовая опора на миф о тождестве научно-технического прогресса и разума. Собственно, потому в современной российской истории нашествие большевистской орды рассматривается как «революция», что в современной России полностью отсутствует какая-то элементарная система рациональных коммуникаций между людьми, когда мифология представлений о системе ценностей научно-технического прогрес-

са — это единственное, что выдает это всеобщее безумие по отношению к историческому разуму как нечто причастное к «цивилизации». Но в действительности, цивилизации в России, как какой-то элементарной взаимосвязи между разумными людьми, не существует с 1917 года, когда русская национальная элита была практически ликвидирована большевистскими варварами, в животной природе которых современная неразумная российская историография ищет какие-то следы человеческой «личности». Впрочем, не нам судить деятельность этих варваров, — мы можем лишь оценить их активность с точки зрения высших ценностей мировой истории. Ведь, например, в период раннего христианства в эпоху Темных Веков, первые христиане считали себя «богоизбранной» исторической силой мировой истории, каковыми полагали себя и большевистские вожди. То, что в действительности, активность большевиков являлась лишь разрушением сгнивших остатков старой модели мировой цивилизации, выражая своей политической активностью мрак Темных Веков, неразумный человек понять не мог, поскольку массами рабов и варваров всегда движет животная жажда жизни, чуждая суровому холоду ощущения высших ценностей мировой цивилизации. Но нас все-таки должны интересовать не столько эти события трагедии России в начале XX века, сколько первая попытка по строительству зачаточной конструкции лигариического союза, получившей впоследствии название «СССР». Ведь нельзя же современную воровскую малину российской социально-политической жизни, где, как и в период большевизма, единственным серьезным политическим усилием является поддержание и развитие военного проимышленного комплекса, полагать государственной структурой, причастной разумным процессам мировой цивилизации.

Наибольшую роль в возникновении зачаточной политической конструкции лигаристического союза в России, как мы полагаем, выражают события второй мировой войны, которая зачистила авгиевы конюшни наследия активности большевистских орд на развалинах Российской империи. Сюда можно отнести и ликвидацию двоевластия в армии, когда командиры красной армии должны были согласовывать свои приказы с комиссарами, и восстановление служения в храмах русской православной церкви. В этом смысле, современная официальная политическая позиция российской власти, придающая исключительную значимость победе во второй мировой войне, являющаяся в нашем понимании, отправной точкой становления новой модели мировой цивилизации, должна быть, безусловно, оценена как правильная. То, что исключительная значимость этой победы была восстановлена после произвола и политического хаоса псевдодемократии перестроечной орды, аналогичной по своей деятельности — орде большевистской, когда священная собственность лигаристического союза была разграблена шевелением племенных кланов, культивирующих идеи «цивилизованного рынка», мы также относим к разновидности безумия, подобного большевистскому нашествию, которое характеризует варварское сознание человека Темных Веков. Впрочем, для варварского сознания, наоборот, мифология ценностей «цивилизованного рынка» является признаком «цивилизации», поскольку варварское сознание лишено причастности к историческому разуму.

То, что, безусловно, очень сильно сдерживает формирование самостоятельной основы цивилизации в современной России, так это постоянное подражание западноевропейской модели развития, которое, вообще говоря, оправдывалось с позиции объективного исторического разума, когда эта цивилизация действительно существовала

в западноевропейском мире. Однако в наше время историческая ситуация кардинально изменилась. Для нас очевидно, что рациональные коммуникации западноевропейской цивилизации сейчас практически исчезли. Впрочем, об этом стали заявлять уже и сами политические деятели Западной Европы, когда утрата здесь субъективного разума человеком объясняется почти полной утратой высшей психической энергии воли к власти. Сублимированных же влечений массовой культуры здесь не просто много, а чрезмерно много, когда любое проявление разумной воли вызывает раздражение и осуждение как «насилие» над разумной личностью, которой давно уже не существует в Западной Европе.

Влияние стереотипов мифологических представлений об исторической ситуации в современной России слишком одиозно. Например, с каким-то слабоумным отношением к пониманию эпохи европейского Средневековья, из «стана» псевдodemократии звучат слова о подобии современной политической ситуации в России — «Средневековью». Но проблема состоит в том, что эпоха европейского Средневековья является великой эпохой с точки зрения становления новой модели мировой цивилизации, в первую очередь, тем, что в ней были сломлены животные инстинкты варварской души, распространившейся на обломках Римской империи, доминирующие в течении всех Темных Веков. В современной же России мы не обнаруживаем именно этого главного признака присутствия процессов мировой цивилизации — сломленного животного инстинкта жизни, которое характеризует варварскую душу. С другой стороны, мы понимаем откуда «дует ветер» этой оценки подобного отношения к Средневековью, а именно из пренебрежительного отношения к ней эпохи Просвещения, целью которой было разрушение мифологических ценностей религиозного понимания

мира. Впрочем, подобное резко критическое отношение к предшествующей системе ценностей характеризует любую позицию новых политических сил мировой цивилизации, которым в будущем предстоит кардинально изменить политическую картину мира. Например, мы обнаруживаем эту ненависть ранних христиан к языческим богам, хотя в период раннего христианства эти боги уже не несли в себе разумную энергию воли к власти, а лишь энергию вырождения и глубокой деградации античного человека. Мы ведь тоже негативно оцениваем отождествление научно-технического прогресса с историей происхождения разума в мировой цивилизации.

Ту «политическую дискуссию», которую мы наблюдаем в современной политической жизни России, где один «стан», псевдолиберальный, «критикует» другой «стан», псевдопатриотический, больше напоминает нам какую-то склоку на уровне логики представлений об исторической реальности сознания детского сада, где ни та, ни другая сторона не имеет никакого отношения к элементарному разумному пониманию объективной исторической ситуации. Создается такое ощущение, что все эти люди провели свою жизнь, с позиции разума, не в мире цивилизации, а в детской песочнице различных мифологических представлений о реальности, где разного рода примитивные детские суждения звучат там, что должны звучать мысли государственных мужей. Однако Темные Века тем и характерны, что в них практически полностью ликвидировано полноценное существо человека, то есть предпосылка для развития в человеке рациональной психологии. С другой стороны, зачаточная конструкция лигаристического союза в опыте существования политической модели СССР указывает, что новая модель мировой цивилизации начала формироваться именно здесь, на обломках Российской им-

перии в среде этих исторических «теней» Темных Веков, в этой моральной клоаке, которая образовалась в результате почти полного исчезновения влияния разума на повседневную жизнь людей. Ведь мифы, которыми «кормят» массовое сознание разного рода шевелящиеся племенные кланы, доминирующие на обломках Российской империи, могут воспитать только неполноценного человека, чуждого высшим ценностям, на основе которых существуют разумные связи мировой цивилизации. То, что здесь каким-то образом имитируется присутствие «цивилизации» в представлениях о развитии производства, о каких-то новых научных технологиях, в первую очередь, конечно, в области вооружений, демонстрирует лишь то, что имеет место быть вера в научно-технический прогресс. Однако вера — это лишь признак культуры, но не цивилизации. Для присутствия цивилизации необходимы рациональные коммуникации между людьми, которые полностью отсутствуют в российской истории после 17-го года. Единственная попытка их создания в зачаточной конструкции лигарилистического союза исчезла вместе с развалом СССР. Проблема же состоит в том, что современные племенные кланы, оказавшиеся у власти в России, способны лишь подражать внешним процессам западноевропейской псевдоцивилизации, дегенерируя в хвосте исторического распада когда-то полноценного рационального проекта ее развития. Предложить какие-то новые идеи для развития российской государственности эта неразумная среда людей не в состоянии. Мы же, опираясь на субъективный разум, который выражается в воле к власти в системе высших ценностей цивилизации, этими идеями владеем. Понятно, что, в первую очередь, в России должны сформироваться политические силы, которые прервут это непрерывный процесс «гни-

ния» ее исторического существования, начиная с нашествия большевистской орды в 1917 году.

Одна из центральных проблем развития российской цивилизации, которая существует в наше историческое время в эпоху Темных Веков, состоит в том, что в ее опыте отсутствуют высшие ценности, то есть ценности, которые были произведены в результате активности рациональной психологии человека. До нашествия большевистской орды в 1917 году, тысячелетний опыт развития этой цивилизации можно, безусловно, назвать «русским», тогда как после этих зловещих событий следы русской власти теряются в эйфории новой веры в научно-технический прогресс. Но это историческое «русское», хотя и обладает определенной полноценностью человеческого существа в историческом прошлом, практически не имеет опыта существования рациональной психологии человека, что, собственно, и дало возможность доминировать здесь варварским политическим силам, начиная от 1917 года и вплоть до нашего времени.

Как объяснить неразумному человеку, что вера — это не разум? Фанатики новой веры реагируют на подобные мысли крайне негативно, обрушиваясь на старые символы веры с агрессивной ненавистью взбунтовавшего матриархального существа человека. Так было в конце существования Римской империи, где первые христиане проклинали языческих богов, и также было на развалинах Российской империи в период власти большевистских орд, где разрушались храмы и уничтожались священнослужители во имя ценностей «коллективного разума». Наше время в России характеризуется лишь тщетной попыткой, разложившихся под грузом награбленной собственности и животного благополучия, варваров псевдоцивилизации, утративших свою веру, но оказавшихся у власти, — оставить все, как

есть, то есть сохранить животную неподвижность гниения этого болота, тотально чуждого причастности высшим ценностям мировой цивилизации. Проблема состоит в том, что для того, чтобы понять, что научно-технический прогресс — это не сфера цивилизации в наше историческое время, а лишь сфера культуры, требуется указать на подлинную сущность объективного исторического разума в наше время, а она кроется в загадочной природе высшего бессознательного начала психики человека, связанного с его инстинктом смерти.

Поскольку в рациональной философии любая новая объективная позиция разумной мысли требует отталкиваться от предшествующей субъективной позиции рационального мышления, мы должны постоянно возвращаться к идеям философии Ницше. Так, мы вспоминаем известную идею об историческом будущем «по ту сторону от добра и зла». То, что моральные религиозные идеи в наше историческое время перестали полноценно «работать», исчезнув вместе с рациональными коммуникациями старой модели цивилизации, объясняется смещением границы метафизического мира из области сознания божественного происхождения — в сторону метафизической природы времени. Другими словами, происхождение современного феномена псевдоцивилизации, в которой разумный человек оказался за пределами политической жизни, не только в России, но и во всем мире, следует видеть в возникновении новой метафизической границы мира. Цивилизация же, требуя для своего развития полноценного риска по отношению к бессознательному инстинкту самосохранения человека, то есть достаточного усилия воли к власти, указывает на те политические силы будущего, у которых есть мужество для реализации ее принципиально новой модели. В этом смысле, нельзя легкомысленно недооценивать при-

роду происхождения мифа. Миф — это не наивная детская фантазия, как это полагает абстрактный рассудок, миф — это отработанная историческая система ценностей цивилизации. Если же оценивать ценности современной абстрактной научной мысли с точки зрения психологической функции, которую она выполняет в процессах современной псевдоцивилизации, то она в полной мере является новой мифологией жизни, которая «парализует» действие импульсов воли к власти, тем самым превращая человека в стадное массовое животное, у которого активны только сублимированные влечения. Такое действие оказывала религиозная мысль перед началом научно-технического прогресса, когда моральные истины библейского откровения стали перемещаться из сферы цивилизации — в область мифологических представлений. Поэтому идея Ницше о новом мире «по ту сторону добра зла», стала очевидной только в наше историческое время, когда мусор политических проектов современной псевдоцивилизации исключает в своей реальности существование разумного человека. И если бы этот человеческий «мусор» неразумного человеческого существа доминировал только в полуварварской России! Его влияние охватило весь мир, оставляя для жалкого присутствия в структурах псевдоцивилизации лишь место, где «...земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким.» (Ф. Ницше).

...

Кого пытается обмануть современная мифология политических ценностей в России, когда навязывает массовому сознанию разного рода мифологические фантазии об «олигархической власти», «экономической целесообразности», или сомнительные игры в «патриотизм»? Ведь в Темные Века всего этого не может существовать, поскольку в это время разумных людей ничего не связывает, и, как след-

ствие, отсутствует реальность даже самых зачаточных рациональных коммуникаций. Что толку, что одна иррациональная среда людей, причисляющих себя к научной элите, высокомерно смотрит на другую среду людей, религиозную, если и в той и в другой среде отсутствует разум? Вообще, как можно существовать в этой тотальной мифологии чисто материалистического взгляда на мир, где сознание разумного человека каждый день сталкивается с огромным количеством подобных суждений различных информационных агентств массовой культуры: «Медики советуют для продления жизни меньше думать и умеренно питаться» ...Такое впечатление, что полноценность человека, как разумного существа, практически полностью «испарилась» из иррациональных процессов современной массовой псевдоцивилизации.

Возвращаясь к одной из фундаментальных идей субъективного разума Ницше, что «Сверхчеловек это высший биологический тип, который относится к человеку, как тот относится к обезьяне», мы, фактически, обнаруживаем взаимосвязь с историческим прошлым на уровне субъективного рационального мышления, которое во многом подготовило для нас возможность для его объективного понимания. Так, если понять, что массовая культура должна соответствовать системе коммуникаций абстрактного рассудка в его детском высокомерии превосходства низших ценностей человека над обезьяной, не имеющей каких-то ценностей вообще, кроме животных влечений, то высшие ценности, которые произвел Homo sapiens, создав тем самым мировую цивилизацию, должны соответствовать сверхчеловеческому. Другими словами, в этой великой идее осознана пропасть: во-первых, между «человеческим» абстрактным рассудком — и непосредственным чувством, и, во-вторых, между сверхчеловеческим ощущением мета-

физического мира — и «человеческим» абстрактным рассудком. Какова же глубина этой пропасти? Между рассудком и непосредственным человеческим чувством современная мифология низших ценностей псевдоцивилизации демонстрирует эту пропасть каждый день в огромном количестве технических и научных достижений, усыпляя инфантильное сознание человека примитивными представлениями о мире. Мы же полагаем, что пропасть: между абстрактным рассудком и разумом значительно глубже, чем между рассудком и непосредственным чувственным восприятием, когда в XX веке ее масштабы только косвенно были обозначены открытием в человеческой душе природы бессознательного.

Размышляя над одним из центральных понятий теории психоанализа Фрейда, «инфантилизм», мы приходим к пониманию, что одним из критериев различия между разумным и абстрактно рассудочным пониманием мира является мера мужества человека, в первом случае, и отсутствием таковой, во втором. Собственно, исчезновение мужества человека, то есть причастность его каким-то высшим ценностям жизни, и создает систему коммуникаций массовой культуры, с ее основополагающей базой, массовым бессознательным, которое суть инфантильное состояние человеческой души. Собственно, историческую необходимость возникновения теории психоанализа следует видеть в историческом переходе религиозных истин, которые регулировали нравственную жизнь людей последнее тысячелетие, из сферы цивилизации — исключительно в область культуры. Это обусловлено исчезновением метафизической границы, которая происходила из идеи божественного возникновения мира и человека, когда, «отработанная» в исторических процессах цивилизации, эта великая идея перешла в область мифологических представлений. Впро-

чем, мы полагаем, что нападки Ницше на христианство являются ложными по той причине, что он обрушивается на христианские идеи в момент исторического перехода метафизического влияния религиозных идей на жизнь человека — в область мифологическую, тогда как подлинный расцвет религиозного восприятия, где действует в полной мере его метафизика воли к власти, следует относить к Средневековью. В этом смысле, историческую «корректировку» идей Ницше сделал еще Шпенглер в своей исторической концепции мировой истории, указав на рыцарские ордена как на зачаточную конструкцию формирования западноевропейской цивилизации.

...

Теория психоанализа Фрейда ставит один очень важный вопрос: почему катастрофически исчезает состояние мужества человека в наше историческое время, сменяясь инфантильным состоянием человеческой души? Мы ответ на этот вопрос знаем. Причины следует искать в исторической периодичности расовых катастроф, когда разумный человек практически полностью теряет контроль над политическими процессами вследствие разрушения метафизического пространства, в котором возникает и действует импульс воли к власти. В частности, это обусловлено и разрушением патриархального пространства, когда инстинкты матриархата начинают доминировать во всех сферах человеческой жизни, поскольку патриархальное — это не традиционное, как это утверждала ложная система представлений, начиная с эпохи Просвещения. Патриархальное — это такое пространство, где возникает и полноценно действует импульс воли к власти, то есть метафизическая граница, по отношению к которой существует субъективный разум человека. Традиционное же есть равновесие, или баланс, матриархальных и патриархальных ценностей, которые выра-

батываются в качестве компромисса между развитием культуры и развитием цивилизации. Можно также сказать, что культура есть то, что уже переработано цивилизацией в качестве «обжитого» и очеловеченного пространства, где уже не существует риска присутствия «человеческого» существа. Именно поэтому массовая культура инфантильна, что она не вырабатывает высшей психической энергии воли к власти, которая всегда указывает на острие новейших идей авангарда развития мировой цивилизации. Вместо этого, культура воздействует только на влечения человека, работая с его «кратковременной» памятью, то есть памятью, которая ограничивает сознание лишь мифологическими представлениями. В этом смысле, и наука, если она не относится к фундаментально-рациональному знанию новейших идей ее развития, выражает лишь систему поверхностных представлений абстрактных логических конструкций рассудка, которая сменила в наше время мифологию религиозных представлений в процессах имитации существования цивилизации.

...

То, что ощущает вокруг себя разумный человек в социально-политической системе массовой псевдоцивилизации, — это полный вакуум каких-то элементарных рациональных коммуникаций. Можно сказать, что субъективная идея Ницше: «пустыня растет» в наше историческое время трансформировалась в объективную реальность, что «пустыня — везде». Конечно, этот дикий «лес» псевдоцивилизации зловещих Темных Веков «шумит» слабоумной болтовней массовых коммуникаций, однако он вызывает ощущение лишь какого-то тухлого «болота», в котором ограниченный ум обывателя видит скудные островки сомнительной «твердой земли», где комфорт жизни и многообразии материальных благ воспринимает как блага «циви-

лизации». Но все это лишь «мираж» ложных представлений о сущности цивилизации, поскольку цивилизация — это не устроенный «человеческий» быт и материальные блага, как это пытается внушить массовому сознанию неразумная система ценностей экономической целесообразности жизни человека, а бесконечный метафизический риск чего-то сверхчеловеческого в познании наиболее опасных метафизических рубежей разума. В противном случае, то есть в случае исчезновения этой опасности, внутренние рациональные коммуникации мировой цивилизации начинают катастрофически разрушаться. Кардинальное отличие процессов функционирования цивилизации от псевдоцивилизации выражается в том, что в последней, уже практически ничего не связывает разумных людей, то есть исчезает главный признак цивилизации, — производство высших ценностей как реальность существования воли к власти сверхчеловеческого ощущения метафизического пространства. Ведь высшие ценности — это не ценности культуры, которые существуют в любом случае: окружает ли человека цивилизация или псевдоцивилизация, высшие ценности — это метафизическое пространства воли к власти, которое указывает на суровый исторический путь разума.

...

Становится невыносимо тошно, когда современные псевдолиберальные болтуны, не обладающие разумом, критикуют в России состояние российской государственности как «средневековое». Если бы в России в наше время существовала система ценностей Средневековья, то все видели бы какое-то будущее у страны, а не этот тотальный мрак, где шевеление различных племенных кланов, оставшихся от развала КПСС и усиленных новыми племенными кланами перестроечной орды, имитирует какую-то «социальность» и «государственность», где главным критерием

присутствия в политической клоаке современной России является: либо глубокое слабоумие, либо лицемерная хитрость с целью реализация своих меркантильных интересов. Если бы в России в наше историческое время существовало Средневековье, то мы бы видели людей, которые причастны историческому разуму, а не эти исторические тени, которые «шныряют» в вакууме отсутствующего разума только для того, чтобы создать иллюзию каких-то происходящих исторических событий. Но главное, конечно, выразалось бы в том, что система функционирования средневековой исторической модели цивилизации указывала бы на какой-то ее самостоятельный проект, а не на это обезьяне подражание, которое мы наблюдаем в российской социально-политической реальности повсеместно. Но разумное отсутствует во мраке суетливых человеческих теней, единственным признаком реальности которых является агрессивная говорливость в производстве разнообразных социальных мифов на фоне катастрофического исчезновения населения России, которое вот уже второе столетие существует в историческом безвременье Темных Веков. При этом, мы не должны обманываться по поводу того, что военная составляющая российской системы государства является еще пока достаточно мощной, поскольку в Темные, да и в Средние века, все человеческие ресурсы воли направлены, в первую очередь, на совершенствование военных технологий.

Оглядываясь в историческое прошлое российской государственности, мы находим единственную политическую конструкцию, которая может стать основой будущего ее развития, — систему лигаристического союза, которая имеет свои зачаточные политические конструкции в политической модели СССР. В этом смысле, мы ни в коем случае не предполагаем возврата к коммунистической идеологии, которую с позиции объективного исторического разума, оце-

ниваем, как одну из влиятельных мировых сект со специфической верой в «коллективный разум». Таких влиятельных политических сект существует немало в момент перехода от одной модели мировой цивилизации — к другой. Другое дело, что политическое влияние этой секты очень дорого стоило российской государственности и русской нации. Первое, было ею уничтожено, а вторая стала предметом систематического и планомерного геноцида, поскольку все элементарно-полноценное в человеке никак не вписывалось в эйфорию суетливой активности веры адептов этой секты на развалинах Российской империи. Понятно также, что, в основном, современная российская власть есть также продукт этой секты, что, собственно, слишком заметно в наше историческое время по отсутствию каких-то политических шагов, в которых бы можно было видеть наличие разумной индивидуальности человека.

Основное чувство, которое постоянно преследует разумного человека в этой человеческой среде Темных Веков, — это первобытный ужас, когда тебя окружают люди, практически полностью чуждые разуму. Что толку, что есть социальная среда, которая состоит из адептов новой веры в научно-технический прогресс? Она еще более убога, чем адептов старой веры, поскольку эти человеческие души, с одной стороны, чужды разумному духу мировой цивилизации, а с другой — исторической судьбе своей нации. Внутри этой среды, к ее пошлости и ограниченности еще и примешано то отвратительное чувство превосходства абстрактного рассудка над непосредственным человеческим чувством, которое, вероятно, питали и первые христиане по отношению к язычникам на основании своей новой веры. Но в этой среде представителей новой веры в научно-технический прогресс мы видим в основном на человеческих лицах в России: либо печать дикости, либо печать глубоко-

го вырождения, что является прямым следствием отсутствия причастности природы человека в России высшим законам развития мировой цивилизации, то есть, фактически, разумной жизни. Вера абстрактного рассудка в экономическую основу современной цивилизации породила здесь среду, по существу, безразлично относящихся как к российскому историческому прошлому, так и к ее современному историческому настоящему. Эти люди после разгрома зачаточной лигаристической структуры, возникшей здесь после второй мировой войны, которая была построена фронтовиками, присвоили себе собственность зачаточной конструкции лигаристического союза в результате разгула перестроечной орды, то есть группы людей, в которых отсутствует разумная индивидуальность человека. Понятно, что массовому сознанию, как и после доминирования большевистской орды, были внушены очередные мифы о происходящих «исторических событиях», когда разграбление священной собственности было названо «цивилизованным процессом приватизации», хотя, по существу, творилось откровенное варварство. Такие события, очевидны, возможны только в стране, где существуют нулевые рациональные коммуникации между людьми, а сознанием человека полностью владеет мифология представлений об исторической реальности.

Мы видим, что после второй мировой войны, которую принято называть в современной России «великой отечественной войной», люди, которые пережили соприкосновение с метафизикой исторического пути развития мировой цивилизации в сражениях на поле битвы, смогли заложить здесь зачаточные конструкции лигаристического союза в его основных признаках существования: священной коллективной собственности, военизированном образе жизни человека, патриотизме, ориентации на героическое начало

человеческой жизни, в которой самопожертвование во имя высшего блага ставится выше животного инстинкта самосохранения. Причины, в силу которых эта политическая конструкция рухнула вместе с государственной структурой СССР в 1991 году, следует видеть в неизбежности провала всех первых попыток создания принципиально новой политической модели мировой цивилизации на обломках чего-то старого. Но главное, конечно, состоит в том, что политическое существование лигаристического союза не может опираться на низшие ценности, которые культивировались в коммунистической идеологии. Не может в силу того, что исторические пути мировой цивилизации пролегают только там, где существует возможность производства высших ценностей, то есть возможность хотя бы минимального объединения разумных людей на основе каких-то немассовых коммуникаций. Именно поэтому коммунистическая идеология в СССР практически везде строилась на понятии «культура», а не на понятии «цивилизация», что цивилизации в каком-то разумном проявлении коммуникаций между людьми здесь не существовало. То, что она существовала здесь в сознании адептов новой веры в научно-технический прогресс, является равносильным вере первых христиан в единого бога в Темные Века начала становления западноевропейской модели цивилизации. Вера не участвует в формировании модели цивилизация, а образует лишь ту или иную культуру, то есть отношение сознания к чему-то уже пройденному и безопасному с точки зрения метафизического риска человека в познания бытия, поэтому когда историческая эйфория матриархальной веры заканчивается, а заканчивается она через два-три поколения, начинается деградация всего полноценного в человеке, доказывающая, что для существования цивилизации необходимы усилия методической воли к власти как мета-

физики сознания присутствия чего-то сверхчеловеческого в «человеческой» жизни.

...

Если исключить устаревшее понимания разума, заявленное Декартом в его известной идее о тождестве «я» и мышления, опирающего на авторитет научного знания, то остается необходимость изучения природы бессознательного, где и происходит «расщепление» сознания: на высшие и низшие ценности. Объективно, можно полагать, что бессознательное есть время, где метафизика времени отображает разумные процессы развития мировой цивилизации, обусловленные импульсами воли к власти, а механика времени — иррациональные процессы современной псевдоцивилизации. Таким образом, необходимо полагать, что и учение Фрейда, и философия Ницше — истинны, но с различных полюсов ценностей: низших и высших. Так, если мы будем рассматривать психологическое состояние человека в современной социально-политической системе массовой псевдоцивилизации, то должны будем использовать для его понимания идеи Фрейда, а если будем осмысливать положение в ней разумного человека в исторической ситуации Темных Веков нашего времени, то необходимо окажемся под влиянием идей субъективного разума Ницше. Ведь не случайно, исторический интервал между появлениями этих двух учений и их место — Германия, почти совпадают. С другой стороны, мы видим, что неразумный человек довольно уверенно чувствует себя в современных процессах псевдоцивилизации, если учесть, как интенсивно разрослась сеть психоаналитиков по всему неразумному миру, тогда как следы разумного человека не обнаруживаются в массовом социуме.

Если определить исторический момент окончания функционирования процессов мировой цивилизации

западноевропейской модели развития, то его следует искать после окончания второй мировой войны. Так, после разгрома фашистской Германии, начинаются процессы псевдоцивилизации, когда историческая перспектива развития западноевропейского цивилизационного процесса прервалась. Вообще, необходимо, в первую очередь, понимать, что мировая история развивается не прямолинейно, как это представлялось в монотеистической вере, или представлениях веры в высшую ценность научно-технического прогресса, а топологически-циклично, то есть протекает во фрактальной системе координат. Особенность течения времени во фрактальной исторической системе координат состоит в том, что метафизическое начало онтологического потока времени не представляемо в принципе для абстрактного человеческого рассудка. И если в монотеистической вере начало мира — это представление о его сотворении богом, а в вере в научно-технический прогресс — это начало есть представление о возникновении материи Вселенной, то во фрактальной системе координат: и мир, и человек периодически возникают и исчезают в очередной топологической «волне» метафизического онтологического потока времени, то есть все представления, которыми живет человек, отправляются на обочину цивилизации в область мифологических представлений культуры. Понятно, что речь не идет о природных исторических циклах, к которым пытался, например, свести эти процессы Шпенглер в своей абстрактно рассудочной концепции мировой истории, а об особом, высшем состоянии человеческой психики, которое создаёт ощущение исторического времени. Мы утверждаем, что эти высшие слои человеческой психики взаимосвязаны с подсознательным инстинктом смерти человека, то есть теми слоями, которые практически не задействованы в его биологическом инстинкте самосохране-

ния. Эти слои мы называем «расовым бессознательным» Homo sapiens. Именно эти слои и формируют то, что следует полагать «сверхчеловеческим» — в человеке, когда человек способен производить высшие ценности.

Когда мы рассуждаем о взаимосвязи внутренних процессов мировой цивилизации и отдельных личностях, производителях высших ценностей, в силу активности новых идей которых мировая цивилизация существует и развивается, мы должны постоянно помнить о той пропасти, «бездне», которая имеет место быть между разумом и абстрактным рассудком, заявленной в известной идее Ницше. И если пропасть интеллектуального разрыва между человеком и обезьяной, в принципе, может быть измерена в системе научного знания, то граница между материальным и метафизическим миром неизмерима для конечных представлений рассудка, поскольку ускользает как горизонт онтологического потока времени, производящего мир и человека. В этом смысле, становятся понятны нападки Ницше на религиозные ценности христианства, — ведь он выражал новейшие позиции субъективного разума, а субъективность не терпит иной субъективности кроме самой себя. И действительно, моральность позиции разума принципиально иная, чем моральность позиции абстрактного рассудка. Первая, исходит из потребностей мировой цивилизации, а вторая — из потребностей культуры. С объективной позиции исторического разума, какого-то принципиального конфликта между системой ценностей веры в единого бога и ценностями научно-технического прогресса не существует. Другое дело, что эти два вида веры: архаичной и новейшей, являются проявлением лишь человеческой культуры, а не цивилизации, то есть существуют на обочине ее принципиально новых идей развития. То, что массовому сознанию внушается прямо противоположное,

то есть ощущение, что полностью обжитый «человеческий» мир и есть «цивилизация», говорит лишь о враждебности массового общества разумному существованию человека, когда ложь стала «нормой» в этой зловещей эпохе исторического безвременья.

То, что предлагает Ницше в сфере новейших идей исторического разума, если отбросить эмоциональность его субъективной позиции, так это начинать конструировать новую модель мировой цивилизации в практически пустыне между разумными людьми, то есть начинать с пустого места, которое получило в его философии название учения «нигилизм». Понятно, что негативное отношение к философии Ницше со стороны представителей новой веры в научно-технический прогресс вызвано неприятным утверждением, что вера, пусть она даже является чем-то новым в истории, не есть проявление разума, даже когда эта вера и имеет мощнейшую опору на абстрактные возможности представлений рассудка и на стремительно растущую научно-технологическую базу, полностью подчинившую себе непосредственный быт человека. В этом смысле, Кант, разрабатывавший позиции взаимосвязи научного мышления и человеческого рассудка, все-таки доказывал существование метафизического мира от противного, не отрицая его существования, а потому мыслил разумно. Но современные представители веры в научно-технический прогресс отрицают именно возможность существования метафизического мира, поскольку их примитивная среда в этом случае оказывается чем-то случайным и крайне неприметным для системы высших ценностей существования мировой цивилизации, ибо верит лишь в материальное существование мира. И если Ницше отрицал существование метафизического мира, который был связан с традиционной системой представлений рели-

гиозного восприятия, поскольку этот мир полностью переместился из сферы влияния на процессы цивилизации — в область существования культуры, то само это отрицание стоило ему дорого для его психического здоровья, поскольку новые импульсы метафизического мира оказались слишком разрушительны для традиционной системы представлений «человеческого» рассудка, в которой он был воспитан с детства..

...

То, чем загипнотизировано массовое сознание со стороны веры в научно-технический прогресс, так это поражающими воображение примитивного человека достижениями научно-технического прогресса в последний век. И действительно, разрыв между технологическими возможностями в историческом прошлом мировой цивилизации и современными возможностями техники, которую создает человек, огромны. Однако встает принципиальный вопрос, с точки зрения объективного исторического разума: а что будет дальше? Ведь какого-то разумного проекта дальнейшего развития мировой цивилизации в наше историческое время не существует, что, собственно, и является основной причиной полагать, что мы существуем в историческое безвременье псевдоцивилизации. Все массовые коммуникации этой псевдоцивилизации социально устойчивы только за счет того, что в мифологии массовых ценностей сознанию человека внушается, что он «должен выживать» и, по возможности, жить «комфортно». Это главная базовая характеристика человека, которая полагает его частью биологического мира, но только стоящего на вершине его развития. Однако такого рода представления ограничены лишь двумя низшими познавательными возможностями человека: абстрактным рассудком и непосредственным чувственным восприятием, в пределах которых и действует миф о

происхождении человека от примата. Но разум существует только там, или по отношению к тому, где присутствует либо метафизический мир, либо граница метафизического мира. Материальный мир, в принципе, для своего понимания не требует каких-то новых идей рациональной философии, поскольку его существование вполне описывается аналитическими возможностями «человеческого» абстрактного мышления, причем научного абстрактного мышления в наибольшей степени. Собственно, по этой причине и исчезла рациональная философия в наше историческое время, что попытки привлекать ее возможности к обслуживанию научных идей не могут привести к чему-то разумному. Ведь, как известно из опыта мировой истории, наоборот, именно великие научные идеи возникают из новых философских идей. Мы, вообще, полагаем, что цивилизация существует только там, где присутствует подлинная философская мысль, то есть ориентация сознания человека на высшие ценности. Культура же способна существовать везде, даже в варварских ордах. Например, большевистская орда на развалинах государства Российского создала свою мифологию ценностей пролетарской культуры, где низшие ценности стали такими же идолами, как и скульптурные образы главного большевистского вождя, которые нельзя назвать «скульптурой», с позиции разума, но тем не менее которые до сих пор присутствуют своими первобытными истуканами во всех городах России.

Катастрофическая ситуация, с точки зрения существования рациональных коммуникаций, в современной России состоит в том, что психология людей в российской политической власти воспроизводит психологию большевистских вождей в том смысле, что они продукты того массового общества, которое сложилось здесь после разгрома Российской империи на ее руинах. Понятно, что на

мифологическом уровне можно внушить массовому сознанию, что мы живем во времена «восстановления» России, однако культура и мифология не являются базой государственного устройства. Базой государственного устройства является разум, то есть причастность каким-то рациональным коммуникациям между людьми. Эта одна из великих идей Платона, которую он, как известно, сам пытался реализовать в реальности в качестве построения идеального государства. Именно с позиции объективного исторического разума, мы должны понимать, что в среде шевелящихся племенных кланов, которые образуют социально-политическую активность современной России, разум присутствовать не может. Необходима политическая структура, которая бы объединила в себе разумных людей.

...

Одной из основных особенностей современной веры в научно-технический прогресс, доминирующей в современной псевдоцивилизации, является постулат о том, что мир может иметь только материальное проявление. Такие фундаментальные понятия философии как: «дух», «душа», «метафизика» и другие отнесены либо к области религиозных представлений, либо к наивному представлению о мире философов, которые жили до начала мощного рывка достижений научно-технического прогресса. Но новейшая позиция объективного исторического разума требует полагать, что представление о единственности материального мира является мифом, который «спасает» человека от соприкосновения с пониманием более сложной сущностью мира, в которой метафизическая действительность времени отображает материальный мир только в самой примитивной схеме представлений, где прослеживается процесс биологической эволюции человека от примата. Пусть так представляет свое происхождение человек неразумный, это его

право. Однако мы не можем предоставить этому Quasi Homo право рассуждать от имени цивилизации, поскольку его существо не обладает разумом. Мы утверждаем, что разумный человек потерял контроль за политическими событиями в мировой цивилизации, начиная с событий второй мировой войны. И дело здесь не только в различных исторических артефактах, которые дают возможность предполагать, что человеческая цивилизация существовала задолго до того момента, о котором повествует миф о биологическом происхождении Homo sapiens, и которые замалчиваются или скрываются, чтобы не дать возможность появиться альтернативному пониманию возникновения мировой цивилизации. Дело в том, что в том виде, в котором существует современная социально-политическая конструкция псевдоцивилизации, с ее инструментом по уничтожению разума, массовым обществом, долго не протянет. Она неизбежно рухнет, поскольку препятствует развитию процессов цивилизации, критерием которых является доминирование в них разумного человека.

Вообще, размышляя над началом становления новой модели мировой цивилизации, которая формируется на развалинах Российской империи, мы полагаем, что ее духовная предпосылка возникла на полях сражений во второй мировой войне, которую действительно можно называть «отечественной» по той причине, что в ней только один раз на протяжении всего существования советской власти «вспыхнул» огонь расового бессознательного в душах людей в качестве полноценной памяти исторического прошлого. И если эту память большевистские вожди пытались стереть любой ценой до начала войны, то после ее начала, наоборот, попытались как-то о ней напомнить, чтобы спасти свою жизнь, поскольку знали, что их ожидает в случае поражения в войне.

...

Возвращаясь к осмыслению центральной идеи Ницше о масштабах пропасти между разумом и абстрактным рассудком, мы должны, в первую очередь, понять, что «сверхчеловеческое» — это присутствие сознания человека в историческом времени, где время и есть та метафизическая субстанция, которая выражает приговор всем иррациональным процессам современной псевдоцивилизации. Метафизика времени, вообще, оставляет место только для того, что не содержит в себе биологического приоритета в движениях человеческой души, увлекая бессознательные процессы психики под контроль подсознательного инстинкта смерти, где зарождаются и развиваются духовные импульсы человеческой души. Здесь мы сталкиваемся с известной идеей Ницше «Живое есть лишь вид мертвого и притом весьма редкий», в которой показывается, как работает подсознательный инстинкт смерти на уровне субъективного разума. В этом смысле, критика Ницше христианской религии является несостоятельной с позиции объективного разума, хотя субъективно вполне объясняется откровением новой оценки исторического духа с позиции высших ценностей. Так, влияние монотеистической религии на все события мировой цивилизации, объясняется именно с точки зрения приоритета подсознательного инстинкта смерти как производителя импульсов воли к власти. Это пространство воли к власти, где духовная составляющая является преобладающей, пронизывает все события европейской истории, начиная от Средневековья и заканчивая второй мировой войной. Но после второй мировой войны энергия воли к власти исчезает в политической конструкции западноевропейской цивилизации, поскольку США, в политическом смысле, уже не содержит в себе разумного пространства, а лишь, как

в свое историческое время Византийская империя, характеризует буферную политическую модель в системе псевдоцивилизации. Особенностью этой буферной политической модели является то, что, будучи ориентированной на новую веру: в Византийской империи — на христианскую веру, в США — на веру в разум, эта буферная политическая система, построенная на примитивных шоу для массового сознания, не имеет будущего, поскольку власть этой политической системы держится только за счет окружающих ее различных «групп» политических систем, где движение к новой модели мировой цивилизации сдерживает огромный груз ценностей старой культуры.

Мы видим, что множество энергичных «опарышей» современной западноевропейской политической модели массового общества, уничтожающих жалкие осколки собственной цивилизации в имитациях экономической «целесообразности» ее функционирования, ничего не могут предложить разумного в качестве будущего проекта развития мировой цивилизации. Эта политическая позиция низших ценностей псевдоцивилизации вписывается в формулу Ницше, что человек относится к обезьяне, как технологические возможности научно-технического прогресса относятся к окружающей человека природе. Но по отношению к метафизической природе расы *Homo sapiens*, существующей в авангарде сверхчеловеческой воли к власти, мы обнаруживаем метафизическую бездну между разумным пониманием мира и ограниченными возможностями абстрактного рассудка. Таким образом, расовое существо человека противостоит его массовому существу как объективный исторический разум противостоит ограниченности абстрактных рассудочных представлений о мире. Мы полагаем, что на уровне бессознательного, инстинкт смерти человека связан с действием его индивидуального разума, ко-

торый противостоит его животному инстинкту самосохранения.

Одним из фундаментальных ошибочных представлений, навязываемых в общем русле мифологических представлений о реальности в массовом сознании, является представление, что наука — это единственный «инструмент» познания разума. Вообще, попытка полностью уничтожить метафизический мир, которую предприняла эпоха Просвещения, в конечном счете, завершилась прощальным аккордом «смерти Бога», то есть катастрофическим обрушением всего пространства метафизического мира, существовавшего как основание производства и потребления высших ценностей европейской цивилизации. Очевидно, что речь идет о реальности метафизического мира, где существует представление о его божественном происхождении. Но в области культуры, то есть в сфере религиозного сознания, в отличие от процессов мировой цивилизации, традиционные представления о метафизическом не исчезают. В этом смысле, например, и современная астрология тоже демонстрирует представления о прошлом мировой цивилизации, которое было не мифом, а передовым знанием «науки» несколько тысячелетий назад. Таким образом, культура «собирает» в себе все знания мировой цивилизации, постепенно превращая их в мифологическую «пыль». Единственное, что не стирается в эту «пыль» тысячелетий — это в наименьшей степени мифологическое в культуре — научная мысль. Однако если проанализировать историю науки, то можно заметить, что научная логика обладает последовательностью своего схематичного развития за счет максимального стремления к сохранению традиционных представлений своей исторической эпохи о мире. Так, например, известная теорема Пифагора для прямоугольного треугольного справедлива только в евклидовом про-

странстве, поскольку в неевклидовом пространстве действует другая геометрическая система представлений. В этой иной системе геометрических представлений она становится ложной, хотя была справедливо две тысячи лет, поскольку никто не подвергал сомнению единственность аксиом Евклида, которая действовала в традиционном научном представлении. В этом смысле, глобальное изменение представлений исторической эпохи влечет за собой и кардинальное изменение научных представлений. Поэтому, например, и религиозные представления верующим кажутся не мифологическими, что идея о существовании творца, которую, собственно, можно и постулировать, как это сделал Кант, вполне работает, если игнорировать тот факт, что научно-технический прогресс глобально изменил повседневную жизнь современного человека, полностью определяя его быт во всех мелочах. Это равносильно тому, что в начале становления христианской веры «цепляться» за языческие верования, от которых веет тем теплом обжитого за тысячелетия мира, который полностью отсутствовал в наступающей суровости целомудренного мира новой монотеистической веры.

То принципиальное, что вкладывал Ницше в понятие «сверхчеловек», в первую очередь, должно нас интересовать в качестве утверждения о том, что сверхчеловек — это новый тип «монашества», конечно, в принципиально другом смысле, чем это имело место в известной религиозной традиции. И здесь возникает вопрос: как может существовать этот новый тип «монашества» в массовой среде современной псевдоцивилизации, где отсутствует необходимая тишина, покой и отшельничество для восприятия метафизического мира? Именно здесь мы должны понимать, что для этого должно быть выработано кардинально новое психологическое состояние человека, чтобы, находясь в этой

враждебной для разума системе коммуникаций массового общества, где все направлено на уничтожение высших психических импульсов души, сохранять душевное целомудрие. И здесь необходимо, в частности, вспомнить образ Зигфрида в известной опере Вагнера, где образ героя демонстрирует состояние человеческой души, которая невинна. Ведь чувство вины — это человек, который осознает свою «человеческую» индивидуальность в сравнении с животным. Сверхчеловек же — это не возвращение человека к языческой вере, как это ложно понимают многие, пытаясь упростить бесконечно сложное новое откровение метафизического мира, а погружение в художественное созерцание новейшей онтологической сущности вещей, где время течет как отображение тензоров высшей психики человека, производящих импульсы воли к власти как необходимую основу существования рациональных коммуникаций мировой цивилизации. В этом импульсе концентрируется логика сверхчеловеческого, тогда как «человеческая» логика, в частности, ее наивысшее проявление — научная логика, остаются во власти представлений культуры. Но логика сверхчеловеческого не может быть чисто научной, поскольку импульс воли к власти формируется в подсознательном инстинкте смерти человека, где его сознание соприкасается с его индивидуальным духовным миром, который не может определяться абстрактной научной схемой представления. Логика сверхчеловеческого необходимо строится как логика архитектоники метафизического пространства, в которой только художественное созерцание не разрушается под воздействием энергии подсознательного инстинкта смерти, но даже, наоборот, усиливается этой энергией. Впрочем, существует одна современная математическая структура, в реальности которой соприкасается мир физический и метафизический — это фрактал. То, что существование фрак-

тала было открыто относительно недавно в современной науке, следует относить к попытке обживания нового мира, который, собственно, открылся как хаос многочисленного мусора человеческих представлений по отношению к разумному пониманию мира.

...

Когда мы размышляем о судьбе научно-технического прогресса, то должны понимать, что вера в него есть будущее, но только на уровне существования уже обжитых представлений культуры, а не авангардных позиций цивилизации. Так, например, в момент перехода: от языческой веры — к христианской, было очевидно, что строительство храмов и функционирование аппарата церкви — это необходимое существование цивилизации на ближайшие века на уровне культуры того времени. Цивилизация же требовала риска, то есть метафизического существования чего-то сверхчеловеческого, что указывало бы на производство высших ценностей в среде этих полудиких масс людей Темных Веков. В результате, стали формироваться лигаристические союзы в политической модели рыцарских орденов, где доверие между людьми в качестве чего-то при-сущего каждой разумной индивидуальности, строилось исключительно на разрушительной энергии воли к власти, поскольку переживание этих крайне разрушительных для «человеческого» существа импульсов требует какой-то замкнутой политической системы, в которую бы не проникали варварство и дикость племенной среды, возникающей на обломках цивилизации.

Особенность любой веры состоит в том, что она полагает себя исключительной по отношению к прошлому. И когда нам говорят, что научное сомнение исключает веру, то следует все-таки понимать, что она исключает веру как что-то религиозное, но не веру в свои научные представле-

ния о мире и, в первую очередь, в постулат, что существует единственность материального мира. Например, если метафизика Декарта сводит мир, в отсутствие достаточно разработанной научной логики в его историческое время, к существованию метафизики существования бога, то современная наука — все сводит к существованию материи, и, как следствие, к постулату о происхождении человека от животного. Поэтому, конечно, между великими идеями философского авангарда мысли Декарта своего исторического времени и отсутствием разумных идей современной науки нашего исторического времени — бесконечная пропасть, которая характеризует пропасть ценностей между разумом и абстрактным рассудком. Собственно, и среда ученых нашего исторического времени исключает присутствие в ней разумных людей, поскольку примитивный прагматизм гонки за новыми технологиями требует не глубины научной истины, а разработок, которые нужны исключительно в непосредственном быту человека. Так, новые разумные идеи жизни — это и есть авангардные пути развития мировой цивилизации, которые чаще всего кажутся для современников чем-то совершенно непонятным и чуждым традиционным представлениям своей исторической эпохи. При этом, мы должны понимать, что исторический процесс появления новых глубоких идей в любой области познания получает свои начальные импульсы не из подсознательного инстинкта самосохранения человека, поскольку в этом случае его сознание заполнено исключительно ценностями культуры, а из подсознательного инстинкта смерти. Здесь нет необходимости возвращаться к представлению, что духовное — это исключительное нечто «божественное». Духовное, в нашем понимании, есть процесс полного погружения сознания в онтологический поток времени, который отображает в бессознательных слоях психики человека

глубинную взаимосвязь с высшими историческими ценностями. Понятно, что непосредственно живое «человеческое» чувство здесь только мешает этому метафизическому контакту с бессознательными воспоминаниями, а потому оно полностью блокируется подсознательным инстинктом смерти, оставляя место лишь для ощущения сверхчеловеческого.

...

То, что мы наблюдаем в системе коммуникаций массового общества, так это разрушительный шквал болтовни неразумного человека. Понятно, что эта система иррациональных коммуникаций, где существование разума практически уничтожено, не может выражать иного исторического времени как эпохи Темных Веков. И если искусственный свет научного рассудка, опирающегося на технический прогресс, еще кое-как освещает осколки рухнувшей системы рациональных коммуникаций западноевропейской цивилизации, который представляется массовому сознанию «разумом», то в России, после разрушения ее большевистской ордой, Темные Века делятся уже в полной мере более столетия, начиная с 1917 года. Ведь если западноевропейский мир еще можно сравнить в функционировании его социально-политических процессов с политическими процессами Византийской империи в момент ее разложения, то «шевеление» племенных кланов в России после 17-го года должно быть отнесено однозначно только к политической модели Темных Веков. Тогда почему эта политическая модель, которую назвать «политической» можно только при условии полного отказа от разума, не была разрушена извне? Ведь, начиная с иностранной интервенции, которая началась после гибели Российской империи и заканчивая новейшим временем политических усилий, в первую очередь, США, разрушить российскую государственность ни-

кому не удалось? Причины мы должны искать не в какой-то «универсальности» современной политической модели России, которая не существует по отношению к разуму, а в том, что в момент формирования новой модели мировой цивилизации в варварский мир перемещается энергия расового бессознательного Homo sapiens, принимая историческую эстафету от старого мира. На этот феномен обратил внимание еще Гегель, дав ему название «движение абсолютной идеи» в мировой истории. В новейшем понимании позиций объективного идеализма разумного мира речь идет о феномене метафизического перемещения расового опыта бессознательного Homo sapiens с одной географической территории с максимальной концентрацией в душе человека подсознательного инстинкта смерти, вырабатывающего импульсы воли к власти в качестве сверхчеловеческого ощущения мира, на другую географическую территорию. Но главное, конечно, состоит в том, что любая разрушенная структура цивилизации продолжает влиять на варварские племена, даже после собственной гибели, через расовое подсознание. Так было на развалинах Римской империи в среде германских племен и, аналогичным образом, происходило и происходит на развалинах Российской империи в новых племенах советского и постсоветского человека.

...

Если бы будем искать начало становления новой модели мировой цивилизации на территории бывшей Российской империи, политический принцип государственности которой мы все-таки относим к опыту существования мировой цивилизации, в отличие от опыта существования политической модели СССР вплоть до нашего исторического времени, то мы должны обратить внимание на исторический период, начиная от второй мировой войны — до момента ухода из жизни последних фронтовиков этой войны. Соб-

ственно, момент ухода из жизни поколения фронтовиков совпадает с моментом развала СССР и активизацией новой орды на территории бывшей Российской империи, «перестроечной». Поскольку мы относимся к коммунистическому учению как к феномену крупнейшей секты новейшего исторического времени, которые всегда появляются в момент перехода от одной модели мировой цивилизации — к другой, то нас само это «учение» интересует мало, ибо оно относится к разумному пониманию процессов мировой истории по самому минимуму. Да, в каком-то минимальном смысле, а именно на уровне развития научно-технического прогресса, в ней присутствует что-то «разумное», поскольку вера в разум здесь отображает все-таки попытки найти хотя бы материальное подтверждение существования исторического разума в смене более прогрессивных производительных сил мировой истории. Но проблема состоит в том, что подтверждение разумности мира на уровне представлений, есть предмет ценностей культуры, а не ценностей цивилизации. Это особенно красноречиво подтверждается кардинальными изменениями этих представлений после развала СССР, когда вчерашние племенные вожди из кланов КПСС неожиданно стали «верующими православными». Понятно, что подобные метаморфозы доказывают, что представления не могут быть основой функционирования мировой цивилизации, а только базой функционирования культуры. Причем, с объективно разумной точки зрения, безразлично, какие это представления: ориентированные на веру в бога или веру в научно-технический прогресс. Верующий человек существует в мире мифов, то есть веры, что именно его представления исключительно «истинны» по отношению к другим представлениям. В этом смысле, научные представления и религиозные представления равносильны, то есть мало влияют на судь-

бу цивилизации. Например, с объективно разумной исторической точки зрения, строительство христианских храмов в Западной Европе в Темные Века и эйфория веры в научно-технический прогресс в момент доминирования большевистских орд на территории разгромленной Российской империи характеризует отсутствие признаков мировой цивилизации, но зато демонстрирует довольно энергичную активность человеческих масс, существующих за пределами рациональных коммуникаций. Понятно, что вера в научно-технический прогресс более «прогрессивна», чем вера в единого бога, однако научно-технический прогресс не определяет внутренние процессы мировой цивилизации, он определяет лишь внутренние процессы мировой культуры. Современное культовое отношение к исключительности научно-технического прогресса в мировой истории как основы развития мировой цивилизации необходимо понимать, как забвение разума в человеческой жизни, где его функции практически полностью присвоил абстрактный рассудок. Научно-технический прогресс доказывает лишь одно, что человек способен «выживать» в природе наиболее максимально по отношению к остальному животному миру. Но инстинкт выживания, который характеризует подсознательную инстинктивность человека как животного существа, есть подсознательное состояние человеческой души диаметрально противоположное тому, из которого вырабатываются элементы событий сверхчеловеческой воли к власти высших ценностей.

...

Одной из принципиальных теоретических научных «натяжек» психоаналитической теории является утверждение, что инстинкт смерти человека является «влечением». Любая научная теория стремится выйти за пределы своих противоречий, а потому часто предпринимает насилие над ра-

зумным смыслом, поскольку «человеческий» рассудок, вообще говоря, стремится выйти из-под власти разума не менее агрессивно, чем чувство сопротивляется содержанию здравого смысла рассудка. Мы утверждаем, что «человеческий» рассудок сопротивляется разуму в глубинах подсознания, когда отрицает существование чего-либо, если это невозможно представить. Например, самым значительным примером такого противостояния разума и рассудка была идея о существовании бога, когда — то, что нельзя было представить, то есть высший метафизический мир, постепенно становился чем-то «человеческим» и, вообще говоря, «домашним». В этом смысле, в традиции монотеизма наиболее последовательным является все-таки Ветхий Завет, в котором существует запрет на изображение единого бога. И действительно, метафизический мир потому и является таковым, что его существование не сводится в восприятиях человека к чему-то материальному, а может существовать только как идея этого материального мира. То, что «бог умер», говорит на уровне субъективного разума лишь о полном исчерпании этого метафизического проекта, где объективность разумного мира описывалась идеей существования высшего существа. Делать же вывод, что инструмент познания — научный метод, является единственным инструментом проникновения в разумный мир, — это и есть мифология современных представлений псевдоцивилизации. Например, для познания бога в религиозном мире, как известно, преимущественно использовался «метод» экзальтации человеческой души, в котором она была способна поверить в «чудо», где именно факт «чуда» доказывал существование присутствия божественного мира. Собственно, этот метод «чуда» и сейчас является основным методом в среде религиозных людей, доказывающих в их сознании существование божественного начала мира. Весь

остальной мир, где «чудо» было минимальным, являлся в религиозном сознании «низшим» проявлением реальности. Аналогичным образом, и в научном мире, мысль, где не присутствует логическая схема абстрактного рассудка, объявляется «низшей» и сомнительной. Доходит до абсурда, когда современная религия вынуждена доказывать свои «чудеса» через «научные» аргументы, чтобы в этом безумии массового сознания по отношению к историческому разуму, найти свое политическое «место» в этом зловещем мраке новых Темных Веков.

...

В какой момент раскрылась топология нового метафизического пространства времени, где время стало тем началом, которое, исторически, заполняет сознание человека после «смерти бога»? Вероятно, условно, этот момент можно полагать с конца второй мировой войны, когда рухнули относительно устойчивые контуры буржуазной морали, и буржуазия, собственно, исчезла как политический класс в натиске того мирового «пролетариата», чья власть наступила в России уже с 1917 года. Причем, «пролетарий» — это не обязательно человек, влачащий нищенское существование, пролетарий — в современной системе псевдоцивилизации, является прежде всего таковым в душе. Так было в Темные Века две тысячи лет назад и так это происходит сейчас. С другой стороны, поскольку старая модель цивилизации умирает медленно, то в системе привычных представлений поверхностному рассудку кажется, что «все хорошо» в образе жизни «человека», однако это «хорошо», в действительности, является глубоким вырождением человека в процессе расовой катастрофы. Ведь то, что все в системе функционирования современной псевдоцивилизации не просто «очень плохо» с позиции полноценной человеческой психики, а именно — катастрофически «плохо»

по отношению к возможности существования в ней разумного человека в новейшее историческое время, мешает понять тотальное воздействие на массовое сознание именно новой мифологии веры в научно-технический прогресс. Ведь для абстрактного рассудка, опирающегося на веру в научно-технический прогресс, доступны лишь представления о локальных катастрофах: экономической, экологической и других, где речь идет только о чем-то материальном. То, что рухнул привычный метафизический мир, что было сформулировано в известной идее Ницше о «смерти бога», для мифологического рассудка, в котором существуют только материалистические чисто научные представления, для понимания недоступно.

Поскольку мы рассуждаем не только от имени русской нации, разгромленной и рассеянной в России с момента нашествия большевистской орды и гибели Российской империи, но и от имени всего европейского мира, утратившего в новейшей истории систему рациональных коммуникаций своей модели цивилизации, то мысли о возникновении новой модели мировой цивилизации на пепелище Российской империи в среде новейших племенных кланов, возникших здесь после распада партии КПСС и усиленных племенными кланами перестроечной орды, должны быть близки всем мыслящим европейцам, которые исчезают вместе с исчезновением осколков своей цивилизации. Понятно, что современная Россия пребывает в наше историческое время в Темных Веках, то есть во власти хаоса мифологических представлений об исторической реальности, который нельзя сравнивать со Смутным временем русской истории, поскольку Смутное время русской истории ограничивается лишь локальной ситуацией политического хаоса, возникающего в момент глубокого кризиса политической власти, но никак не вследствие разрушения одной модели мировой

цивилизации и параллельного возникновения новой модели. Ведь момент распада системы мировой цивилизации, в первую очередь, обусловлен сворачиванием одного метафизического пространства, которое переходит в поле мифологии культуры, и топологическим напряжением возникающего нового метафизического пространства. И если основанием старой модели мировой цивилизации было сознание, что мир и человек возникли по воле высшего существа, единого бога, то в новой модели мировой цивилизации началом мира является загадочный онтологический поток времени, где во фрактальной последовательности исторических событий переплетаются: настоящее, прошлое и будущее, а мировая цивилизация прерывается процессом равных катастроф.

Понятно, что имитация влияния традиционной русской культуры на повседневную жизнь человека в наше время в России имеет мало отношения к ее историческому прошлому, когда современная политическая «элита» имеет свое происхождение не в историческом духе русской нации, а в диких нравах большевистской и перестроечной орды. Все, что мы наблюдаем в социально-политической реальности современной России, — это дешевая имитация «преемственности» российской истории и культуры, тогда как с позиции объективности исторического разума речь должна идти о национальной катастрофе, начавшейся в 1917 году и продолжающейся вплоть до нашего времени. Так, собственно, мы видим, что многотысячелетний опыт развития рациональных коммуникаций мировой цивилизации «вклинился» в пространство ценностей российской культуры мифологией веры в научно-технический прогресс, «срезав» ее базовую патриархальную основу, связанную с религиозной верой, вместе с мыслящей элитой русской нации. В результате, осколки нации были «перемолоты»

в племенных связях большевистской орды, где единственный момент их объединения — вторая мировая война — демонстрирует слабую попытку конструирования рациональных коммуникаций в поле принципиально новой модели мировой цивилизации. Здесь можно заметить, как начинается формирование основа нового типа рациональных коммуникаций мировой цивилизации — сакральная природа времени, которая в Темные Века воспринимается самым примитивным образом. Так было в Темные Века в Западной Европе, где представления о едином боге ограничивались почти полностью истинами Ветхого библейского завета, и, аналогичным образом, происходит в современных Темных Веках на обломках Российской империи, где время в массовом сознании является сложением математических единиц в полностью материальном мире. Так, в представлении массового сознания кажется, что если сложить две единицы времени, то это и будет «историческое» время. Понятно, что, с позиции объективного исторического разума, ситуация иная. Историческое время — это не сложение математических единиц в представлениях абстрактного рассудка, а ощущение соприкосновения с каким-то метафизическим пространством, которое вызывает определенный священный трепет. Последнее, вызвано тем, что метафизическое отображает активность духовной энергии в глубинах человеческой души, которая порождает импульсы воли к власти, в отличие от сублимированных влечений, формирующихся в поле культуры. Таким образом, импульсы воли к власти, которые выражают внутреннюю энергию исторических процессов мировой цивилизации, возникают из восприятия «огня» метафизического мира, который суть — онтологический поток времени. Влечениями же человек «опутан» в системе низших ценностей, которые «натягивают» его низшие инстинкты на сознание значимости этих ценностей.

Наша оценка мировых исторических событий, происходящих в новейшее время, определяет объективные позиции высшей культуры, то есть направление действия воли к власти в качестве рефлексии субъективного разума и ее объективного содержания. Объективность разумного действия воли к власти, как зачаточной конструкции начальных элементов рациональных коммуникаций новой модели мировой цивилизации, требует необходимости формирования системы лигаристических союзов, когда разумный человек полностью потерял возможность существования в иррациональном мире мифологических представлений современного массового общества, где суетится примитивный тип Quasi Homo. Эта иррациональная «суета» в бессмысленном по отношению к разуму мире событий псевдоцивилизации, объявлена в мифологическом мире массовой культуры «деловым миром». **Обосновывается «значимость» этой иррациональной суеты научно-техническим прогрессом, как в свое историческое время, две тысячи лет назад, аналогичная суета варваров «нового мира» и вырожденцев «старого мира» оправдывалась верой в единого бога. Бесконечная усталость и отвращение к жизни, которое испытывает современный массовый человек в любом мегаполисе мира, вызваны потоком мусора низших ценностей псевдоцивилизации, где материальный комфорт жизни мегаполисов не может заменить главного, что характеризует отличие высших и низших ценностей: наличие какого-то разумного смысла существования человека в истории. Именно в этом аспекте становится исключительно актуальной идея Ницше, в которой он противопоставляет сверхчеловеческое, то есть субъективный разум высших ценностей, и «человеческое», то есть достижения абстрактного рассудка, который оценивает свою значимость по отношению к неразумному животному**

через научно-технологические достижения. Так, в свое историческое время, вера в единого бога была бесконечно более «прогрессивна», чем языческая вера в сакральные силы природы, поскольку перемещала священный трепет метафизического мира в глубины человеческой души, разрывая связь с сакральными силами природы.

Поскольку мы утверждаем, что авангардные позиции развития мировой цивилизации проистекают из процесса производства высших ценностей жизни, как, собственно, и момент трансформации цивилизации — в систему функционирования псевдоцивилизации, характеризуется исчезновением их производства, то позиции европейского нигилизма, сформулированные в идеях у Ницше, с объективной точки зрения мы понимаем как необходимость идеологической разработки такой политической структуры, с которой должна начинаться новая модель мировой цивилизации. В этом смысле, с учетом того, что все новые политические модели мировой цивилизации формировались в системе лигариристических союзов, то именно эта политическая структура, в нашем понимании, должна быть основой возникновения новой модели мировой цивилизации в этом хаосе иррациональных процессов псевдоцивилизации. Пронизывающий до глубин души холод подсознательного инстинкта смерти, — это основное ощущение онтологического потока времени, из которого веет сакральным сознанием нового мира. Можно, конечно, субъективно эмоционально, рассуждать об этом сакральном потоке как о «бездне» как это делал Ницше, однако для нас важно понять его происхождение хотя бы на уровне простейших объективных элементов разума, выходящих за пределы субъективности, а поэтому, с объективной точки зрения, мы полагаем, что отсутствие субъективного «дна» в ницшеанской «бездне» есть ничто иное, как несоизмеримое превос-

ходство метафизического мира над смертным существом человека, которое всегда воспринимается противоречиво на уровне представлений. И действительно, отрицание того, что отсутствие противоречий логической мысли есть признак рационального мышления, появляется уже у Гегеля, когда противоречие становится внутренней основой метода его диалектического рационального мышления. В этом смысле, отличие самосознания от сознания выражается в том, что чисто «человеческая» самость есть лишь возможность рассудка абстрагироваться от текучести непосредственных человеческих чувств, этой примитивной «живости» человеческой души, на основе которой формировались ценности английской философии и, собственно, либеральных ценностей. Поэтому, не случайно, идея о происхождении человека от примата возникла именно в Англии, где философская рациональная мысль, исторически, имела самое примитивное развитие в истории западноевропейской философской мысли. Но то, что было авангардом развития процессов мировой цивилизации, через несколько веков становится ее арьергардом, поскольку осмысляется абстрактным человеческим рассудком, образуя поле безопасного существования человека в мировой культуре. В результате, непостижимо сверхчеловеческое переходит в сферу доступных «человеческих» представлений. Вследствие этого, цивилизация отступает перед влиянием культуры, поскольку для развития цивилизации нужны новые разумные идеи понимания метафизического мира, которые должны «завоевываться» усилием воли к власти на уровне чего-то сверхчеловеческого.

Мы видим, что исчезновение разумного пространства существования цивилизации влечет за собой разрушение патриархальной психологии человека и наступление матриархальной психологии, поскольку инстинкт самосохра-

нения – это бессознательная база матриархата и, собственно, всей культуры, в целом. Именно так и утверждалась пролетарская культура на развалинах Российской империи, а именно через суетливую активность представителей новой веры в научно-технический прогресс, связанную с уничтожением патриархальных ценностей России. То, что эти массы людей, производившие таких же неразумных вождей, как и сама эта масса, были чужды высшим ценностям мировой цивилизации, сложно понять верующему человеку, в какую бы мифологию он не верил: в старую, опирающуюся на идеи божественного происхождения мира, или в новую, опирающуюся на идеи научно-технического прогресса. Но поскольку другой среды людей не существует в современной России, то и активность разумного человека в ней исключена, если, конечно, не учитывать тех титанических усилий одиночек, которые, фактически, оставаясь в тени полудикой социально-политической системы, удерживает каркас ее сомнительной государственности.

Размышляя над принципиальным отличием современной массовой культуры от рациональных коммуникаций, мы приходим к выводу, что поле существования цивилизации имеет место только там, где производятся высшие ценности. Это обусловлено тем, что цивилизация существует в определенном метафизическом поле, из которого воля к власти черпает свои импульсы, в результате чего разумная субъективность становится объективностью реальных событий мировой истории. Но в функционировании социально-политических процессов псевдоцивилизации метафизическое поле существования разума почти отсутствует, когда сознанием человека владеют разного рода мифологические представления. Попытки же возвратиться к старому метафизическому полю, из которого в прошлом черпались импульсы воли к власти, оказывается малоэф-

фективным, поскольку это метафизическое поле практически полностью растворяется в матриархальных подсознательных инстинктах человека как продукта культуры с течением веков. Впрочем, например, поле ислама еще хранит некоторый минимальный запас патриархального духа, о феномене которого рассуждал еще Шпенглер, однако это обусловлено тем, что метафизическое поле ценностей ислама возникло на несколько столетий позднее христианства, а потому является относительно более «молодым» по сравнению с ним. Но эта топологическая ветвь фрактального развития процессов мировой истории в наше время существует все-таки уже во власти культуры, а не цивилизации, поскольку нельзя полагать ценности этого угасающего метафизического поля каким-то образом причастным рациональным коммуникациям. Активность метафизики воли к власти приходится на расцвет арабской цивилизации, в столкновении с которой европейской модели цивилизации приходилось развиваться. Ведь в авангарде развития процессов мировой цивилизации может быть только то, что удовлетворяет необходимости существования объективности исторического разума в качестве воли к власти высших ценностей человеческой жизни.

Философия Ницше, фактически, противопоставляет на интуитивном уровне: высшую культуру и массовую культуру, при этом, указывая на внутреннюю основу первой как метафизику воли к власти с тензорами энергии высшей психики как сверхчеловеческого, существующими обособленно в человеческой культуре. Мы же, исходя из позиции объективного исторического разума, противопоставляем современным процессам псевдоцивилизации, базирующейся на основе массовой культуры, элементы теории существования лигариристических союзов в мировой истории как зачаточных конструкций новой модели мировой цивилиза-

ции. Понятно, что на пути этой важнейшей задачи будущего для разумных политических сил мировой истории необходимо отбросить множество мифов, которые доминируют в массовой культуре, в частности, миф об исключительной значимости экономических процессов. И действительно, если полагать, что основная идея функционирования современной «цивилизации» — это активность в ней психологии торгаша, то мировая цивилизация не имеет будущее, когда все варианты ее возможного пути развития будут «крутиться» в примитивном противопоставлении социалистических и капиталистических ценностей в мифологических представлениях о современной исторической реальности. Но с точки зрения объективного исторического разума, противопоставление ценностей капитализма и социализма выражает что-то явно мифологическое. То, что в современной «интеллектуальной» среде обсуждается, в основном, противоположность либеральной политической системы — системе, так называемых, «тоталитарных» политических обществ: фашизма или коммунизма, говорит о том, что эта псевдоинтеллектуальная среда чужда разумному пониманию высших исторических ценностей. Миф о «равенстве», идеи которого еще несколько веков назад были авангардной силой в развитии разумной индивидуальности человека на основе свободной конкуренции и риска предпринимательской деятельности в либеральных ценностях, в наше историческое время лишь поддерживает существование массового общества, враждебного разумным движениям человеческой души. Фактически, мы наблюдаем историю событий, которая подобна судьбе христианской церкви, когда дух свободы, противопоставленный рабовладельческой системе античности, в конечном счете, практически полностью потерял взаимосвязь с импульсами воли к власти, производимыми мета-

физическим пространством, в котором возникла и развивалась цивилизация с ее основополагающей идеей о происхождении человека и мира от высшего божественного начала.

...

В нашем понимании, любое философское учение необходимо рассматривать с позиции объективного рационального содержания, которое оно выражает, учитывая исторический характер эпохи, в котором это учение возникло. А характер исторической эпохи Ницше, в котором возникло его учение нигилизма, демонстрирует последние усилия воли к власти западноевропейской модели мировой цивилизации. Объективно, резкий обвал конструктивных возможностей модели западноевропейской цивилизации обусловлен исчезновением метафизического пространства, из которого импульсы воли к власти черпали свое напряжение. Ведь энергия сублимированных влечений, возникающих под воздействием массовой культуры, — это уже не энергия воли к власти, а ее исчезновение, когда прерывается производство высших ценностей, на основе которых держатся внутренние рациональные коммуникации цивилизации. Доминирование в современной идеологии массового общества мифа о единственности существования материального мира, в конечном счете, приводит к постепенному уничтожению всех признаков патриархального сознания и, в конечном счете, к власти матриархата в системе низших ценностей псевдоцивилизации. Матриархат же, бессознательно, опирается в непосредственной жизни человека исключительно на подсознательный животный инстинкт самосохранения. В этом смысле, восстание рабских инстинктов, или «рабов в морали» в известной идее Ницше, характеризует и начало возникновения христианской веры в Римской империи и начало веры в разум в Западной Европе в эпоху Просвещения. Так, «сила» духа,

которая была свойственна жертвенности первых христиан и коммунистов разных национальностей сродни подсознательному инстинкту женщины, защищающей своих детей. Этот инстинкт определяет не разумную индивидуальность человека, в которой сознание воспринимает «живое как вид мертвого» по очень глубокомысленной идее Ницше, а признаки неврастения и истерии, выражающие животные инстинкты матриархата. И здесь можно заметить, что разрушение рациональных коммуникаций в конце существования любой модели мировой цивилизации также возвращается к тому, с чего начинается псевдоцивилизация, то есть с тотальной власти подсознательного инстинкта самосохранения человека над его психикой. То, что мы видим в современной системе массовой псевдоцивилизации, так это историческое подобие веры в научно-технический прогресс — вере в единого бога, то есть возвращение процессов развития мировой цивилизации к некоторой начальной точке в своем непрерывном «вечном возвращении» в мировой истории.

Представление, что научно-технический прогресс является основой процесса развития мировой цивилизации, не может дать ответ о его подлинной сущности разума. Здесь можно привести пример бесконечной пропасти: между богом первых христиан и богом Ньютона. В первом случае, мы находим начало становления новой модели мировой цивилизации, которой предстоит пережить исторический перелом: от Темных Веков — к Средневековью, где инстинкты экзальтированной матриархальной христианской веры первых христиан должны быть «перемолоты» становлением патриархальной психологии человека в системе лигаристических союзов рыцарских орденов, то есть в простейших зачатках индивидуальности человека, обладающего какими-то разумными движениями души. Во вто-

ром случае, мы находим, фактически, последнюю «выжимку» из метафизической идеи существования божественного начала мира в понимании физико-математической природы сознания его строения, и, как следствие, начало исчезновения самого метафизического ощущения реальности.

Очевидно, что в современных процессах массовой псевдоцивилизации традиционный метафизический мир почти полностью ликвидирован как метафизическая сила, определяющая судьбу мировой цивилизации. Причины его ликвидации следует видеть в том, что метафизическое традиционное пространство ценностей жизни между людьми перестало быть активным в силу максимальной нагрузки воли к власти, действующей в последние два тысячелетия. Поэтому идея о «смерти бога» является свершившимся историческим фактом с позиции философии метафизики разумного мира. Сверхчеловек Ницше в этой зарождающейся модели мировой цивилизации описывается как «монах» и «воин» одновременно, поскольку средневековая эпоха любой новой модели цивилизации всегда формируется системой лигаристических союзов, где моральное ограничение действует не через формальные предписания рассудка, а через суровое действие воли к власти высшей человеческой природы в построении принципиально новых рациональных коммуникаций между людьми. Это действие проистекает из тотальной власти подсознательного инстинкта смерти над человеческой душой.

Размышляя над эпохой Темных Веков, в которых существует современная российская история, мы понимаем, почему Гегель дал ей такое название. Объяснение его происхождения следует видеть в том, что в эту историческую эпоху взаимосвязь между разумными людьми существует практически на нулевом уровне. С другой стороны, о возвращении этой эпохи уже век назад объявил Ницше в сво-

ем учении «нигилизма», то есть заложил идею исторической периодичности повторения эпохи Темных Веков, которую попытался раскрыть на обширном историческом материале Шпенглер. Таким образом, нельзя сказать, что разумных людей нет в России, безусловно, они есть. Проблема состоит в том, что они существуют в полном вакууме социально-политического мифологического пространства, где доминируют две центральных системы мифов представлений о ценностях жизни: религиозных и научно-технических. Для нас же проблема разумного субъекта мировой истории решена с позиции учения европейского «нигилизма» — это ценности высшей культуры. При этом мы понимаем, что истоки происхождения большевизма в России, разрушившего русское государство, идеологически во многом опираются на представления русского нигилизма, которые по существу, полярно противоположны ценностям нигилизма европейского. Это особенно отчетливо выражается в кардинально различном отношении к исчезнувшему метафизическому пространству в европейском и русском нигилизме: «бог умер» — «бога нет». Так, если что-то «умирает», то с позиции субъективного разума это не равносильно тому, что мир воспринимается исключительно материально, а лишь то, что идея метафизического мира должна быть какая-то другая. Если что-то метафизически «умирает» — это лишь указывает на нечто иное метафизически «живое», что еще предстоит понять и изучить, если мы стоим на позиции познающего разума. Иная парадигма выражается в формуле «бога нет». В этой чисто материалистической идее мира, фактически, высшие ценности упраздняются, поскольку здесь существует единственная мера — абстрактно научная, причем в чисто эмпирическом смысле.

Было бы ошибочно полагать, что субъективная позиция разума, в которой подсознательный инстинкт смерти яв-

ляется определяющим в психической активности человека, есть нечто исключительное для сознания человека нашего времени. Можно, например, обратить внимание на творчество норвежского художника Мунка. Идея одной из наиболее известных его картин «Крик», выражает именно этот первобытный ужас рождения сознания нового мира во мраке Темных Веков из подсознательного инстинкта смерти, на фоне которого можно наблюдать различные человеческие образы высшей природы человека. И не есть ли мост на заднем плане лица, выражающего ощущение ужаса на картине Мунка, известный мост между человеком и сверхчеловеком? Или, например, его картина «Девушка и смерть», в которой молодая девушка «обнимается» со смертью, то есть, фактически, с собственным инстинктом смерти, который является «нитью», связывающей интуицию сознания метафизического мира с подлинной индивидуальностью человека, поскольку в этом бессмысленном образе жизни по отношению к разуму в массовой псевдоцивилизации этой индивидуальности не существует, и ее приходится восстанавливать практически из ничего.

Почему мы крайне негативно оцениваем советский период российской истории, за исключением событий второй мировой войны и нескольких десятилетий после нее, когда у власти находилось поколение фронтовиков? Эта оценка следует из позиции объективного исторического разума, которая всегда ориентирована на меру рациональных коммуникаций между людьми. А рациональные коммуникации формируются как воздействие высших ценностей на непосредственную жизнь человека. При этом процесс производства высших ценностей является мерой присутствия человека в рискованном пространстве метафизического мира, где импульсы воли к власти суть нечто сверх-

человеческое. Однако в эпоху советской власти мы не то, что сверхчеловеческого, ориентированного на высшие ценности, но и, собственно, «человеческого» как отчетливого различия между массовыми инстинктами и разумной индивидуальностью мы не обнаруживаем. Человеческое существо, в нашем понимании, отличает от массового существа, то есть животного-инстинктивного существа, присутствие сознания человека не в какой-то мифологии ценностей, а в понимании иерархии существования мира по отношению к разуму. Мы же видим, что экзальтированное отношение к реальности на основе веры в научно-технический прогресс в пролетарской культуре дает тот временный душевный подъем, в котором матриархальные инстинкты доминируют целиком и полностью. Именно поэтому большевистские комиссары, в основном, были евреями, что в среде еврейского народа в наибольшей степени доминируют подсознательные инстинкты матриархата и, как следствие, исключительно высоко развиты абстрактные познавательные способности рассудка. Период же советской истории, начиная с событий второй мировой войны и заканчивая несколько десятилетиями позднее, мы противопоставляет всему остальному ее периоду, поскольку инстинкт смерти, необходимо вырабатываемый в подсознании человека в момент участия в войне, «натягивает» импульсы воли к власти, как энергетические тензоры высшей психики человека, на метафизическое пространство исторических событий, где инстинкт самосохранения «человеческого» размазывается перед лицом смерти. В результате, душа человека освобождается от низших влечений, причем без всяких нравоучительных установок абстрактного рассудка, которые имеют место в мирной жизни. Важнейшим следствием энергии действия воли к власти является возникновение того высшего доверия

между людьми, которое возникает в России после второй мировой войны, в отличие от животной дикости души, доминирующей в ней в первый момент после гибели Российской империи. Так возникали спартанские союзы в момент разложения дорийских орд на развалинах микенской цивилизации и, аналогичным образом, западноевропейские рыцарские ордена — на развалинах Римской империи. Собственно, именно лигаристические союзы являются теми переломными политическими структурами между Темными Веками и Средневековьем, в которых пресекаются варварские инстинкты агрессивных орд, блуждающих на развалинах империй. И не стоит заблуждаться по поводу продолжения развития технического прогресса в Темные Века мировой истории, поскольку, в отличие от фундаментальной науки, требующей причастности высшим ценностям, то есть разумного понимания мира, варварский рассудок вполне довольствуется техническими достижениями научного прогресса, который действительно развивается линейно, в отличие от фундаментально новых идей науки, которые исчезают полностью в эпоху расовой катастрофы. Поэтому в Темные Века, фактически, все интеллектуальные ресурсы научного знания направлены на совершенствование военных технологий, что военная оставляющая человеческой жизни есть то небольшое, что стимулирует почти отсутствующие импульсы воли к власти в массовой псевдоцивилизации.

Размышляя над известной мыслью Ницше: «человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком», мы осознаем, что «канат», который связывает животное и разумное, или сверхчеловеческое, в природе человека, и есть его подсознательный инстинкт смерти, который в случае ослабления его активности возвращает человека к животному состоянию, а в случае максимального напря-

жения — к присутствию в метафизическом мире. Причем, образ напряжения «каната», фактически, есть отображение подсознательных процессов высшей человеческой психики, которые онтологически взаимосвязаны с метафизическим сознанием времени. И если этот метафизический «канат» ослабевает, то начинают действовать другие «канаты», «земные», мутные и вязкие, то есть подсознательные животные влечения, которые являются внутренней энергией массовых инстинктов.

Исторически, современная политическая ситуация в мире напоминает процесс расовой катастрофы в начале становления христианской веры, когда наличие бога доказывалось исключительно присутствие института христианской церкви на «земле», а главное, в опоре не на что-то разумное, а на истины ветхого завета, поскольку новый завет только формировался, ища опоры в греческой философии. Последнее, было вызвано тем, что новая вера распространялась в мире, где в сознании людей доминировали разного рода мифы, то есть остатки представлений языческой культуры. Так и в наше историческое время, система представлений массового сознания, которая мифологически отождествляет научно-технический прогресс и разум, стала единственным критерием «разума», хотя в действительности речь должна об ограниченных возможностях представлений абстрактного человеческого рассудка.

ЧАСТЬ III.
Историческая реальность
XXI века с позиции высших
ценностей

*Человек — это канат, натянутый
между животным и сверхчеловеком*

Ф. Ницше

Во что же верил «сверхчеловек» в прошлом и должен верить в будущем, чтобы выражать позиции воли к власти высших ценностей мировой цивилизации? Мы полагаем, что ни во что. Собственно, это и есть позиции европейского нигилизма по Ницше. С другой стороны, человек, вообще говоря, не может не верить ни во что, поэтому научно-технический прогресс является тем современным мифом «спасения», который, как «обручем», стягивает иррациональные процессы современной массовой псевдоцивилизации, упрощая понимание разума до его «практической» ценности, то есть, фактически, до понимания «разума» по Канту как системы научных представлений рассудка. Так, в аналогичное время Темных Веков, на фоне «утренней зари» христианской веры, истины ветхого завета были последней инстанцией и единственным документом, повествующем о существовании единого бога.

Если позиции субъективного разума были разработаны в философии Ницше в его известных идеях о «воле к власти», «вечном возвращении», «по ту сторону добра и зла», «сверхчеловеке», «утренней заре» и так далее, то объективностью современного исторического разума являются другие идеи. Мы полагаем, что речь должна идти, во-первых, о периодической расовой катастрофе в истории мировой цивилизации, то есть почти полной утрате разумным человеком контроля над политической ситуацией в мире, когда в наше историческое время ему не осталось места в полити-

ческих структурах массового общества, этого социального механизма по уничтожению разума в человеческой душе. Во-вторых, об исторической необходимости возникновения лигаристических союзов, этих зачаточных политических конструкций, в которых происходит цивилизационный перелом: от наступающего варварства Темных Веков — к эпохе Средневековья. В-третьих, об относительной ценности научно-технического прогресса, когда его достижения ограничиваются лишь задачей выживания человека, не являясь авангардной силой новых разумных идей развития внутренних процессов мировой цивилизации. Главное же, мы видим в том, что рациональные коммуникации между людьми мировой цивилизации исчезают, если в человеке пассивен его подсознательный инстинкт смерти, который производит импульсы воли к власти, то есть присутствие метафизической реальности, в котором только и может происходить полноценное общение людей на основании разумного понимания мира.

Почему все-таки современный массовый человек, вместо движения к сверхчеловеческому, возвращается к животному состоянию души? Так, например, мы наблюдаем это стремление человеческой души, утратившей взаимосвязь с разумным началом мира, максимально уподобляться животному миру во всем. И это при том, что механизм вытеснения подсознательных влечений только усиливает свою деятельность в массовых социальных институтах, которые становятся все жестче и жестче, уподобляясь каким-то рабовладельческим структурам прошлого, с учетом максимальной оптимизации производственного процесса. Проблема, как мы полагаем, состоит в том, что процесс сублимирования влечений массовой души практически никак не относится к разумной ее части, в которой подсознательные импульсы воли к власти производятся инстинктом

смерти. Инстинкт смерти — это вообще то, что не может быть сублимировано в принципе, поскольку это взаимосвязь человека с метафизическим миром, куда не может проникать что-то «земное», то есть шкала низших ценностей, которыми оперирует абстрактный рассудок. Можно сказать, более определенно, инстинкт смерти — это не влечение, а энергия расового бессознательного, то есть высшая психическая энергия человека, демонстрирующая меру его разумной индивидуальности, которая каким-то образом взаимосвязана с исторической памятью высших ценностей мировой цивилизации.

Что имел ввиду Ницше, рассуждая, что: «Если долго вглядываться в бездну, то бездна начинает вглядываться в тебя...»? Мы полагаем, что речь идет именно о подсознательном инстинкте смерти человека, этой отправной точке метафизического мира, который, в свою очередь, является базой подсознательных процессов воли к власти в системе рациональных коммуникаций мировой цивилизации между людьми. Ведь чем больше человек погружается в этот инстинкт, тем меньше он присутствует в «земном» мире конечных представлений рассудка, где здравый смысл всегда ограничен подсознательным инстинктом самосохранения и, как следствие, известными представлениями о мире. И здесь мы вспоминаем известные слова Сократа, приговоренного к смерти: «Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью». Таким образом, можно предположить, что резко негативное отношение к позиции Сократа и всей последующей рациональной философии было вызвано у Ницше — бессознательным сопротивлением объективизации импульсов воли к власти, когда высшая культура переходит в коммуникационную рациональную систему мировой цивилизации. Собственно, и факт казни Сократа был обусловлен

тем, что он, по существу, обозначил исторический переход высших ценностей греческой культуры в состояние процессов развития рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Ведь любой исторический период интенсивного производства высших ценностей неизбежно переходит в фазу формирования рациональных коммуникаций, когда мировая цивилизация «вклинивается» в созерцательное состояние народа, разрушая его традиционный уклад жизни.

Образ «каната», натянутого между сверхчеловеком и обезьяной в философии Ницше, демонстрирует отображение бессознательного, которое течет в онтологическом потоке времени, где образы памяти определяют различные ценности сознания. Наиболее примитивная память существует в сфере «человеческих» представлений, формируя определенные стереотипы «человеческого» поведения, в которых нет необходимости проявлять разумную индивидуальность. В этом смысле, мы полагаем, что современная массовая культура не является феноменом исключительно новейшего исторического времени. Массовое сознание всегда начинает доминировать в мировой истории тогда, когда в глубинах человеческой души прерывается воздействие высшей расовой памяти, то есть непрерывное производство высших ценностей культуры. Почему, например, Кант постулировал существование бога в своей философии? Причины следует искать в том, что устойчивость конечных представлений рассудка, и, в первую очередь, научного рассудка, может быть гарантирована только определенной сферой культуры, то есть доверием определенной системе знаний о мире. То, что эта система представлений о мире кардинально меняется с течением времени, — это уже следствие действия разума, которое производит эти изменения крайне медленно. В этом смысле, философия

Канта существует где-то посередине «каната» между сверхчеловеком и обезьяной, то есть в качестве исключительно чего-то «человеческого», указывая на максимальные возможности научного рассудка в философии. Однако сам человек у Канта остается полностью во власти культуры. То, что бог может «умереть» в этой системе представлений о моральных ценностях, недопустимо для практического разума. На смену обязательно должна прийти какая-то вера, например, вера в научно-технический прогресс. Это объясняется тем, что непосредственные чувственные восприятия, из которых эмпирический рассудок черпает свой аналитический материал, взаимосвязаны с импульсами влечений, а влечения, в свою очередь, с определенной материальной реальностью, без взаимодействия с которой абстрактный рассудок недействителен. Импульсы же воли к власти обусловлены метафизическим миром, который в своей экстремальности и не предсказуемости в силу причастности сакральным силам мировой истории, не может быть только чисто «человеческим».

Особенность производства высших ценностей, которые являются внутренним энергетическим ресурсом, «огнем» мировой цивилизации на всем протяжении ее существования, в отличие от псевдоцивилизации, является тот факт, что они всегда определяются чем-то нигилистическим по отношению к доминирующей системе представлений веры. Рассматриваем ли мы обнаженное человеческое тело в картинах великих художников эпохи Возрождения, которое по существу должно «оскорблять чувства верующих», или научные эксперименты ученых в начале эпохи Нового времени, в котором появляются первые сомнения в абсолютной воле создателя. Таким образом, европейский нигилизм, вообще говоря, является исторической позицией субъективного разума в мировой истории, где сверхчеловеческое

выступает как авангардная сила «утренней зари» объективизации будущих глобальных политических изменений в мировой цивилизации. Впрочем, нельзя полагать, что само название «нигилизм» возникло у Ницше на пустом месте. Как известно, в исторической концепции Гегеля понятие «ничто» является одним из центральным в его диалектике рационального мышления в качестве предельного перехода: от бытия — к сущности, от сущности — к понятию. И, собственно, идея «вечного возвращения» выражается в том, что вся полнота цепочки рациональных переходов мышления в диалектике Гегеля: от бытия — к понятию и, наоборот, реализуются в философии Ницше не только в процессе объективизации рационального мышления, но и в самой жизни. Ведь логика науки Гегеля только подводит в диалектике рационального мышления к идее жизни, не рассматривая саму жизнь как таковую.

Откуда рождаются импульсы воли к власти, в отличие от власти влечений? Мы полагаем, что, объективно, они формируются из самых разрушительных пластов высшей психики, то есть подсознательного инстинкта смерти. И здесь мы вновь должны возвратиться к философии рационального субъекта Ницше, в которой он указывает на культовое отношение др. греков к этому инстинкту — культу Дионису. Здесь следует вспомнить идею высшей касты идеального государства у Платона, который строит ее по подобию кастового принципа др. греческих спартанских союзов, где воины и философы у Платона, выражающие позиции рассудка и разума соответственно, должны контролировать жизнь ремесленников и торговцев, где последние выражают позиции неразумной чувствующей души. Если же развивать последовательно идеи европейского нигилизма Ницше, то мы приходим к идее существования идеального государства по Платону, где военизированный

образ жизни этого государства указывает ни на что иное, как на систему функционирования лигаристического союза, поскольку спартанские союзы как раз и были таковыми в мировой истории. Поэтому мы утверждаем, что глубокая неприязнь Ницше к платоновской традиции мысли, которая ведет свое происхождение от Сократа, вызвана у Ницше сопротивлением объективизации высших ценностей из сферы высшей культуры — в область существования рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Так, именно платоновская мысль осуществляет резкий перелом ценностей: от замкнутости др. греческого полиса, с его спасительной силой традиции — в сторону доминирующих позиций активных рациональных связей мировой цивилизации, возникающих в Др. Греции. И здесь следует заметить, что Платон не только последовательно проводит то, что как это ложно утверждает Ницше, «убивает» дух греческой трагедии, но и доводит эту трагичность воли к власти рационального субъекта до максимальной объективности ее существования в своем идеальном государстве, с ее необходимостью коллективной собственности и безусловной власти разума над человеческой душой. Именно здесь мы обнаруживаем полюса различий субъективного разума высшей культуры и объективного разума цивилизации. Необходимо понимать, что позиции высшей культуры от позиций низшей культуры отличает различное положение сознания на «канате» подсознательных инстинктов: между животным и сверхчеловеком. Так, если субъект высших ценностей, фактически, «стирает» границу между рассудком и действующим разумом, поскольку отображает непосредственный процесс импульсов воли к власти как существование рациональных коммуникаций между людьми в метафизическом мире, то «человеческие» представления в мире низших ценностей, наоборот, максимально прибли-

жают человека к его животному состоянию души. В результате, в образе ницшеанского «каната» мы обнаруживаем интуитивную оценку масштаба различий разумности логических операций рассудка: от его максимума, когда он отстаивает позиции высших ценностей, выражая идеи субъективного разума, до его минимума, когда он выражает низшие ценности, то есть систему конечных абстрактных представлений о мире.

Оценивая дистанцию между возможностями абстрактного рассудка, когда его позиции прослеживаются, с одной стороны, в низших ценностях культуры, начиная от импульсов влечений и заканчивая какой-то логической схемой, построенной на использовании научного знания, мы должны понимать, что рассудок никогда не выходит за пределы культуры. Он, собственно, всегда находится в ее власти, рассматриваем ли мы при этом научную теорию психоанализа Фрейда или историческую концепцию Шпенглера. Причем, например, теория психоанализа, хотя и производит разрушительную работу против традиционных моральных ценностей, но в результате придает еще большую значимость «человеческому», и особенно, массово «социальному». Другими словами, теория психоанализа, по существу, требует полного разрыва с тем «канатом», который указывает на бесконечно далекую позицию мыслящего рассудка, переходящего в субъективный разум. И если сознание массовой души определяется «комплексами» представлений о реальности, в которых, в первую очередь, максимально активен подсознательный инстинкт самосохранения человека, то следствием сублимирования этих влечений становится не метафизика воли к власти, а власть поверхностных представлений абстрактного рассудка. Не случайно, по этой причине, основной материал психоаналитической теории состоит из анализа: либо сновидений,

либо психических состояний сознания близких к сновидениям, поскольку только в этом случае гарантируется полная блокировка разумных движений человеческой души, связанными с высшими ценностями. Поэтому подобное состояние массовой души следует рассматривать как процесс «вечного возвращения» к минимальному напряжению «каната» в животной непосредственности человеческих влечений, когда следы разумных коммуникаций между людьми практически теряются, но зато невероятно огромного влияния достигают ценности низшей культуры. Так возникает феномен псевдоцивилизации, который характеризует фрактальное историческое подобие существования византийской и современной американской политической модели с точки зрения оценки позиций в них разума, являющихся практически нулевыми. Это фрактальное подобие процессов развития мировой истории, где линия последовательного развития научно-технического прогресса отображает лишь «поверхность» касания человеческого рассудка с неисчерпаемой глубиной метафизического мира онтологического потока времени.

Что же возвращает максимальное напряжение ницшеанского «каната» подсознательной сущности человека от нулевой точки животных влечений массовой культуры — к производству высших ценностей мировой цивилизации, в которых только и могут существовать рациональные коммуникации между людьми? Мы утверждаем, что это подсознательный инстинкт смерти человека, который определяет его разумную индивидуальность свободную от власти животных влечений, то есть, вообще говоря, меру индивидуального разума. Ведь влечения проистекают из человеческой природы, тогда как подсознательный инстинкт смерти — из метафизического мира. Сверхчеловеческое ощущение метафизической границы мира никогда не ищет

какого-то «спасения» человека в какой-то вере, поскольку верующая человеческая душа, в лучшем случае, оказывается посередине ницшеанского «каната», причем только тогда, когда производство высших ценностей достаточно высоко в эту историческую эпоху, например, в историческую эпоху Канта. В противном случае, как, например, в наше историческое время, когда производство высших ценностей «нулевое», «человеческое» существо полностью возвращается в животное состояние. На этот процесс крайней деградации разумной части человеческой души практически не влияют научно-технические достижения, поскольку каких-то новых фундаментальных идей науки, связанных с разумом, в них нет, тогда как чисто технические разработки — это прерогативы абстрактного рассудка, которые никогда не выходят за пределы известных представлений о реальности. Вообще, в русле подлинного понимания сущности идеи Платона, мы должны видеть, что возникновение и развитие идеи всегда протекает в метафизическом мире. Собственно, по этой причине Платон и противопоставлял мир идеальный, то есть метафизический, — миру материальному. В новейшей трактовке, это означает: противопоставление информации для осмысления, которая приходит из подсознательного инстинкта смерти — информации, которая формируется непосредственным чувственным восприятием. Собственно, сублимирование определенным кодом культуры всегда ограничивается только чисто «человеческой» частью ницшеанского «каната», которая дает возможность человеку социализироваться. Однако, как известно, Ницше утверждал, что сверхчеловек — это «зверь», который по своей бессознательной сущности не может подчиняться традиционным моральным нормам. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны понимать, что, объективно, разумные процессы миро-

вой цивилизации развиваются теми единицами наиболее выдающихся людей во всех областях знания, которые весь свой путь по «канату» ницшеанской бездны проходят под воздействием подсознательного инстинкта смерти, который несоциализуем в принципе, полностью находясь во власти сверхчеловеческого. В этом смысле, наоборот, психоаналитическая теория Фрейда для материала своих исследований всегда рассматривает среднестатистического человека, в котором разрушительные процессы психики всегда локализуется чем-то социальным.

Другим важнейшим вопросом в понимании ницшеанского «каната» между животным и сверхчеловеком является вопрос: почему Ницше так обрушивается на существование метафизического мира, если, как мы видим, сам определяет его новейшую метафизическую границу существования в высших ценностях культуры? Мы полагаем, что причины следует искать в том, идея «смерти бога» утверждает, что метафизические процессы, определявшие мировую цивилизацию с позиции какого-то высшего божественного начала, исчерпали себя. Он называет и причины этого «исчерпания», — слишком долго и интенсивно использовались тензоры воли к власти полноты этого метафизического мира, когда, в конечном счете, сознание не обнаруживает этой «бездны» там, что она должна присутствовать для процесса объективизации разума в субъективной позиции высших ценностей культуры. Другое дело, что сам Ницше, последовательно развивая идею разумной субъективности, остается полностью во власти этой субъективности, отрицая возможность ее объективизации. Однако, следует понимать, что для своего исторического времени — это, безусловно, авангард исторической разумной мысли, когда вокруг разрастается власть мифа о тождестве разума и научно-технического

прогресса. В наше же историческое время, мы обнаруживаем то, что воздействие этого мифа на сознание человека стало тотальным. Но, с другой стороны, как показывают новейшие события мировой истории, появилась и «бездна» нового мира, которая протекает в онтологическом потоке времени, которая суть область высших процессов бессознательного, не определяемые энергией либидо. Ницше потому и утверждал, что сверхчеловеческое существует по ту сторону добра и зла, что высшей психикой человека движет не инстинкт самосохранения, а подсознательный инстинкт смерти. Ведь не можем же мы полагать либидо какой-то «бездной» в восприятии мира. Наоборот, это что-то самое простое и понятное в чисто «человеческом» смысле, доступное для понимания даже какого-нибудь Дауна. То, что это самое примитивное и понятное стало основой научной теории либидо, оказавшей огромное влияние на процесс перехода западноевропейской модели цивилизации в состояние псевдоцивилизации, является очевидным. Это один из примеров того, как происходит процесс деградации рационального пространства существования Homo sapiens в иррациональное пространство существования Quasi Homo, где активны только низшие ценности. Так было на заре становления монотеистической веры, когда умирали и рассеивались позиции разумного человека античного мира, и, аналогичным образом, происходит в наше историческое время Темных Веков, когда старое метафизическое пространство практически разрушено, а новое метафизическое пространство влияет на непосредственный образ жизни человека исключительно внешним образом, а именно через восприятие природы времени в течении механических часов. Так, с точки зрения дистанции между «человеческим» и «сверхчеловеческим», течение времени в механических часах выражается только робкой попыткой «за-

нести ногу» на этот канат над бездной, полностью оставаясь во власти животных влечений души, то есть даже не принимая состояния чего-то «человеческого», поскольку «человеческое» требует, по крайней мере, как, например, психология буржуа в XIX веке, элементарной порядочности и соблюдения каких-то моральных норм поведения. Эта порядочность выражается в том, что на уровне человеческих взаимоотношений в ценностях буржуазной морали требуется не уподобляться животному в своем стремлении выживания в мире любой ценой, поскольку буржуазный мир XIX века был все-таки еще в минимальной степени обусловлен метафизическим пространством исторического времени. Поэтому и учение Маркса, и учение Фрейда, и философия Ницше возникают еще под воздействием каких-то самых слабых метафизических импульсов разумных событий мировой цивилизации. Но начало XXI века демонстрирует победу неразумного человека во всем мире, когда в массовом обществе победила человеческая неполноценность.

То, что особенно ярко выражает слабоумие современных социально-политических представлений в массовой псевдоцивилизации, так это попытка постоянно противопоставлять капиталистическую и социалистическую социальную систему ценностей. Одним из аналогов подобного противопоставления в Темные Века начала становления монотеистической веры было противопоставлениерая и ада. Понятно, что «рай» и «ад» в капиталистической и социалистической идеологии полярно противоположно, хотя по сути эти политические системы выражают низшую систему ценностей в обоих случаях. Примером воздействия полярно противоположных идеологий подобного рода может служить политическая модель Южной и Северной Кореи.

...

Размышляя над периодическим процессом перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации, которое, впрочем, заметно только для разумного человека, можно заметить, что разум пробивает себе дорогу в эпоху очередных Темных Веков за счет разрушения многочисленных мифов, образующихся в результате постепенного «обживания» метафизического пространства, требующего серьезного риска для существования человека. Это не «человеческий» риск, который характеризует, например, риск ведения бизнеса, а риск, который «плавит» знакомые представления о мире, выражающие позиции здравого смысла, поскольку здоровый человеческий смысл рассудка является производной от подсознательного инстинкта самосохранения человека. В результате, когда исчезает метафизический огонь «сверхчеловеческого» ощущения метафизического мира, резко активизируются человеческие влечения. Таким образом, психоаналитики, чья социальная сеть, фактически, распространилась на весь мир, проделывают очень важную для функционирования псевдоцивилизации работу: помогают имитировать в массовых социальных структурах псевдоцивилизации — структуры цивилизации. При этом, нельзя сомневаться в том, что сам Фрейд все-таки занимал разумные позиции, в своем аналитическом исследовании. Просто так устроена «человеческая» культура: «выжимать» из опасного для человека разумного авангарда мысли только то, что в принципе для нее безопасно. По этой причине, риск обвала внутренних процессов цивилизации в состоянии псевдоцивилизации существовал всегда, но практически всегда находились авангардные позиции разумной мысли, которые не давали человеческой культуре погрузиться в полное болото. Для возникновения этой авангардной мысли всегда требовалась воля к власти как ощущение сверхчеловеческой границы метафизического мира. Так

возникла метафизическая природа Homo sapiens, не из биологии и физиологии примата, как тому учит всем известная современная мифология эволюции происхождения человека, а из откровения нового метафизического пространства существования человека, и, как следствие, обновления энергетического канала бессознательной «бездны» между животным и сверхчеловеком.

Что мы понимаем под «обновлением» метафизического пространства, которое определяет поле существования цивилизации, в отличие от поля существования культуры? Мы полагаем, что речь идет о глобальной перестройке представлений человека о мире, что является следствием очередного, периодического, восстановления разумом своих позиций после очередной расовой катастрофы, когда сознание человека почти целиком и полностью заполнено мусором различных мифологических представлений о реальности. Жесткость представлений, на которые опирается абстрактный рассудок, направлена на то, чтобы сознание человека постоянно находилось в поле активности настоящего момента времени. В противном случае, сознание должно каким-то образом апеллировать к прошлому и будущему не в качестве абстрактных представлений о нем, а как к живой непрерывности потока исторического времени, который непосредственным образом присутствует в импульсе воли к власти каждое мгновение жизни человека. Подобная живая непрерывность исторического времени может гарантироваться только бессознательной вовлеченностью сознания человека в существование метафизического пространства. Даже идея об исторической роли пролетариата, которому учил марксизм, предполагает, что «зачистка» мусора мифологических представлений о реальности, которые образуются в результате исчерпания энергии воли к власти класса буржуазии, существует как

живая преемственность духа мировой истории. Это другой разговор, что дух мировой истории воспринимается здесь исключительно материально. Ведь, в конце концов, материя и дух составляют нечто целое в метафизическом акте воли к власти точно так же, как и влечения. Различение происходит только в ориентации на ценности: высшие или низшие, то есть в процессе обнаружения максимума или минимума активности цивилизации и культуры. Так, можно сказать, что максимум активности цивилизации предполагает локальную активность культуры и, наоборот. Другое дело, что понимать под «цивилизацией» и «культурой». Именно здесь проявляется кардинально различная позиция разума и абстрактного рассудка. Ведь разум всегда определяется чем-то метафизическим, тогда как рассудок — чем-то чисто «человеческим», поэтому авангардные пути развития мировой цивилизации практически всегда оказываются в противоречии с человеческой культурой. И если в наше историческое время Темных Веков под «цивилизацией» в абстрактных представлениях о мире понимается научно-технический прогресс, то, с позиции объективного разума, научно-технический прогресс является лишь «человеческой» культурой. То, что это культура технических возможностей достижений абстрактного человеческого рассудка, характеризует лишь определённую «магию» от впечатлений воздействия технических средств, созданных человеком, на окружающий мир природы, способен понять только разумный человек. Но ведь и первые века монотеистической веры оказывали такое же магическое воздействие на непосредственные чувства человека, поскольку в то время христианин, в отличие от язычника, чувствовал, что бог существует не во внешних силах природы, а в его непосредственной душе, в силу чего ощущал бесконечное превосходство над языческим миром.

Одна из центральных философских идей Ницше, которая, в нашем понимании, в первую очередь, относится к осмыслению процессов мировой истории, является идея «вечного возвращения». Первый, кто попытался осмыслить эту идею в ее историческом понимании, был, как известно, Шпенглер, который реконструировал события мировой истории в качестве замкнутых живых «организмов» мировых культур, развивающихся в топологических «ветвях» различных фрактальных рисунков. Очевидно, что предпосылки для построения концепции событий мировой истории у него были ложными в том смысле, что он противопоставлял культуру и цивилизацию, где «негативной» силой выступала последняя. Здесь очень сильно влияние ницшеанского субъективизма, поскольку субъект, какую бы позицию рассудка он не занимал, остается во власти культуры, а субъективный разум Ницше, как известно, выражает позиции высшей культуры. Но любой «энергетический» материал воздействия на сознание человека высшей культуры в качестве позиции субъективного разума воли к власти, неизбежно объективно сжигается в «огне» онтологического потока исторического времени. Единственное, что не уничтожается этим «огнем», — это научная мысль, которая, как это справедливо заметил Шпенглер, формирует наиболее устойчивые представления о мире, в которых целиком и полностью властвует абстрактный рассудок, оставляя от истории ощущение безжизненного скелета.

Нашей «точкой отсчета» в понимании объективности разумного мира и, в первую очередь, событий мировой истории в их метафизической реальности, является сущность онтологического потока времени, с позиции которой наше историческое время оценивается как эпоха Темных Веков. Понятно, что в современной псевдоцивилизации, играющей множеством иррациональных красок своей крикливой

активности тотальной власти низших ценностей, пока еще эти Темные Века малозаметны. Они заметны только в тех странах, где прокатилась политическая волна «власти пролетариата», то есть тех разрушительных иррациональных сил псевдоцивилизации, которые «зачищают» в ней остатки метафизического пространства, угасшего вследствие истощения действия определенной энергии воли к власти. Понятно также, что попытки вернуться назад, в прошлое мифологическим образом, то есть пытаться искать метафизическое там, где оно уже почти не существует, как это имеет место, например, в современной России, обречены на неудачу, поскольку, как известно, «нельзя войти в одну и ту же реку дважды», то есть нельзя прикоснуться к метафизическому таинству исторического времени, опираясь на мифологию представлений. Можно лишь «заснуть» по отношению к разумному пониманию мира, когда «пробуждение», которое неизбежно, будет стоить очень дорого. Это то, что мы наблюдаем в современной России, где сон разума рождает самых невероятных чудовищ. Подобная тенденция — «изнасиловать» историческую реальность вместо того, чтобы проявить разумное понимание, очень характерна для российских историков XX и XXI века. Она, впрочем, характерна для любого народа, который проявляет минимальные признаки разумного образа жизни. Однако, если сравнивать российскую историю до 1917 года, то есть до нашествия большевистской орды и после, то практически все последующее столетие российская государственность существует за пределами разума, однако под мощнейшим воздействием новейшего мифа о тождестве разума и научно-технического прогресса. Очевидно, что новая модель мировой цивилизации всегда формируется новой великой верой, но также очевидно, что в первом «потоке» исторических событий эту веру несут в себе варвары. И здесь необ-

ходимо правильно понимать само явление «варварства» с позиции объективного разума, когда современная мифология представлений об исторических событиях относит его к очень далекому историческому прошлому. Это обусловлено тем, что линейная концепция истории рассматривает исторические события не с точки зрения цивилизации, а с точки зрения развития культуры. Мы полагаем ложными подобные представления о событиях мировой истории, утверждая, что именно наша позиция совпадает с современной объективной позицией исторического разума, где события мировой истории разворачиваются во фрактальной системе координат. Собственно, для этой цели мы и развиваем идеи Ницше, чтобы определить новейшие позиции современного исторического разума.

Одной из наиболее активных функций современного абстрактного рассудка в деятельности мировой псевдоцивилизации является регулирование мирового экономического рынка. Здесь имитация процессов цивилизации за пределами исторического разума достигла своего апогея, когда всякое существование метафизического мира полностью упразднено, тогда как единственность существования материального мира владеет целиком абстрактным мышлением. И здесь мы вспоминаем мысль Шпенглера о том, что последней стадией существования модели любой цивилизации является активность финансовой системы, которая, подобно «мыльному пузырю», надувает неразумную деятельность массового человека исключительно низшими ценностями настоящего. Ведь то, что эти исторические иррациональные человеческие «тени» снуют в пустоте отсутствующих рациональных коммуникаций псевдоцивилизации, доступно для понимания только разумному человеку. При этом, мы не собираемся впадать в мифологические иллюзии, которые, например, насаждали адепты коммунизма,

что деньги должны исчезнуть в каком-то отдаленном «светлом будущем». Все эти идеи — наследие утопических представлений об «идеальном» социальном обществе, в которых можно найти следы влияния идеального государства у Платона. Однако Платон не был утопистом, полагая, что высшие государственные чиновники должны обладать минимальной собственностью. Строя теорию своего идеального государства, он опирался на опыт древней Спарты, а государственный строй древней Спарты, в свою очередь, опирался на средневековый опыт лигаристических союзов Др. Греции, в которых военно-патриотическая оставляющая была определяющей в жизни др. спартанцев. Поэтому мы полагаем, что, несмотря на совпадающую идею отрицания частной собственности в теории коммунизма и идеальном государстве Платона, они имеют принципиально различные основания в системе ценностей. Коммунизм отрицает частную собственность в силу более эффективной системы производства, то есть сводит вопрос о собственности к какой-то экономической целесообразности, тогда как отрицание частной собственности в идеальном государстве Платона требует, чтобы существовала собственность, обладающая определенным сакральным статусом в силу вторичности существования материального мира перед миром высших ценностей для полноценного существования государства.

Цивилизация, в отличие от псевдоцивилизации возникает и развивается как метафизический проект мировой истории. Понятно, что исчезновение признаков цивилизации определяется моментом исчезновения метафизического поля, в котором коммутируют импульсы воли к власти на уровне сверхчеловеческого между людьми. Очевидно, что пространство культуры принципиально иное. Пространство культуры возникает как процесс коммуникаций

чисто «человеческих». Эту границу «человеческого» переходит только разум, указывая на существование высших ценностей жизни и, как следствие, исторического «огня» внутренних процессов цивилизации. Поэтому в массовой социальной культуре современной псевдоцивилизации стали играть такую важную роль психоаналитики, что исчезло единое метафизическое пространство, существовавшее на основании веры в бога, тогда как новое метафизическое пространство, образованное потоком сознания в онтологической сущности времени, имеет пока еще очень «тонкую» пространственную метафизическую границу. Можно сказать, что эта граница едва уловима как метафизическая мера.

Размышляя над происхождением расы *Homo sapiens*, мы утверждаем, что она является феноменом метафизического мира, то есть таких коммуникаций между людьми, в которых между ними существует взаимосвязь на основании чего-то сверхчеловеческого. Низшие же познавательные способности, абстрактный рассудок и непосредственное чувственное восприятие, ограниченные конечными представлениями о мире, образуют лишь поле культуры, которое направлено исключительно на сохранение известного знания, но не на авангардные позиции познающего разума. Таким образом, расовое подсознание в человеческой природе — это резервуар психической энергии для действия воли к власти, которая черпается не из биологического существа человека, а из его подсознательного инстинкта смерти, то есть подсознательной взаимосвязи с метафизическим миром. Поэтому реальность существования философского понятия — «дух» может существовать только при условии действия воли к власти, или активности субъективного разума человека в качестве предпосылки для рациональных коммуникаций между людьми. В противном слу-

чае, сублимированные влечения, которые определяют исключительно «человеческий» мир, выражают лишь две низшие познавательные способности: логические операции абстрактного рассудка и поток непосредственных чувственных ассоциаций от восприятия внешнего мира. Собственно, именно по этой причине субъективная позиция философии Ницше противопоставила культуру «высшую» и «низшую». И действительно, воля к власти, в отличие от сублимированных влечений, определяет власть разума, во-первых, над человеческой душой, а во-вторых, вовлекает сознание человека в метафизический мир, где он осознает, что его существо наполняется чем-то сверхчеловеческим. Здесь принципиально то, что воля, в отличие от «воли к власти», и есть сублимированные влечения массовой души, то есть область существования массовой культуры. Поэтому дистанция между просто «волей» и – «волей к власти» такая же, как дистанция между абстрактным рассудком и действующим разумом, то есть, объективно, это дистанция между культурой и цивилизацией. Различие между просто «волей» и «волей к власти», фактически, определяет бесконечную пропасть и, можно сказать, ницшеанскую «бездну» между позицией разума, ориентированного на исторический горизонт будущего, и позицией абстрактного рассудка, ориентированного исключительно на настоящий момент времени.

Если мы поставим себе задачу: определить контуры будущей модели мировой цивилизации, то найдем его в той зачаточной конструкции лигаристического союза, которая, фактически, является советской моделью государственности, которую здесь создали фронтовики второй мировой войны. Менее всего, мы склонны идеализировать эту систему, поскольку она еще не является средневековым опытом истории новой модели мировой цивилизации, ибо не

обладает каким-то разумным опытом существования. Мы говорим о другом. Эта модель является определенной фрактальной политической структурой, где «неварварское» пребывает еще в полностью варварском мире. Для нас важно здесь определить точку определенного топологического «роста» фрактальной структуры метафизического пространства нового мира, а она, как мы утверждаем, существует в попытке сделать метафизическое ощущение времени основополагающим в системе новейших коммуникаций между людьми. Не случайно, по этой причине, центральная политическая программа ТВ в СССР получила название «Время» как определенная точка отсчета новой модели мировой цивилизации. Так, и христианские и, аналогичным образом, мусульманские храмы в свое историческое время обозначили топологические точки роста новой модели мировой цивилизации на обломках языческого мира.

...

В чем, в основном, проявляется характер Темных Веков в современной России? Мы утверждаем, что он выражается в отсутствии какой-то элементарной взаимосвязи между разумными людьми, которые вынуждены существовать здесь как в своего рода «темном лесу» иррациональных процессов псевдоцивилизации. Так, тем, кто «верит» в ценность научно-технического прогресса, или в существование бога, конечно, легко пребывать в этом мире мифологических представлений о реальности, поскольку их согревает тепло «человеческой» культуры. И не важно, из чего проистекает это «тепло»: из религиозных мифов или из мифов о высшей значимости научно-технического прогресса. Главное, что эти люди, сознанием которых владеют мифологические представления, как-то взаимосвязаны в массовом обществе, то есть «социализируемы» в качестве ее субъектов. То, что эти субъекты неразумны, это уже во-

прос будущего развития новой модели мировой цивилизации, когда придется создавать рациональные коммуникации лигарилистического союза практически из «ничего». Впрочем, это фундаментально рациональное «ничто» философского учения Ницше вот уже более ста лет висит в воздухе «переоценки ценностей».

Другой проблемой современной российской государственности является определенное политическое «качество» человека, когда ее современные политические институты являются не следствием процесса развития мировой цивилизации, а следствием развала на обломках Российской империи государства-орды Советского Союза. В этом смысле, политический «Шариков» современной России вместе с неуничтожимым «Швундером», как два основных ее социально-политических архетипа, остаются ее единственным политическим материалом, который даже теоретически не дает возможности появления в российской политической среде рядом с ними разумного человека. И если разумный человек все-таки каким-то чудом попадает в эту социально-политическую среду, то он вынужден встраиваться в нее за счет постоянного процесса собственной деградации, поскольку племенные инстинкты самых низменных сторон человеческой души, вырвавшиеся вместе с нашествием большевистской и перестроечной орды на развалинах Российской империи, и, став при этом психологической основой политического архетипа российской власти, практически тотально доминируют здесь в наше историческое время.

...

Размышляя над происхождением природы *Homo sapiens*, мы должны констатировать, что в наше историческое время мы не знаем о ней практически ничего. Известен лишь миф о происхождении человека от примата, имею-

щий полностью материалистическую основу, то есть предполагающий, что между человеком и животным нет каких-то фундаментальных различий в силу представления о единственности существования материального мира. Мы же утверждаем, что в разумной действительности все существует наоборот. Мы полагаем, что разумный человек присутствует только там, где существует метафизика мира, то есть разум, вообще говоря, всегда есть что-то «сверхчеловеческое», которое топологически определяет фрактальные грани исторического процесса постоянного «заметания» мусора старых и новых мифов авангардными идеями развития мировой цивилизации. Точка отсчета, выбранная нами для понимания происхождения разумного человека, а именно, пространство существования воли к власти, кардинально отличается от минимальных импульсов воли, которые определяют реальность массового общества, где эти импульсы возникают в результате сублимирования подсознательных животных влечений психики. Мы полагаем, что воля человека, функционирующая только за счет процесса сублимирования подсознательных влечений, определяет реальность не Homo sapiens, а Quasi Homo, то есть того, что Ницше называл «неполноценностью» человеческой природы. Здесь необходимо понимать, что «полноценность» существования мировой цивилизации есть результат присутствия воли к власти в рациональных коммуникациях между людьми, где эти коммуникации должны отображать реальное воздействие производства высших ценностей на непосредственную жизнь человека. То, что современный человек старается помнить абстрактно о высших ценностях исторического прошлого, — это, конечно, хорошо, но слишком мало для того, чтобы между людьми присутствовали рациональные коммуникации. Цивилизация требует, чтобы высшие ценности производились по-

стоянно, то есть требует существования человеческой среды, где благородство человеческой души, а не нее тотальная низость, были бы критерием человеческих взаимоотношений. Понятно, что такой средой, исторически, всегда была только политическая среда аристократии, причем только эта среда производила высшие исторические ценности. Но в наше время мы наблюдаем лишь мертвые «мумии» аристократии исторического прошлого, которые, как театральные куклы, развлекают демонстрацией своего образа жизни грубые нравы неразумной толпы, как, например, в современной Англии.

Почему современный человек так стремительно деградирует в наше историческое время, хотя научный прогресс, наоборот, постоянно набирает свои производственные обороты, можно понять, сравнив наше время с аналогичным периодом становления монотеистической веры две тысячи лет назад. Ведь и тогда строилось все больше и больше храмов, тогда как мировая цивилизация стремительно погружалась в Темные Века. Причины этой деградации следует видеть в том, что, разрывая со старыми представлениями о метафизическом мире, очень трудно утвердить в непосредственной жизни новую метафизическую границу. Так было с верой в единого бога и, аналогичным образом, в новейшее историческое время происходит с верой в разум. Можно сказать, что в Темные Века человек вновь оказывается «отброшенным» к основанию низшей точки «каната» между сверхчеловеком и животным, максимально приближаясь к своему животному существу. В этот момент, высшие принципы веры мало влияют на его психическое состояние, поскольку воля к власти как основа коммуникаций между людьми в этот исторический момент почти полностью «угасает». Но люди продолжают существовать в культуре: ходят на выставки, в театры, слушают классиче-

скую музыку, хотя все признаки цивилизации вокруг них, то есть рациональные коммуникации, исчезают. Это объясняется тем, что подавляющее большинство людей довольствуется лишь двумя низшими познавательными способностями: непосредственным чувственным восприятием и абстрактным рассудком, то есть такими способностями, которые не могут различать: мифологическое — от разумного. Человеку вообще не свойственно рисковать на метафизическом уровне существования. Максимально на что способен человек в культуре, — это на «человеческий» риск, то есть риск, в котором не теряется взаимосвязь с непосредственной чувственной реальностью. Рассудок же в качестве субъективного разума, всегда стремится вперед, к подлинной объективности как к истине разумной действительности. Он не может быть абстрактным, поскольку жизнь — это не абстракция, а суровое требование выполнения своего долга перед необходимостью стремления к максимальным вершинам познания наиболее рискованных границ метафизического мира, когда этот долг связан с чем-то сверхчеловеческим.

То, что для нас является очевидным, с позиции объективного исторического разума, так это факт почти полного исчезновения контроля разумного человека над политической реальностью в мире. Причину следует видеть в том, что мифология веры в научно-технический прогресс, имеющая своим аналогом веру в единого бога две тысячи лет назад, активизирует в процессах псевдоцивилизации не разумного человека, а тип *Quasi Homo*, который исключительно активен за счет своей неразумной «деловой» суеты. Но с позиции разума эта активность практически «нулевая», поскольку в ней отсутствует разумная стратегия развития мировой цивилизации. То, что эта бессмысленная активность именуется в массовой системе ценностей не

иначе, как «бизнес», доказывает лишь то, что разумный человек практически полностью сдал свои позиции в современных процессах массовой псевдоцивилизации, и что ему необходимо восстанавливать эти позиции практически с «нуля». Впрочем, этот исторический факт был замечен уже Ницше столетие назад, получив название в его философии субъективного разума — «нигилизм».

...

Для нас очевиден тот факт, новейшие исторические события, под влиянием которых сложились социальные политические структуры в последние десятилетия, в наше время требует кардинально по-новому осмыслить сущность разума. Единственное, что можно точно сказать о природе происхождения разума в наше время, так это то, что он каким-то образом объясняется с точки зрения бессознательной природы человека. Причем, эта природа имеет два полярно противоположных источника: подсознательный инстинкт самосохранения человека, который характеризует его биологическую сущность и подсознательный инстинкта смерти, связывающий его с метафизическим миром. Таким образом, высшая природа человека взаимосвязана с его подсознательным инстинктом смерти, если мы будем искать принципиальное отличие ценностей культуры — от ценностей мировой цивилизации. Можно сказать, что, с точки зрения активности подсознания человека, культура и цивилизация — это антагонисты, тогда как с позиции представлений «человеческого» рассудка, — они суть нечто целое.

Размышляя над происхождением разума в человеческой душе, мы должны осознавать, что достижения научно-технического прогресса, с позиции понимания новейшей объективности разума, являются достижениями человека лишь в области культуры. Ведь позиции высших ценностей

в оценке научных достижений — это прежде всего великие научные открытия, которые резко «перекраивают» старые научные представления, то есть, вообще говоря, наука, действующая в соприкосновении с новейшей философской мыслью, или фундаментальная наука. Именно поэтому все научные идеи, лежащие в основе революционных взглядов науки, развивали философы-метафизики, такие, например, как Пифагор, Декарт или Лейбниц, тогда как исторический переход модели мировой цивилизации — в стадию псевдоцивилизации определялся значительным научно-техническими прорывом, где следы фундаментальной научной мысли теряются. На этот момент, как известно, обратил внимание Шпенглер. Метафизика, таким образом, как мы утверждаем, является основанием существования внутренних процессов мировой цивилизации в качестве коммуникаций импульсов воли к власти рациональной психологии человека. И если еще два столетия назад этим топологическим пространством метафизического мира была вера в единого бога, метафизика которого развивалась в качестве научного знания о мире, то новейшая метафизика в русле субъективной идеи о «смерти бога», возможна только в качестве метафизики онтологического потока времени. Вот только вера в разум в наше историческое время деградировала почти полностью. А чтобы эта деградация не была заметна, современное информационное массовое пространство псевдоцивилизации максимально насыщено мифологией, утверждающей, что научно-технический прогресс и есть разумное основание развития мировой цивилизации. В аналогичное время Темных Веков две тысячи лет назад подобной мифологией являлось утверждение, что посредником между богом и человеком на земле являются христианские церкви и монастыри. Так и современная мифология веры в то, что «разум» является производ-

ной от научно-технического прогресса, определяется в качестве границы: между разрушенной моделью мировой цивилизации и новой зарождающейся моделью. Мы видим, что субъективный разум в философии Ницше «нащупал» эту границу новой средневековой модели будущего не только в ее периодически повторяющейся конструкции (идея «вечного возвращения»), где «сверхчеловек», по определению Ницше, есть «монах» и «воин» одновременно, но и в качестве работы высшей подсознательной психики, то есть в импульсах воли к власти как необходимого условия существования рациональных коммуникаций между людьми. Пропасть между напряжением «каната» над бездной в стремлении к сверхчеловеку и, наоборот, возвращение к животному состоянию души с проявлением минимума воли в результате сублимирования подсознательных влечений массовыми ценностями культуры, выражается в постоянной «атаке» инстинкта смерти, в первом случае, и во власти инстинкта самосохранения, во-втором. Таким образом, мы видим, что сознание разумного человека уже на уровне подсознания направлено не к непосредственности чувственных ассоциаций, за счет которых формируются представления абстрактного рассудка, а на то, что, собственно, не имеет своего образа в непосредственности жизни. В этом смысле, становится понятно, что и идея существования божественного начала мира, начиная от момента зарождения мировой цивилизации, проистекала именно из этой не ассоциативной глубины ощущения жизни, в которой мир идеальный и материальный топологически «раслаивается» на низшие и высшие ценности. Поэтому полагать, как это представлялось в коммунистическом учении, что религия — это «опиум для народа», является глубоким заблуждением. Мы полагаем как раз наоборот, следуя за учением субъективного разума у Ницше, что идея о «смер-

ти бога» демонстрирует невыносимую сверхчеловеческую боль в том месте, где должно быть необходимое соприкосновение с метафизическим миром. Эта боль проистекает из-за того, что в этом месте человеческой души, где она должна соприкасаться с чем-то сверхчеловеческим, угас тысячелетний «огонь», который питает подсознательные импульсы воли к власти.

Размышляя над принципиальным различием между волей и влечением, мы должны понимать, что воля к власти всегда определяет собой метафизическое присутствие мира, в котором существует нечто сверхчеловеческое в природе человека. Другими словами, в этом пространстве разум всегда оказывается в авангарде развития мировой цивилизации, тогда как результаты «обжитого» достижения этого авангарда, выражают позиции человеческой культуры. Культура, можно сказать, аккумулирует минимум «человеческой» воли, то есть пространство, в котором человек обезопасил себя от разрушительного воздействия исторического времени. Вообще, с точки зрения объективной позиции действующего разума, воля к власти — это и есть власть идеи, то есть власть сверхчеловеческого начала в глубинах человеческой психики — над «человеческим» существом. И чем примитивней идея, тем меньше в ней метафизического понимания мира, например, в коммунистическом учении. Ведь в основе коммунистического учения лежат максимально банальные истины на уровне бухгалтерского учета, которые нехитрой математической азбукой доказывают существование различных исторических классов, использующих более или менее эффективные средства производства. Понятно, что этот линейный принцип понимания развития процессов мировой цивилизации в истории в наше время является ложным. Топология развития внутренних процессов мировой цивилизации пока-

зывает, что линейными в понимании событий мировой истории могут быть только представления об этих событиях, то есть возможности абстрактного рассудка анализировать непосредственные чувственные восприятия и, соответственно, активизировать низшие, массовые, человеческие инстинкты, которые почти не касаются событий мировой истории. В этом смысле, теория марксизма оказывается истинной, то есть вполне справедливой, когда утверждает, что вслед за исчерпанием воли к власти рациональных коммуникаций мировой цивилизации, следует активность человеческих масс. И действительно, в пространстве низших ценностей культуры, коммуникационные основы массовой псевдоцивилизации оставляют для активности человека только производственно-технологические процессы. В контроле над этими процессами полной властью обладает абстрактный рассудок. Можно сказать, что в подобном состоянии психики разум человека «спит», причем, этому сну не мешает активная деятельность абстрактного рассудка. Собственно, по этой причине огромная сеть психоаналитиков в системе псевдоцивилизации работает исключительно в пределах воздействия на массовое подсознание человека. Воздействовать на расовое подсознание человека, очевидно, психоаналитик, как специалист, в отличие от священника не может, поскольку сфера его воздействия ограничена исключительно чисто «человеческой» областью психики.

Размышляя над известными эмоциональными выпадами Ницше против классической метафизики, следует понимать, что они обусловлены тем, что новейшие позиции субъективного разума оказались в принципиально новом метафизическом пространстве существования объективного мира, где идея божественного начала воспринимается как недействительная по отношению к метафизической

энергии воли к власти. Но существует ли какая-то «вера» в философии Ницше? Ведь многие поверхностные мыслители, особенно российские, далекие от разумного понимания мира, полагали, что она несет в себе именно определенную «магию» какой-то новой веры. Мы утверждаем, с позиции объективного исторического разума, что веры какой-то в этой философии быть не может, что проистекает, собственно, из самого философского названия учения Ницше — «нигилизм». Безусловно, в философии сверхчеловека существует наивысший эмоциональный подъем, вызванный открытием новизны позиции субъективного разума, однако это новейшее метафизическое пространство не несет в себе ощущения спасения, как это отчетливо выражено в монотеизме. Наоборот, эта философия, можно сказать, целиком и полностью указывает на «бездну», которая уничтожает «человеческое» в процессе движения к «сверхчеловеческому». Таким образом, если искать начало происхождения разумного человека, то его следует видеть не в процессах биологической эволюции, где история «разума» разворачивается как линейный процесс наращивания научно-технического прогресса, а в построении модели мировой цивилизации, которая начинает функционировать только тогда, когда начинается производство высших ценностей из очередного цикла возвращения разума из пустыни Темных Веков.

...

То, что мы наблюдаем в мифологическом пространстве представлений массовой культуры Темных Веков в современной России, так это попытку выдать новую волну активности «большевизма» примитивных племенных варварских сил, вырвавшихся из-под влияния зачаточной конструкции лигаристического союза, которую здесь удалось создать фронтовикам после второй мировой войны —

за что-то причастное российской истории. Ясно, что в этой варварской, по отношению к историческому разуму социально-политической среде, не может существовать какой-то «олигархической» системы, поскольку любая политическая олигархия хотя бы в минимальной степени причастна историческому разуму. Эти современные российские «олигархи», как, впрочем, и «олигархи» на политическом пространстве всего бывшего социалистического лагеря, больше напоминают в своей деловой активности энергичных «папуасов» по отношению к разумным процессам развития мировой цивилизации, чье богатство они получили в результате разграбления зачаточной конструкции лигархического союза. И здесь мы не питаем иллюзий и, тем более сожалений, по поводу утраты какой-то «веры» в коммунистические ценности, исчезнувшей вместе с СССР, поскольку низшие ценности, которые лежат в основе этого политического учения, враждебны исторической сущности разума, формирующейся за счет производства высших ценностей. Так, и первые христиане в момент распада Римской империи искали какие-то новые символы веры. Для нас же принципиален тот исторический факт, что вера не меняет внутреннюю структуру мировой цивилизации, а лишь разрушает ее осколки, которые она «крошит» до того момента, пока не сотрет их в «пыль». Понятно, что по этой причине человеческой «пылью» и становится активность Quasi Homo, этого энергичного «опарыша» на территории разгромленной Российской империи, или интеллектуального кочевника, если мы рассматриваем пространство существования осколков западноевропейской модели развития.

То, что стало доминирующим мифом в массовом сознании, на котором держатся внутренние связи современной псевдоцивилизации, так это функциональные возможно-

сти финансового рынка, который определяет социальную значимость человека в массовой культуре в процессах псевдоцивилизации. Метафизика в этой системе представлений о финансовых потоках, воспринимается, наоборот, как нечто «мифологическое», поскольку для двух низших возможностей познания: абстрактного рассудка и непосредственного чувственного восприятия метафизический мир недоступен. Впрочем, метафизический мир все-таки существует в иррациональных процессах массовой псевдоцивилизации, хотя его возможности и сведены к минимуму. Мы имеем ввиду метафизическую сущность времени, которая воспринимается в сознании человека исключительно как математический процесс в отсчете времени в «человеческих» часах.

...

Операции абстрактного логического мышления в представлениях о мире стали основой коммуникаций иррациональных процессов массовой псевдоцивилизации. При этом, очевидно, что такого рода функциональность мышления, на которое, как известно, опирались ценности европейского Просвещения, имеют достаточно косвенное отношение к пониманию метафизической природы разума. И действительно, историческим аналогом ценностей эпохи Просвещения можно рассматривать появление христианских ценностей в еще пока полностью языческом мире Римской империи. Так, нужно было несколько веков, чтобы, во-первых, эта вера утвердилась в языческой империи, уничтожив ее богов, а, во-вторых, чтобы она заложила хотя бы слабый политический фундамент модели ее существования, который возник в особом кастовом пространстве рыцарских орденов. В этом смысле, можно сказать, что Темные Века истории западноевропейской цивилизации переходят в века Средневековья не из-за каких-то более

прогрессивных средств производства, как это представляется, например, в примитивном учении коммунизма, а в силу возникновения зачаточного коммуникационного пространства между разумными людьми в политической системе лигаристических союзов. Так, на фоне окружающих рыцарские ордена варварского пространства практически тотальной власти различных мифологических представлений о реальности, в них зародился начальный огонь воли к власти, который отображал самостоятельные рациональные связи становления новой модели мировой цивилизации, западноевропейской.

В чем же принципиальное отличие между системой массовых и рациональных коммуникаций? Мы утверждаем, что массовые коммуникации между людьми формируются на основе подсознательного инстинкта самосохранения человека, тогда как рациональные коммуникации — на основании подсознательного инстинкта смерти, который не может идентифицироваться с чем-то «человеческим». Уже здесь, на подсознательном уровне человеческой психики, выражается различие между культурой и цивилизацией, когда культура всегда стремится удерживать сознание человека в пределах какой-то мифологии ценностей, а цивилизация, наоборот, погружает его в постоянный риск по отношению к спасительной непосредственности чувственной реальности. Однако, например, в наше историческое время, когда началась пандемия коронавируса, вопрос о будущем развитии мировой цивилизации становится основным, поскольку модель развития западноевропейской основы цивилизации исчерпана, а новая модель еще не существует. Именно здесь мы должны обратить внимание на тот факт, что по отношению к объективному историческому разуму вопрос об исчерпании западноевропейской модели развития мировой цивилизации является одним из

наиболее актуальным. И злорадствовать по этому поводу не имеет смысла, поскольку разумный человек, построивший ее модель, просто «сжег» свои расовые ресурсы воли к власти, что происходило всегда в мировой истории, когда тензоры воли к власти уступали место комплексам бессознательных влечений. В результате, культура растворяет в себе разумные импульсы существования мировой цивилизации, сосредотачивая сознание человека на развитии лишь уже достигнутых рубежей знания, не в состоянии производить новые идеи в различных областях знания.

Когда мы утверждаем, что началом бытия в метафизическом пространстве новой модели мировой цивилизации является время, то полагаем, что тензоры воли к власти указывают на такие коммуникации между людьми, где «земные» ценности являются низшими. Понятно, что здесь человек участвует в чем-то сверхчеловеческом, то есть в таком историческом событии, которое характеризуется индивидуальной отрешенностью психики от сублимированных влечений, где выражается его причастность массовой культуре. Ясно, что минимумы и максимумы напряжения действия воли, с одной стороны, выражают комплексы подсознательных влечений человека, а с другой, тензоры воли к власти, которые указывают на существование метафизического пространства сверхчеловеческого в коммуникациях между людьми, или на известный ницшеанский канат над «бездной». Причем, мы должны понимать, что если движение к канату начинается с животных подсознательных влечений, где человек лишь пытается «занести» ногу на этот канат, то наивысшая высота над бездной человека по этому канату совпадает с увлечением его высших слоев психики в процесс производства высших ценностей. Таким образом, высшее психическое состояние человека, в котором формируются импульсы воли к власти, обращены не

к непосредственным ассоциациям чувственного восприятия, которое зависит от «человеческого» подсознательного инстинкта самосохранения, а к непосредственности самой идеи жизни. ведь идея жизни всегда полнее, чем непосредственная жизнь, поскольку эта полнота суть метафизическая сущность времени в откровении нового мира.

...

Почему мы утверждаем, что современная историческая российская реальность выражает Темные Века по отношению к объективному разуму мировой истории? Главный аргумент состоит в том, что ее политическая и социальная система существует вне рациональных коммуникаций, которые выражают присутствие в непосредственной жизни человека какой-то основы высших ценностей. Собственно, высшие ценности — это и есть те импульсы воли к власти, которые демонстрируют присутствие определенного «очага» развития мировой цивилизации. При этом различные мифологические представления: от традиционных, связанных с верой в единого бога — до новейших, обусловленных верой в научно-технический прогресс, образуя иррациональные связи массовой псевдоцивилизации, касаются лишь позиций абстрактного человеческого рассудка, который, оперируя известными представлениями о реальности, не относится к объективности исторического разума. Все эти подсознательные комплексы, за счет которых происходит коммуникация в социально-политической системе массовой псевдоцивилизации, суть минимальные импульсы воли, возникающие за счет сублимирования подсознательных животных влечений психики. Понятно, что эти минимальные импульсы воли, которые, например, в философии Канта полагаются единственным пониманием существования «человеческой» воли с позиции абстрактного рассудка, исключают существование ницшеанской

«бездны». В этом смысле, теория психоанализа вполне справедливо полагает, что с древнейших времен культура накладывала на это состояние человеческой психики табу, то есть исходила из того понимания, что подавляющему числу людей не под силу постоянно смотреть этой «бездне» в глаза.

Важнейшим «инструментом» активности действия абстрактного рассудка в системе ценностей культуры является представление. Особенность этого инструмента, в отличие от инструмента разума, который использует различный материал, в зависимости от исторической эпохи, состоит в том, что представление человека необходимым образом является «человеческим». Так, собственно, «сверхчеловеческого» чего-либо в представлениях не предусмотрено. Именно здесь становится понятна важнейшая и, можно сказать, великая идея о существовании божественного начала мира, которая пронизывала все связи мировой цивилизации вплоть до новейшего времени. Причем, принципиально, рассматриваем ли мы политеистическую или монотеистическую веру, — главное, что на всем протяжении существования развития мировой цивилизации полагалось существование чего-то сверхчеловеческого, связанного с божественным откровением мира. Но новейшая модель мировой цивилизации, которая формируется на наших глазах, выражается иным сверхчеловеческим началом — временем, то есть такой метафизической силой, которую нельзя полагать: ни продуктом чисто материального мира, ни продуктом божественного мира.

В вопросе о происхождении расового начала *Homo sapiens*, менее всего мы можем опираться на миф о его биологическом происхождении. Так, попытки связать деятельность разума человека с физиологическими процессами его мозга, — это современное усилие абстрактного рассудка нашего исторического времени, аналогом которого мы нахо-

дим в Темных Веках попытки доказать непорочное зачатие Христа девой Марией. Ведь для того времени Темных Веков это было нормой человеческих представлений о происхождении мира. Впрочем, очевидно, что человеческое представление — это то, за счет чего существует определенная стабильность функционирования любой культуры. Она формируется бытовыми потребностями человека той исторической эпохи, к которой он принадлежит, а бытовая психология более свойственна, в первую очередь, определенной психологии матриархата. Таким образом, культура, если она не высшая, всегда базируется на чем-то крайне важном в бытовом смысле для человека. Не случайно, по этой причине, Платон в своем идеальном государстве класс торговцев с его бытовыми проблемами относил к реальности, где человеческая жизнь формируется исключительно непосредственными чувственными восприятиями, то есть к самой примитивной возможности познания мира.

Если мы поставим вопрос о происхождении разума в человеческой душе, то не сможем на него ответить, находясь в пределах мифологических представлений: как о существовании высшего божественного начала, так и опоры на научное знание, которое допускает существование только материальной реальности. Первое должно быть понятно, а вот второе требует определенных разъяснений, поскольку все последние века разумным полагалось то, что требовало научного обоснования. Как можно заметить по мифологическим представлениям массовой культуры, научно-технический прогресс в массовом обществе стал выполнять те же функции, что и институт христианской церкви в становлении модели западноевропейской цивилизации, то есть тотальный контроль над сознанием человека со стороны абстрактных операций человеческого рассудка. И если базой представлений о происхождении чело-

века и мира на заре становления модели западноевропейской цивилизации были истины Ветхого Завета, то для новейшей веры в истины разума, базирующие на знании науки, таковым стало полное доверие непосредственным чувственным восприятиям и, как следствие, эмпирическая достоверность в научном материалистическом понимании. Таким образом, мы находим фрактальные подобию событий мировой истории в процессах развития мировой цивилизации.

Если мы проанализируем историю государства Российского, то не найдем в нем полноценной модели самостоятельной цивилизации, однако все-таки обнаруживаем определенную самобытность русской государственности до момента разрушения после нашествия большевистской орды. Если искать какое-то историческое подобие модели русской государственности до 17-го года, то таким примером может быть существование микенской модели цивилизации, возникшей под влиянием великой египетской цивилизации. При этом, события разрушения микенской цивилизации нашествием дорийских орд подобны гибели Российской империи под ударами орд большевистских. Понятно, что для сознания «человека» дорийской орды или сознания «человека» большевистской орды происходящее представляется кардинально по-другому. Мы хорошо помним по воспоминаниям советской идеологической системы, как это представляется. А именно, как события «великой социалистической революции». Этот новый пролетарский «бог», утверждающий тотальное безбожие в мифологии представлений о чисто материальном мире, безусловно, вызвал активность пролетарских масс. Ясно, что этот новый «бог», «вера во всемирно историческую миссию мирового пролетариата», опирался на новейший миф о единственной реальности существования развития истори-

ческого разума в мировой истории — в научно-техническом прогрессе. Здесь подобие исторических событий очевидно, с точки зрения объективности исторического разума. Другое дело, что с позиции разума субъективного, а именно с позиции воли к власти, мы должны понимать, что в массовом сознании разум не может существовать. В массовом сознании, как это доказал психоанализ, существуют лишь представления, сформированные процессом вытеснения подсознательных животных влечений, которые, будучи обусловлены сексуальными импульсами, аккумулированы тотальным инстинктом самосохранения человека. В этом смысле, в «массовом порыве» вождения своей веры человек не имеет разумной индивидуальности. Поэтому вовлечение его сознания в новейшую систему мифологических представлений, обусловленных научным знанием, никак не приобщает его к разумному пониманию мира, а лишь увеличивает разнообразие представлений нового мифологического пространства, где тотальной властью обладает абстрактный научный рассудок. Преимущество представлений этого абстрактного научного рассудка перед представлениями абстрактного рассудка в системе религиозных мифологических представлений состоит в том, что они лишь расчистили место для построения новой модели мировой цивилизации. Однако чего-то разумного в среду человеческих коммуникаций они не привнесли. Этот факт можно отчетливо заметить, когда размышляешь над дикостью человеческих лиц в современной России. Достаточно лишь беглого сравнения лица власти России до нашествия большевистской орды и после гибели Российской империи, чтобы понять, что речь идет не о революции, а о национальной катастрофе. Но кто заявит об этом факте с позиции мифологических представлений о реальности в современной России, когда главная функция

мифа — это работа на инстинкт самосохранения человека, то есть деятельность в сфере культуры, а не цивилизации. Очевидно, что неразумный человек найдет, как «пристроиться» в иррациональных коммуникациях современной псевдоцивилизации: либо в системе ее новейшей мифологии, связанной с верой в технический прогресс, либо возвратиться к старой мифологии, как это, например, произошло в современной России, где Темные Века пугают своей зловещей неприязнью к разумным законам развития мировой цивилизации. Как мы видим по новейшим событиям мировой истории, любые культуры уживаются друг с другом, поскольку не обладают той разрушительной для человеческой психики энергией воли к власти, которая движет историческими процессами мировой цивилизации. Ну случайно, по этой причине, Ницше постоянно заявлял, что он в мировой истории «не человек, а динамит». Собственно, в культуре находится место для любых представлений, поскольку представление — это обработанный «шлак» действия исторического разума в воле к власти в процессе развития мировой цивилизации. Если мы дадим оценку сущности высшей культуры, которая кардинально должна отличать ее от культуры низшей, то должны понять, что речь идет о противоположности субъективного разума — абстрактному рассудку. Ведь субъективный разум — это тоже рассудок, только это рассудок не абстрактный, а оперирующий присутствием человека в метафизическом мире, то есть осознающий сверхчеловеческое в человеческом существе.

Как известно, одной из центральных идей Ницше была идея о господстве человека «высшего типа», или «сверхчеловеке». Здесь следует сразу оговориться, что к массовой психологии и, вообще, к массовой культуре сверхчеловеческое не имеет никакого отношения, поскольку авангардные

позиции развития мировой цивилизации требует максимального человеческого риска, собственно говоря, наибольшего движения по «канату над бездной» в сторону присутствия в метафизическом пространстве, где существует не «тепло» человеческой массы, а пронизывающий холод подсознательного инстинкта смерти как начальной точки метафизического пространства в глубинах человеческой души. Полагать же, как это представлялось в рассудочной культуре эпохи Просвещения, что метафизический мир христианской религии — это исключительно мифология представлений, имеет и обратную оценку, а именно понимание того, что чисто научное представление — это тоже определенного рода мифология, когда чисто абстрактные позиции рассудка образуют поток схематичных логических цепочек мыслей, исключая противоречие как необходимую сложность постигаемого явления. Здесь исключительно важную роль играет идея метода «опосредствования», которая в диалектике Гегеля несет важнейшую нагрузку для понимания рационального мышления. Сущность этого процесса «опосредствования» в диалектике Гегеля, как мы полагаем, выражается в понимании промежуточной границы понятия «ничто» в процессе логической взаимосвязи суждений, полагающих и снимающих противоречие, одновременно. Собственно, если упростить это достаточно сложное философское понимание процесса логического «опосредствования» в диалектике Гегеля до необходимости «человеческого» понимания на бытовом уровне, то мы попадаем в поле ценностей европейского нигилизма, то есть в поле действия философских идей Ницше. Таким образом, можно сказать, что Ницше был один из немногих, а, может быть, и единственный великий философ, который продолжил развивать философские идеи Гегеля с позиции новейшего разумного понимания

мира и человека. Так, если Маркс опирался в своей теории борьбы исторических классов на процесс опосредствования между чувственным восприятием и абстрактным рассудком, то есть пребывал исключительно в пределах гегелевского учения предельных переходов: от бытия — к сущности, то Ницше разрабатывал более «высокий» уровень диалектики рационального мышления Гегеля, который определяет взаимосвязь новейшего исторического субъективного разума в понимании сущности мира и человека, то есть логику перехода: от сущности — к понятию. И если экономическая теория Маркса и теория психоанализа Фрейда, фактически, опираются на ценности эпохи Просвещения с ее абсолютным господством абстрактного рассудка, то идея Ницше в образе известного «каната над бездной», — это интуитивное понимание границы между субъективным и объективным разумом в авангардных процессах развития истории мировой цивилизации.

...

Если оценить историческое положение разумного человека в современной России, то можно сказать, что он существует здесь «вне закона», поскольку в Темные Века мировой истории рациональные коммуникации между людьми отсутствуют, то есть здесь не предполагается присутствие разумной индивидуальности в политических событиях, где практически целиком и полностью действует иррациональный инстинкт человеческой массы. Понятно, что в мифологических представлениях о реальности, где доминируют позиции абстрактного рассудка, «человеческие» коммуникации существуют. Новейшие ли эти коммуникации, когда мы рассматриваем мифологию представлений научно-технического прогресса, или архаичные, если мы оцениваем представления религиозной веры, — это не суть важно. Важно то, что эта система иррациональных коммуникаций,

в которой активна позиция только абстрактного рассудка. При этом, не принципиально, на что опирается в ней абстрактный рассудок: на авторитет библейского писания или на научное знание, главное, что эта система представлений исключает иное, чем традиционно-базовое, основание знания. Однако законы развития философии иные. В отличие от абстрактного рассудка, который всегда стремится «очеловечить» метафизическую реальность до «человеческого» подобия, философское знание стремится к противоположной цели, — сохранить эту великую метафизическую границу между людьми, по отношению к которой только и могут развиваться внутренние разумные процессы мировой цивилизации. В этом смысле, субъективная позиция разума воли к власти как раз и демонстрирует присутствие этой метафизической границы между людьми, которая утверждает, что объективность разумного мира не может измеряться низшими ценностями. Как раз наоборот, объективность разумного мира существует только тогда, когда высшие ценности воспринимаются не в качестве чего-то мифологического, что уже обжито культурой, а в качестве недостижимой границы, к которой необходимо стремиться, чтобы быть. Понятно, что подобной границей многие тысячелетия в судьбе мировой цивилизации была идея существования высшего существа, бога, или богов, что, собственно, действительно было одной из величайших идей, которые существовали в истории мировой цивилизации. Поэтому мысль о «смерти бога» в философии Ницше, в первую очередь, указывает на принципиально новую метафизическую границу, к которой обращен субъективный разум в авангардном понимании событий мировой истории. Попытки же классифицировать эту позицию субъективного разума как «волюнтаризм» и «иррационализм», фактически, направлены против естественной для филосо-

фии необходимости развиваться по собственным внутренним законам, не опираясь на тот инструмент, который до некоторого момента времени был для нее в истории основным, то есть знания науки. В вопросе же: на что тогда опирается субъективный разум, если не на научное знание? — мы должны понимать, что он опирается на объективность исторического факта исчезновения метафизической границы, в пространстве которой развивались основные рациональные идеи классической западноевропейской научной философии. И здесь, можно вспомнить, как изменялось отношение к метафизической границе в процессе становления западноевропейской классической философской мысли. Оно характеризовалось, в первую очередь, тем, что под «метафизическим» стало пониматься такое знание, которое, опираясь на новейшие достижения науки, выстраивает единые представления о происхождении о мире и Вселенной как логически обоснованное. Но метафизическое — это то, что не относится к непосредственным чувственным ассоциациям. В этом смысле, конечно, континентальная западноевропейская классическая школа рациональной мысли принципиально отличается от рациональной английской школы тем, что последняя под «метафизическим» понимала некий план Творца, воспринимаемый как реальность непосредственных чувственных ассоциаций, который может быть постигнут только через анализ данных научного эксперимента. Ведь в отличие от английской школы рациональной мысли, Декарт все-таки учил о «врожденных идеях», то есть полагал, что разумный субъект — это не только научный метод мышления, на который он предлагал опираться, но и великая граница между физическим и метафизическим миром, где непосредственные чувственные ассоциации дают лишь часть воспринимаемого. А если непосредственные чувственные ассоциации — это

только часть информации от внешнего мира, то остается единственное, на что еще может опираться разум в своем восприятии — эстетическое созерцание мира. Именно здесь мы обнаруживаем наибольшее понимание идеи «каната, натянутого над бездной», поскольку сознание оказывается наедине с подсознательным инстинктом смерти, как начальной точкой подлинной человеческой индивидуальности, производящей импульсы воли к власти, которые определяют авангардные пути развития мировой цивилизации, практически полностью «размазывая» непосредственные чувственные ассоциации в этом движении над «бездной». И, собственно, отличие процесса сублимированных влечений, которые создают минимумы «человеческой» воли для социальной массовой коммуникации, от максимумов воли, которые суть воля к власти, выражается в «пропасти» дистанции, существующей на ницшеанском «канате» со стороны подобия человека — обезьяне, с одной стороны, и со стороны присутствия в метафизическом мире авангардного горизонта развития мировой цивилизации в противопоставлении сверхчеловек — человек, с другой. Одновременно, это есть пропасть между ценностями абстрактного рассудка и действующего разума, поскольку абстрактный рассудок всегда стремится оставаться в поле знакомых представлений в различных областях знания. Риск же постигающего субъективного разума, рассуждающего от имени метафизического мира, состоит в том, что он ориентирован не на «земное», которое определяет бытовое сознание людей, а на идеи, которые кажутся крайне разрушительными для представлений людей определенной исторической эпохи.

Марксистская теория вполне справедливо полагала, что движущей силой мировой истории в конце существования очередной модели мировой цивилизации являются массы

пролетариев и рабов. Но одновременно, можно заметить, что в конце существования любой модели мировой цивилизации абстрактный рассудок начинает опираться на экономические модели, связывающие функционирование осколков цивилизации в процессах псевдоцивилизации. Другое дело, что фундаментальная наука практически исчезает в момент полного распада очередной модели мировой цивилизации в эпоху расовой катастрофы, поскольку фундаментальная наука — это необходимая часть существования внутренних рациональных коммуникаций между людьми. И здесь также оказывается прав Шпенглер, утверждающий, что в механизме финансовой системы по самому минимуму еще по инерции продолжает функционировать осколки развалившейся модели мировой цивилизации. Этой новейшей мифологией сознания нашего времени, на которой держатся осколки старой модели мировой цивилизации, является американский доллар, регулирующей «игру» на мировых финансовых рынках. Сама «игра» в этой исторической ситуации доказывает тот факт, что разумный человек практически полностью потерял контроль за политической ситуацией в мире, поскольку разумное в самом своем основании исключает инфантилизм игровой реальности. Вообще, «игровая» психология в политической реальности современного массового общества исключает наличие в принципе в ней разумных политических сил.

Если кратко сформулировать объективный смысл названия философского учения Ницше, «нигилизм», то его разумное объяснение может быть только одно, — это необходимость строительства рациональных коммуникаций между людьми практически с «нуля». Этот «нуль» — пространство массовых коммуникаций, в которых не предусмотрено присутствие разумного человека. Так, многообразие психоана-

литических «комплексов» массового бессознательного, за счет которых формируются иррациональные коммуникации массового общества, создает ту инфантильную систему низших ценностей культуры, с ее культом материального потребления, где абстрактный рассудок занимается разнообразной «игрой»: в науку, в политику, в искусство и другие виды деятельности. Тензоры же воли к власти, которые «натягивают» пространство существования метафизического мира в высших слоях человеческой психики, где доминирует подсознательный инстинкт смерти и где протекает историческая система рациональных коммуникаций между людьми, пока что существуют на самом минимуме начальной фазы принципиально новой модели мировой цивилизации, а именно — координации действия людей в массовом обществе на основании течения механического времени. Здесь мы обнаруживаем подобие начала становления новой модели мировой цивилизации на заре появления монотеистической веры, когда она стала распространяться в христианских храмах и исламских мечетях.

Если указать на наиболее профессиональный метод формирования «игрового» политического пространства в современном массовом обществе, то следует обратить внимание на игровую технику американских политических шоу. В них разумный характер политической реальности сведен до нулевого уровня, поскольку здесь отсутствует то, что является необходимым критерием разумного политического события — присутствие исторического времени. Так, даже мистерия пролетарской культуры, возникшей на развалинах Российской империи, давала ощущение исторического пространства, когда эти варварские массы людей упивались своей дикой «свободой». Мы предполагаем, что нечто подобное существовало и на развалинах Римской империи, где бродили германские варвары, пытаясь подра-

жать уничтоженному величию былой империи. А изменилось ли что-то в России после 91-года, когда попытка создать лигаристические союзы на территории бывшего соц. лагеря закончилась полным провалом и разграблением, фактически, собственности зачаточной политической конструкции этих союзов? Мы существенных изменений не видим. Разве что эти варварские массы людей объявили себя: «русскими», «украинцами», «поляками», «латышами», то есть всеми теми народами, которые обладали определенными чертами индивидуальности до нашествия большевистской орды. Но законы мировой истории суровы. Национальная элита этих народов была почти полностью уничтожена в огне становления новой модели мировой цивилизации. Эти трагические события можно, конечно, игнорировать в системе мифологических представлений об исторической реальности, которые доминируют в массовом сознании. Но массовое сознание — это продукт детского, инфантильного состояния человеческой психики, в котором взрослый человек не развивается до того минимума мужества, которое гарантирует в нем наличие разумной индивидуальности. Собственно, и сама природа «мужества» стала чем-то «запретным» во псевдodemократической системе западноевропейского массового общества, в котором, по факту, установилась власть матриархальной психологии человека, когда присутствие мужчины в политической жизни возможно только при условии в нем отсутствия минимального мужества. Полагать же, что в современной России присутствует этот минимум «мужества» воли к власти как условия существования рациональных коммуникаций, также нельзя, поскольку здесь отсутствует то необходимое, что требуется для строительства самостоятельной модели цивилизации, — уничтожение дикой натуры варвара, которую не скроишь ни за награвленной соб-

ственностью, которая до этого была священной собственностью зачаточной конструкции лигаристического союза, ни за примитивной политической болтовней СМИ, рассчитанной на человека, в ком отсутствует разум. В пределах представлений этой примитивной современной массовой культуры в России неразумный человек путает: агрессивную дикость энергии варвара, которая существует за пределами законов развития мировой цивилизации, с мужеством высшей природы человека, которая создавала ее принципиально новые политические системы за счет того, что «впитывала» в себя высшие ценности всего исторического прошлого. Но в России произошло обратное. Здесь неразумная среда людей, далекая от понимания законов исторического разума, подняла на щит низшие ценности коммунистического учения, что стоило русским: разрушения своего государства и уничтожения национальной элиты как «классового врага». И, собственно, здесь до сих действует этот дикий племенной «вождизм» в отношениях людей в основе активности всей социальной-политической системы.

Главным и, можно сказать, фундаментальным отличием рациональных коммуникаций от массовых коммуникаций, то есть отличием существования цивилизации от псевдоцивилизации, мы полагаем то, что люди, в первом случае, общаются на основе подсознательного инстинкта самосохранения, а во втором случае, на основании подсознательного инстинкта смерти. Это доказывает все историческое прошлое мировой цивилизации. Но в современной России отсутствует то, что должно определять элементарную конструкцию самостоятельной модели мировой цивилизации, — политической элиты, поскольку дикие варварские импульсы, вырвавшиеся здесь с момента нашествия большевистской орды, практически полностью исключают

взаимосвязь между собой разумных людей. В этом смысле, мы возлагаем надежду исключительно на загадочную политическую конструкцию, которая возникает в Темные Века мировой истории, а именно на систему функционирования лигаристических союзов, этих политических структур, прерывающих Темные Века за счет установления между ее субъектами импульсов воли к власти как доверия друг другу по отношению к метафизическому ощущению мира. Причем, можно заметить, что опыт этих союзов в самой примитивной и, можно сказать, полудикой форме уже есть во всем мире. Назовем лишь самый значительный подобный опыт: фашистский режим в Германии, коммунистический режим — в России, маоистский режим — в Китае. Понятно, что эти полудикие политические режимы были обречены в силу отсутствия в них отчётливости разумного понимания происходящего. Эти политические режимы напоминают нам очень влиятельные мировые секты в Темные Века становления христианской веры, когда, с одной стороны, со старыми представлениями порвать невозможно, а с другой, новое понимание происходящих исторических событий еще не существует. Одновременно, мы замечаем, что современная Россия вновь скатывается к варварству, если учесть профанацию современных официальных идеологических попыток связать: опыт государства Российского, разгромленного большевистской ордой, с современным политическим строем России. Как его только не называют в представлениях, существующих здесь за пределами разума, ее современную политическую систему: и «олигархической», и «суверенно-демократической». Но с точки зрения объективного исторического разума в действительности здесь есть только самая примитивная самоорганизация человеческих масс, то есть некое шевеление племенных кланов, которые возникли на территории разрушенной Рос-

сийской империи, и до сих пор доминируют в ней. В Российской же империи все-таки существовала зачаточная цивилизационная модель, правда, очень подражательная. Но она имела определенный индивидуальный политический «центр», выражала определенную индивидуальность человека, которую нетрудно найти в ее выдающихся представителях. В советский же и современный российский период истории, как мы видим, это индивидуальное начало человека было практически полностью утрачено, поскольку все индивидуальное здесь, начиная с периода советской власти, выводилось из «массового», то есть неразумного, существа человека. Достижения же в науке и технике, которые действительно были выдающимися в период советской власти, следует относить к безусловной вере в «разум» на основании его полного отождествления с научно-техническим прогрессом. Именно из этой веры проистекала вся эта идеологическая эклектика «исторического материализма» советского учения коммунизма, в которой человеческая масса полагалась движущей силой мировой истории. «Дух» был полностью уничтожен в этой теории как «враждебный класс», а вместе с ним была ликвидирована и какая-то минимальная предпосылка для существования разумной индивидуальности человека.

То, что мы наблюдаем в современных событиях мировой истории, безусловно, уже ранее в ней происходило, поскольку все мировые исторические события обладают свойством подобия, которое описал в своей концепции Шпенглер. Мировая история — это вообще топологическое «дерево» множества подобных исторических событий. Другое дело, что единая архитектура мира принципиально различна в различные исторические эпохи. В этом смысле, уникальность математического знания состоит в том, что оно сохраняет в памяти человека исключительно «ске-

лет» усилий воли к власти определенной исторической эпохи, а не его авангардные позиции. Это очень точно заметил Шпенглер в своей исторической концепции мировой истории. То, что этот «скелет» не «живой», поскольку выражает только чистую абстракцию течения рассудочной мысли, способен постигнуть лишь разум, поскольку абстракция, текущая в представлении, ограничена исключительно настоящим моментом времени. А настоящий момент времени всегда может быть описан какой-то математической моделью, то есть переведен в наиболее схематичную конструкцию абстрактного представления. Так формируется система мифологических представлений своей исторической эпохи, то есть всегда стремится к максимальному абстрагированию от разрушительных импульсов воли к власти.

Если оценить ситуацию на территории бывшей Российской империи с позиции объективного исторического разума, где осколки новейших перестроечных орд пытаются имитировать «преемственность» с историей государства Российского в мифологическом пространстве социальной жизни, то следует понять, что эти тщетные усилия обречены на полный провал. В пространстве разумной исторической действительности движение к построению самостоятельной модели цивилизации может происходить только из зловещего опыта существования советского режима, где единственным светлым пятном Темных Веков была победа во второй мировой войне. И действительно, название «великая отечественная война» она получила не случайно, поскольку это единственный эпизод Темных Веков российской истории, где дух предков ворвался во мрак беснующихся на обломках империи орд. Примечателен, в частности, тот факт, что пролетарские мифологи постоянно внушали полудиким массам людей, которые остались

здесь после почти тотальной ликвидации национальной элиты, что необходимо быть «культурным» и «сознательным», то есть научиться верить не в старую мифологию веры в единого бога, а в новейшую мифологию веры в научно-технический прогресс. Но, как мы видим, в современной России эти две мифологии уже хорошо ужились, не входя в конфликт друг с другом и не мешая друг другу ликвидировать разумные движения человеческой души в тотальном отсутствии существования рациональных коммуникаций между людьми.

Вообще, когда мы размышляем над судьбой мировой цивилизации, то должны понимать, что ее рациональные коммуникации, постоянно разрушающие мифологические представления людей, протекают в соприкосновении подсознательного существа человека с его инстинктом смерти. Но о каком-то «научном» психоаналитическом методе постижения этого инстинкта речи идти не может, поскольку сверхчеловеческое начало, воздействующее на психические ресурсы человеческой души из глубин этого инстинкта, настолько сильно натягивает «канат над бездной», что возврат к человеческому здесь практически невозможен. То есть невозможно возвратиться к наименьшему напряжению этого «каната над бездной», а фактически, к «человеческим» монотонным подсознательным движениям психических реакций, которые формируются той или иной социальной средой своей исторической эпохи под воздействием «сна» разума в системе мифологических представлений о реальности. Ницше потому и писал о «хищной» природе сверхчеловека, что хищником движет потребность в удовлетворении смертью, которая не является естественной для биологического существа, живущего под властью инстинкта самосохранения. И здесь не принципиально, как действует эта потребность в переживании смертельной

опасности: в атаке на свою жертву или схватке с другим хищником, главное, что хищником, можно сказать, движет это существо агрессии, которое формирует его склад психики в отличие от стадного животного. Подобный пример, конечно, не претендует на попытку его применения к человеку, как к существу, обладающему разумом. Но, с другой стороны, он демонстрирует в упрощенной форме взаимодействие между ценностями культуры и цивилизации, где, в первом случае, всегда определяющим является чувство самосохранения человека, а во втором, стремление к опасности с целью разорвать власть биологического инстинкта самосохранения. Поэтому Ницше, вслед за родоначальником этой идеи, Гераклитом, и утверждает известную философскую истину, что «начало всему — война».

Если классическая западноевропейская философия полагала, что основой субъективного разума являются научные знания человека, то новейшие позиции субъективного разума, как мы полагаем, выражаются в необходимости рассматривать разумным то, что определяет господство высших ценностей — над низшими. Понятно, что высшие ценности никак не могут быть научными, поскольку наука вообще нейтральна к ценностям, а относится лишь к достижениям абстрактного человеческого рассудка, который оперирует лишь конечными представлениями о мире. Тот факт, что сознание современного массового человека существует в бесконечном разнообразии низших ценностей жизни, в достаточной степени определено именно мифом о тождестве научно-технического прогресса и разума в истории мировой цивилизации. В действительности же, как мы видим с точки зрения позиций субъективного разума Ницше, только высшие ценности способны провести границу между представлениями человеческого рассудка и действием разума в человеческой душе, выраженного у

него в известном образе «каната над бездной». Но как определить содержание высших ценностей в существовании человека в массовой псевдоцивилизации? В данном вопросе иллюзий питать не стоит, поскольку производство высших ценностей возможно только тогда, когда возникает хотя бы минимальная основа рациональных коммуникаций между разумными людьми, а не их тотальное отсутствие, определяющее Темные Века нашей исторической эпохи. Высшие ценности не «придумываются», а вырабатываются суровой правдой жизни, которая с позиции субъективного разума всегда кажется чем-то зловещим для человека, чье сознание целиком и полностью заполнено мифологическими представлениями. Такой зловещей силой была идея единого бога на заре становления новой модели мировой цивилизации в умирающем языческом мире, которая была «свежей», незнакомой и «полной» для будущей судьбы мировой цивилизации. Ее воздействие оказывало моральное влияние на поведение человека не из-за формального предписания известных библейских заповедей, а потому что энергия воли к власти только набирала свою историческую силу в судьбе западноевропейских народов, то есть вся полнота «бездны» каната между человеком и сверхчеловеком была совершенно неизведанной в зачаточной модели новой цивилизации.

Таким образом, с позиции объективного исторического разума, осколки Российской империи в наше историческое время — это варварская «пустыня» по отношению к рациональным коммуникациям между людьми, где в сознании людей действует различная эклектика мифологических представлений о реальности. Понятно, что новейший миф о тождестве научно-технического прогресса и «разума» более «прогрессивен», чем миф о происхождении мира и человека из божественной воли Творца. Однако сама природа

мифа демонстрирует иррационализм жизни человека по отношению к его разумным движениям души. В этом смысле мы должны понимать, что все исторические цивилизации исчезают именно в момент исчерпания высшей психической энергии воли к власти, то есть в момент, когда остается одно «человеческое», или низшая система ценностей, связанная с финансовыми потоками, которые как трупные «черви» пожирают осколки старой цивилизации. Но и финансовая система, в конечном счете, постепенно тоже превращается в миф, как мы это видим по событиям, которые происходят на наших глазах, когда современная система псевдоцивилизации не имеет ни прошлого, ни будущего, а только бессмысленную «человеческую» суетливость настоящего момента времени.

Было бы наивно полагать, что эпоха Темных Веков наступает по каким-то математическим часам, то есть в отчетливом представлении наступающих событий, как это присутствует в научном проекте. В мировой истории все «перепутано» в топологии фрактального рисунка, вырывающего разумную действительность из хаоса мифологических представлений о реальности, по отношению к возможностям абстрактного человеческого рассудка привести события к какой-то отчетливой абстрактной схеме. Но все-таки некоторые характеристики исторических событий существуют. Немало в этом смысле сделал Шпенглер, заметивший, в частности, что последняя стадия существования цивилизации — это крах стабильного функционирования финансовой системы, когда ее активность перемещается в область мифологической реальности. Но поскольку мы исходим из объективной позиции исторического разума, то нас должны мало интересовать эти предсмертные «конвульсии» западноевропейской модели псевдоцивилизации, которая исчерпала последний минимум своей метафизиче-

ской энергии воли к власти. Мы рассуждаем от имени будущего, а потому видим вокруг себя только бессмысленные обломки когда-то очень активных рациональных коммуникаций исторического прошлого. Можно, конечно, пытаться искать в этой «агонии» иррациональных процессов современной псевдоцивилизации какой-то «разумный» смысл, которого не существует, но тогда придется отказаться от своего разума, который неумолимо увлекает в «утреннюю зарю» открывающейся бесконечной метафизической полноты нового мира.

СОДЕРЖАНИЕ

Школа рациональной мысли.	3
Часть I. «Сверхчеловеческое» как мера высших ценностей	13
Часть II. Ницшеанская «бездна» — метафизическая граница нового мира	91
Часть III. Историческая реальность XXI века с позиции высших ценностей	161

